

КОРЕЯ ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ МИР:

глобальные и локальные вызовы

(конец XIX – середина XX века)

КОРЕЯ ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ МИР:

глобальные и локальные вызовы

(конец XIX — середина XX века)

Москва

2024

УДК [32/33+908] (519.5)
ББК 65/66/63.3(5) (Кор) +26.89 (5Кор)
С23

Электронное издание

Фотография на обложке: Намдэмун (Великие южные врата),
Сеул, ок. 1904 г. Источник: коллекция Willard Dickerman Straight
and Early U.S.-Korea Diplomatic Relations, Cornell University Library.

Редакторы-составители: Гришина Д.Е., Соловьев А.В., Сон Ж.Г.
Редакционная коллегия: Гришина Д.Е., Ким Ен Ун, Лешаков П.С.,
Соловьев А.В., Сон Ж.Г., Хохлова Е.А.
Секретарь: Шинова Арина

Авторский коллектив:

Козлов Л.Е.; Соловьев А.В.; Забровская Л.В.; Розенфельд Е.В.;
Такахаси Ю., Кукла М.П.; Сон Ж.Г.; Ланьков А.Н.; Овчинникова Л.В.;
Ким Хэ Ран; Никитин Д.С.; Маньшина А.А.; Жебин А.З.

С23 **Корея** открывает для себя мир: глобальные и локальные вызовы (конец XIX —
середина XX века). Сборник трудов конференции Школы востоковедения
Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ 7—8 октября
2022 г. — М.: Адвансед солюшнз, 2024. — 156 с.

Korea opens the world: global and local challenges (late 19th—mid 20th century).
Proceedings of the conference of the School of Oriental Studies, Faculty of World
Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics
October 7—8, 2022. — М.: Advanced Solutions, 2024. — 156 p.

ISBN 978-5-6051143-0-7

Коллективная монография посвящена отдельным аспектам взаимоотношений
Кореи с окружающим миром (значимым Другим) в конце XIX — середине XX века.
Проблематика разделов охватывает вопросы как внутри-, так и внешнеполитиче-
ского развития страны, а также особенности нацистроительства в стране.

Книга адресована историкам, социологам, культурологам, политологам,
экономистам, международникам, а также широкому кругу читателей, интересую-
щихся междисциплинарными исследованиями Кореи.

Компьютерная верстка *Е. Конова*

ООО «Адвансед солюшнз»
119071, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 19, стр. 1,
<https://www.aov.ru/about.html>

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), 2024.
© Школа Востоковедения НИУ ВШЭ, 2024.
© Коллектив авторов. 2024.

ISBN 978-5-6051143-0-7

Содержание

Предисловие	4
Раздел I. Познать Другого	11
<i>Козлов Л. Е.</i> Сквозь цинскую призму: корейское восприятие европейской модели международного права и дипломатии во второй половине XIX века.	12
<i>Соловьев А. В.</i> Ю Гильджун и его «Рассуждение о нейтралитете (中立論)»: романтический реализм в преддверии нового мира	23
<i>Забровская Л. В.</i> Корейская миграция в Маньчжурию: причины и условия жизни (вторая половина XIX в.).	40
<i>Розенфельд Е. В.</i> Whose Heroes? The Great Japanese Marshal Artists of the Korean Origin	48
Раздел II. Познать себя	57
<i>Юко Такахаси.</i> The Korean Christian Church in Japan: the ethnic identity of a cross-boundary Korean Christianity	58
<i>Кукла М. П.</i> Экономическое планирование в Республике Корея в 1950-е гг.	68
<i>Сон Ж. Г.</i> Коммеморативные практики Республики Корея как инструмент сохранения памяти о борьбе за независимость Кореи в России и странах СНГ	80
<i>Ланьков А. Н.</i> Два государства, две нации: формирование двух национальных идентичностей на Корейском полуострове.	103
Раздел III. Познать себя в Другом	111
<i>Овчинникова Л. В.</i> Японская историография колониального управления в Корее (конец XIX—XX в.)	112
<i>Ким Хэ Ран.</i> Историко-педагогическое значение российских учебников корейского языка, изданных до 1990-х гг.	120
<i>Никитин Д. С., Маньшина А.</i> Начало Корейской войны: позиция Республики Индия	134
<i>Жебин А.З.</i> Нейтральная Корея — мысли о неммыслимом.	144
Список авторов	155

Предисловие

Пока мы не научимся распознавать себя как Другого, мы будем в опасности...

Джеймс дер Дериан

7—8 октября 2022 г. в Москве состоялась Первая Международная научно-практической конференции «Корея открывает для себя мир: глобальные и локальные вызовы (конец XIX — середины XX века), приуроченная к 10-летию Научно-образовательной секции исследований Кореи Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

В конференции приняли участие учёные из Республики Корея, Индии, Японии, Вьетнама, Норвегии и Великобритании, Владивостока, Южно-Сахалинска, Екатеринбурга, Томска, Санкт-Петербурга и Москвы. Нашу конференцию украсили известные в мировом сообществе корееведов профессора С.О. Курбанов (Санкт-Петербург, Россия), А.Н. Ланьков (Сеул, Республика Корея), В.Н. Тихонов (Осло, Норвегия), А.З. Жебин (Москва, Россия). Мы выражаем свою благодарность китаеведам и японистам, чьи научные интересы связаны с Кореей. Мы благодарим корееведов из разных стран за разнообразие предметов исследования, что, несомненно, стало ценностью нашей конференции.

Оргкомитет конференции уверен, что в рамках Школы востоковедения НИУ ВШЭ, публикация данного сборника станет началом традиции, и мы продолжим изучение заявленной темы, у которой ещё много лакун и «белых пятен». Период с конца XIX в. по середину XX в. был одним из самых драматичных периодов в истории человечества — эта мысль сама по себе довольно тривиальна, но она не тривиализирует важность потрясений, сопровождавших переход от традиционного уклада общественной-политической жизни в разных уголках земного шара к современному. Формирование наций и национальных государств, разрушение империй¹, колонизация и антиколо-

¹ Можно усмотреть некоторый символизм в том, что Корейская империя (1897 г.) стала последней из провозглашённых, а её падение ознаменовало начало эпохи падения империй. Не избежала этого падения и та империя, что поработила Корею — Японская.

ниальная борьба, просвещение и социально-политическая (и экономическая) эмансипация, выбор пути и поиск своего места в мире — это далеко не полный список задач, решать которые пришлось многим странам и народам мира.

Не стала исключением и Корея. Мир модерна, в который попала страна в период позднего Чосона (или, точнее, в который её практически выпихнули), уже не был привычной синоцентричной, иерархичной и структурированной Поднебесной-Тянься. Но не был он и тем гармоничным «концертом наций», партитуру для которого вроде бы написал Венский конгресс в начале XIX в. Скорее, он был похож на гоббсовский мир «войны всех против всех», в котором «страна-отшельник»², неосмотрительно покинувшая своё убежище, становилась законной добычей хищников.

Иными словами, Корея оказалась в окружении *Других* — чуждых и опасных — во взаимодействии с которыми ей и приходилось выстраивать и перестраивать себя, свою идентичность. Конструирование коллективной идентичности не обходится без внешней составляющей — эти идентичности определяются целыми напластованиями Других³. Общественно-политическая рефлексия этих взаимодействий — то есть познание себя и Другого — служит фундаментом этой конструкции, создавая предпосылку политического действия⁴. При этом конструирование национальной (как, впрочем, и индивидуальной) идентичности происходит не только через маркировку различий между «нами» и «Другим(и)» или в диалоге с «Другим», о котором вдохновенно писал М.М. Бахтин⁵, но и «в те моменты амбивалентности, когда человек (или на-

² Возможно, имеет смысл напомнить, что автор этого клише — Уильям Эллиот Гриффитс — в Корею никогда не был, а книгу «*Corea: the Hermit Nation*», вышедшую в 1882 г., написал на основе своего опыта пребывания в Японии в 1870-х. Клише прижилось, успешно пережило автора и по сей день применяется в англоязычных медиа по отношению к современной КНДР.

³ Нойманн И. «Использование «Другого»», 2004, с. 14—15) Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. — М.: Новое издательство, 2004, с. 14.

⁴ Нойманн И. Указ. соч., с. 15.

⁵ См., например, Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / 2-е изд. М.: Искусство, 1986. Более того, он полагал, что без Другого субъект вообще не способен на познание ни себя, ни окружающего мира.

род) становится «Другим» по отношению к самому себе, и при признании «Другого» себе подобным»⁶. Составляя наш сборник, мы старались следовать этой триаде: познать Другого — познать себя — познать себя в Другом.

Исторически Корея по большому счёту вполне обходилась двумя значимыми Другими — имперским Китаем и соседской Японией. Отношения с ними в целом следовали традиционным принципам «служения высшему» (*садэ*) и «добрососедства» (*кёрин*), давая, конечно, определённый материал для рефлексии, но новый и зачастую очень болезненный опыт столкновения с Другими резко стимулировал этот процесс. *Л.Е. Козлов* в статье **«Сквозь цинскую призму: корейское восприятие европейской модели международного права и дипломатии во второй половине XIX века»** исследует опыт первого масштабного знакомства корейцев с западными международными институтами и обычаями. Корея перенимала европейскую модель международного права и дипломатии, прежде всего, через посредничество Китая, то есть воспринимала ту её часть, которую империя Цин задолго до 1876 г. узнала, объяснила в рамках своего мировосприятия и отобрала для себя как наиболее подходящую и полезную. В частности, это были международные договоры, постоянные дипломатические миссии, дипломатическая терминология, монархическая титулатура, переводные труды по международному праву.

Рефлексия над некоторыми из этих норм стала предметом статьи *А.В. Соловьёва* **«Ю Гильджун и его «Рассуждение о нейтралитете (中立論): романтический реализм в преддверии нового мира»**. Ю Гильджун первым из корейских интеллектуалов предложил оригинальную модель нейтрального статуса для Кореи на основе своеобразного синтеза международно-правовых статусов суверенной Бельгии и Болгарии, которая в тот период оставалась данником Османской Порты. Смело сопрягая традиционные каноны дальневосточной дипломатии и западные положения об устройстве миропорядка, он выступил с оригинальными и самобытными идеями; некоторые из них были формально концептуализированы в теории международных отношений лишь во второй половине XX века.

⁶ Norton A. Reflections on Political Identity. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988, p. 34.

В статье *Л.В. Забровской* «**Корейская миграция в Маньчжурию: причины и условия жизни (вторая половина XIX в.)**» уже корейцы — корейские переселенцы в Маньчжурии и отношение к этому вопросу корейских властей — выступают в роли коллективного Другого для цинского правительства. Раскрывая мотивы китайско-корейского спора о статусе корейских переселенцев и изменение прежнего благосклонного отношения к корейским мигрантам после японо-китайской войны 1894—1895 гг., автор акцентирует внимание на том, как постепенное обретение Кореей внешнеполитической идентичности влияло на позицию Цинской империи.

Такого же рода Другими выглядели и корейцы для японцев — тем более в области боевых искусств и тем более в колониальный период — и всё же они сумели внести существенный вклад в формирование японской идентичности. Исследованию этой проблематики через отображение образов Рикидозана (Ким Синнак, 1924—1963) и Масутацу Оямы (Чхве Ён Ый, 1923—1994) в современном кинематографе посвящена статья *Е.В. Розенфельд* «**Whose Heroes? The Great Japanese Marshal Artists of the Korean Origin** (Чьи герои? Великие корейские мастера боевых искусств Японии)». Память о них стала бесспорной метафорой удивительного подъёма Японии после унижительного поражения во Второй мировой войне и последующей американской оккупации, но то, что они оба были корейцами, в итоге сделало их хорошей метафорой и для южнокорейского послевоенного чуда.

Второй раздел посвящён различным формам институционализации познания корейцами себя через взаимодействие с Другими. Так, статья *Юко Такахаси* «**The Korean Christian Churches in Japan: the ethnic identity of a cross-boundary Korean Christianity** (Корейские христианские церкви в Японии: этническая идентичность трансграничного корейского христианства)» рассматривает историю Корейской христианской церкви в Японии (КХЦЯ), прихожанами которой были корейцы-*дзайнити* — этническое меньшинство в Японии. Сплочённые этнической и вероисповедальной идентичностью, они сумели преодолеть трудности пребывания в недружественной атмосфере чужой страны, а экуменическая природа КХЦЯ позволила этому сообществу выйти за пределы самой себя, обратившись к проблемам меньшинств по всему миру.

Статья *М.П. Куклы* «**Экономическое планирование в Республике Корея в 1950-е гг.**» посвящена интереснейшему периоду в истории страны — периоду, когда экономические институты, которые стали основой для успехов индустриализации 1960—1970-х гг., ставшей известной как «Чудо на реке Ханган», только начали формироваться. Первые попытки восстановления и развития страны при Ли Сынмане были скорее чередой неудач, однако то был период обретения трудного опыта управления рыночной экономикой, политико-экономического и экспертного взаимодействия с США, период, когда Республика Корея училась формировать реалистичные ожидания от развития и выработать инструменты для воплощения этих ожиданий.

Непременным фактором конструирования политической идентичности народа является обращение к своему прошлому — политика памяти. Статья *Ж.Г. Сон* «**Коммеморативные практики Республики Корея как инструмент сохранения памяти о борьбе за независимость Кореи в России и странах СНГ**» анализирует коммеморацию как материальный компонент и важнейший инструмент формирования исторической памяти на примере ритуальных практик, посвящённых борцам за независимость Кореи на территории Российской Федерации. Ведущую роль в институционализации этих практик играют специальные правительственные учреждения Республики Корея, выполняющие роль «институтов памяти» — Министерство по делам патриотов и ветеранов, Мемориал истории независимости Кореи. Главная задача для них — продемонстрировать, что Корею освободил корейский народ. В этом направлении Республика Корея реализует комплекс мероприятий по генерированию, поддержанию и корректировке исторической памяти в национально-государственных интересах.

Статья *А.Н. Ланькова* «**Два государства, две нации: формирование двух национальных идентичностей на Корейском полуострове**» подводит промежуточный итог процесса нациестроительства на Корейском полуострове и перебрасывает мостик в наше время. От примордиалистских нарративов «крови и почвы» после разделения страны в 1945 году и практическим прекращением контактов Севера и Юга после 1953 г., нациестроительство в двух частях Кореи пошло разными путями. Развивающиеся сейчас в Северной и Южной Корее процессы можно интерпретировать как постепенное формирование двух корейских наций. Это является своеобразным историческим

экспериментом, который может иметь далеко идущие последствия для всего региона, а его изучение может внести вклад в давно идущий спор между сторонниками конструктивистской и примордиалистской теорий национальной идентичности.

Третья, заключительная часть нашего сборника посвящена процессу поиска себя в Другом. Важно, что не только окружающие Корею Другие способствовали формированию корейской идентичности, но и сама Корея нередко выступала таким онтологически-гносеологическим Другим как для своих ближайших соседей, так и стран, достаточно удалённых от полуострова.

Как показывает статья *Л.В. Овчинниковой* «**Японская историография колониального управления в Корее (конец XIX — XX в.)**» распознавание себя как Другого часто начинается с формирования негативного образа. Японская историография в рамках устоявшейся концепции общей родословной японцев и корейцев прежде всего видела соседнюю страну отсталой и исторически подчиненной Японии. В начале XX в. Япония стала продвигать идею «общей и неразрывной маньчжурско-корейской истории»; при этом говорилось о «несамостоятельности» Кореи в области политики и экономики, посему последняя была лишена «независимости и самобытности». Однако постепенно оценки японских историографов становились более критичными по отношению к роли и месту своей страны в отношении Кореи в целом и по отношению к деятельности японской колониальной администрации в Корее в частности.

Язык, будучи главным инструментом репрезентации, может многое сказать о себе и о Другом. *Ким Хэ Ран*, представив широкую панораму учебных пособий по корейскому языку, изданных в России за более чем вековую историю преподавания корейского языка, в статье «**Историко-педагогическое значение российских учебников корейского языка, изданных до 1990-х гг.**», особое внимание уделила отображению в этих пособиях социально-политических реалий России и представлений о Корее в соответствующие периоды времени. Многие приёмы, которые легли в основу этих учебников, остаются академически и методологически актуальными до сих пор, несмотря на влияние социально-исторического контекста, в котором они создавались.

Основой глубокого интереса Индии к Корее, сформировавшегося ещё в первой трети XX в., были сходные переживания стран, находившихся под колониальным гнѐтом. Корейская же

война, как показывают *Д.С. Никитин* и *А. Маньшина* в статье «**Начало Корейской войны: позиция Республики Индия**» стала тем оселком, на котором молодая республика оттачивала ключевые положения своей международной идентичности — претензии на роль регионального лидера и поборника неприсоединения. Совокупность целого ряда факторов, рассмотренных в статье, привела к тому, что Индия, осудив действия КНДР, не примкнула к силам ООН. Руководствуясь принципами ООН, Джавахарлал Неру одним из первых выступил с мирной инициативой разрешения конфликта, чтобы не допустить вмешательства в конфликт КНР. В годы конфликта Индия продолжала активно выступать за его мирное урегулирование, став одной из стран-членов ООН, поддержавших резолюцию о прекращении огня в июле 1953 г.

Наконец, *А.З. Жебин* возвращается к теме корейского нейтралитета в статье «**Нейтральная Корея — мысли о немислимом**». Он полагает, что основной внешней причиной сохраняющейся нерешённости ядерной и других корейских проблем является отсутствие общего для России, Китая, Соединённых Штатов и Японии, а также для двух Корей видения места будущей объединённой Кореи в архитектуре безопасности Северо-Восточной Азии. Антагонистические представления внешних игроков, преследующих свои национальные интересы — часто в ущерб коллективному благу — не позволяют прийти к согласию. Автор считает, что четыре «большие страны» с традиционно высокими ставками на Корейском полуострове — Россия, Китай, США и Япония, а также обе Кореи должны начать консультации, чтобы достичь такого согласия. А единственным реалистичным вариантом достижения воссоединения двух частей страны и обеспечения устойчивого мира на Корейском полуострове автору представляется нейтрализация объединённой Кореи.

Ж.Г. Сон, А.В. Соловьёв

Раздел I

ПОЗНАТЬ ДРУГОГО

Козлов Л. Е.

Сквозь цинскую призму: корейское восприятие европейской модели международного права и дипломатии во второй половине XIX века

Соловьёв А. В.

Ю Гильджун и его «Рассуждение о нейтралитете (中立論)»: романтический реализм в преддверии нового мира

Забровская Л. В.

Корейская миграция в Маньчжурию: причины и условия жизни (вторая половина XIX в.)

Розенфельд Е. В.

Whose Heroes? The Great Japanese Marshal Artists of the Korean Origin

Сквозь цинскую призму: корейское восприятие европейской модели международного права и дипломатии во второй половине XIX века

Козлов Л.Е.

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет (kozlov.le@dvf.ru).

***Аннотация.** В 1876—1886 гг. Корея заключила свои первые договоры и установила регулярные отношения с несколькими странами на основе европейской модели международного права и дипломатии. В нашем докладе мы обращаем внимание на то, что корейцы перенимали эти западные институты не столько напрямую, сколько при посредничестве цинского Китая, который к тому времени накопил существенный опыт отношений с Западом. Цинские дипломаты впервые познакомились с европейским «правом народов» в 1689 г. во время заключения Нерчинского договора с Россией. В течение XVII—XVIII вв. империя Цин неоднократно принимала временные миссии из России, Нидерландов, Великобритании и даже сама отправляла миссии за рубеж. Опиумные войны резко интенсифицировали заключение новых договоров и создание дипломатических миссий на территории Китая и в конечном итоге привели к основанию в 1875—1880 гг. восьми постоянных посольств империи Цин за рубежом. Вплоть до Симоносекского договора 1895 г. между Китаем и Японией, по которому Китай отказался от прав сюзерена на Корею, Корея перенимала европейскую модель международного права и дипломатии, прежде всего, через посредничество Китая, то есть воспринимала ту её часть, которую империя Цин задолго до 1876 г. узнала, объяснила в рамках своего мировосприятия и отобрала для себя как наиболее подходящую и полезную. В частности, это были международные договоры, постоянные дипломатические миссии, дипломатическая терминология, монархическая титулатура, переводные труды по международному праву.*

Ключевые слова: королевство Чосон, империя Цин, дипломатия, международное право, иностранные дела

В 1876—1886 гг. Корея заключила свои первые договоры и установила регулярные отношения с несколькими странами на основе европейской модели международного права и ди-

пломатии. Модернизация корейской дипломатии, начавшаяся в этот период, привела в конечном итоге к становлению дипломатических служб Юга и Севера Кореи в середине XX в., в общем и целом, функционирующих на основе общемировых стандартов Венской конвенции о дипломатических сношениях. Примечательно, что Корея перенимала западные институты международно-политического общения не столько напрямую, сколько при посредничестве цинского Китая, который к тому времени накопил существенный опыт отношений с европейскими и другими зарубежными странами.

Современная модель дипломатии зародилась в XIV в. в Северной Италии и распространилась по всему миру вслед за европейской политической и экономической экспансией. В отличие от прежних эпох европейская дипломатия Нового времени носила постоянный и профессиональный характер, исходила из полицентричности международных отношений, заставляла религиозных акторов адаптироваться к светским нормам. Наиболее значимую роль в развитии этой модели в XV—XVIII вв. сыграли Испания и Франция. Также европейские державы Нового времени опирались в своей внешней политике на развивавшееся параллельно с дипломатической методикой международное право (называвшееся тогда «правом народов»). Его теоретики, в том числе Франсиско де Витория, Альберико Джентили, Гуго Гроций, Эмер Ваттель, искали пути предотвращения конфликтов, выяснения соотношения сил и установления баланса интересов между христианскими государями посредством равноправного диалога и заключения межгосударственных договоров [Зонова, 2003, с. 14—17].

В отличие от Европы, страны Северо-Восточной Азии до XIX века осуществляли свои международные отношения в рамках иерархического порядка, в центре которого находились Китай и китайский император, древнекитайский язык был языком международного общения, а дипломатический протокол базировался на китайских ритуалах и правилах благопристойности. Китай как ядро региональной подсистемы признавал международные политические контакты исключительно в виде выражения иностранцами покорности и принесения дани китайскому императору [Чеснокова, 2017, с. 115—116]. В этой модели равноправные переговоры нижестоящих участников с главным центром принятия политических решений были исключены (хотя, разумеется, практические

ситуации международной политики сопровождались консультациями). Аналогом международного права в синоцентричной модели выступали указы и другие документы китайского императора, то есть не было речи о каких-то разрабатываемых сообща договорах, о каком-то их депозитарии и т.д. Постоянное дипломатическое представительство в данной связи особо не требовалось, и в целом внешняя политика стран СВА была более или менее изоляционистской.

Зависимое положение Чосона выражалось, прежде всего, в выплате ритуальной дани и получении корейским ваном инвеституры на правление от китайского императора. В этой модели внешние сношения Кореи осуществлялись, главным образом, при участии министерства ритуалов Едجو (禮曹). В большинстве случаев чосонские посланники *кёбинь* (交聘) направлялись с миссиями в Китай по поводу принесения жертвоприношений или погребения корейского монарха, а также для выражения поздравлений или соболезнований. Также существенную роль в дипломатических связях Чосона играло ведомство Саёгвон (司譯院), где работали государственные переводчики современного китайского, японского, монгольского и чжурчжэньского языков. Помимо перевода, они решали организационно-бытовые вопросы внешних сношений. Ведением и хранением дипломатической документации занималось ведомство Сынмунвон (承文院) [Пэк, 2015, с. 36—38].

Дипломатия Кореи в отношении Китая базировалась на принципе почитания старшего (в отечественной историографии также распространён перевод «служения высшему» — *ред.*) *садэ* (事大), а в отношении «ближнего зарубежья» (Японии, Вьетнама, Тайваня, Рюкю, чжурчжэней) — на принципе *кёрин* (交隣), примерно соответствующем современному термину «добрососедство». Главным партнёром в дипломатии «кёрин» была Япония, куда Корея периодически отправляла *тхонсинса* (通信使), специфические миссии численностью до 500 человек (включая многочисленных деятелей культуры), призванные произвести впечатление на японский политический и интеллектуальный класс [Lee, 2010, p. 181]. Но и на этом уровне подразумевалась системообразующая роль китайского императора, китайских ритуалов, правил приличия и т.д.

Синоцентричная модель дипломатии была для корейцев единственно возможной вплоть до 1876 г., когда под угрозой применения военной силы Япония принудила Чосон заклю-

чить Канхваский договор о внешнеторговых и дипломатических отношениях. Однако цинские дипломаты к тому времени уже имели богатый опыт ведения дел с европейскими державами. В частности, с европейским «правом народов» они предметно познакомились в 1689 г. в ходе заключения Нерчинского договора с Россией, согласно запискам участника этих переговоров иезуита Франсуа Жербийона [Русско-китайские отношения в XVII веке, 1972, с. 750]. Отдельные же дипломатические и торговые контакты с Европой имела ещё династия Мин. Возможно, это стечение обстоятельств, но именно в XVII веке произошло и утверждение династии Цин в Китае, и основных постулатов современной модели дипломатии в Европе.

В течение XVII—XVIII вв. империя Цин неоднократно принимала временные миссии из России, Нидерландов, Великобритании и даже сама отправляла миссии за рубеж. Особенно интересна миссия в Россию к императрице Анне Иоанновне 1731—1733 гг., из российских и маньчжурских отчётов о которой определённно следует, что цинские дипломаты вполне понимали базовые требования европейского протокола, форму верительных грамот и дипломатической переписки, порядок ведения переговоров [Мороз, 2010, 24—25]. В случае политической необходимости Китай был готов заключать договоры со странами вне синоцентричного круга, явно уступающими ему в могуществе, в частности, с Кокандским ханством в 1832 г. [Якубов, 2018, с. 70]. В целом складывается впечатление, что маньчжурская властная элита была в вопросах дипломатии более гибкой, чем ханьская.

Опиумные войны резко интенсифицировали заключение новых договоров Китая и Запада и размещение западных миссий на китайской территории. Под давлением Запада в 1861 г. цинское правительство создало специализированное ведомство по иностранным делам Цзунлиямынь, хотя и с весьма скудными полномочиями. Далее Китай направил первые временные миссии в Европу в 1866 г. и в США в 1868 г. В конечном итоге этот процесс привёл к основанию в 1875—1880 гг. сети постоянных диппредставительств империи Цин за рубежом: в Великобритании, США, Испании, Перу, Японии, Франции, Германии, России [Zhang, Xu, 2007, p. 443].

Для подготовки собственных кадров, обслуживающих переговоры с западными державами, в 1862 г. в Пекине была

создана школа иностранных языков Тунвэньгуань. В 1864, 1877 и 1880 гг. Тунвэньгуань перевела на китайский язык и издала три книги о западном международном праве: «Начала международного права» американского юриста и дипломата Генри Витона, «Введение в изучение международного права» американского учёного Теодора Вулси и «Современное международное право цивилизованных государств» швейцарского юриста и политика Иоганна Блюнчли [Ап, 2017, р. 7]. Полученные из этих работ знания китайская сторона немедленно начала применять в иностранных делах. Поскольку многие политико-правовые термины западного мира отсутствовали ранее в китайской культуре, переводчикам подобных текстов приходилось подбирать подходящие по смыслу иероглифы в классических трудах [Тихвинский, 2003, с. 194]. Соответственно, итоговый результат носил более или менее творческий характер и во многом зависел от мнения переводчика и редактора.

Корейские посланники, регулярно посещавшие Пекин в рамках дипломатии *садэ*, старались собирать там сведения об актуальных международных процессах. Поэтому к 1876 г. чосонское правительство было в определённой степени осведомлено о вышеописанных переменах, но, безусловно, не в подробностях, так как китайская сторона не приветствовала общение своих вассалов с делегациями из «дальнего зарубежья». Кроме того, значительная часть корейского политического руководства и интеллектуального слоя в принципе отвергала западную культуру, возможность отношений с Западом и необходимость его изучения. Таким образом, не будучи профанами в дипломатии и отлично ориентируясь в синоцентричном миропорядке, чосонские власти имели только приблизительное понимание дипломатических методов и международного права Запада.

После заключения Канхваского договора цинское правительство пришло к мысли, что Корею будет полезно диверсифицировать свои договорные отношения с западными державами, чтобы уравновесить влияние Японии, и само стало подталкивать корейское правительство в данном направлении в качестве сюзерена-посредника. В процессе подготовки договора 1882 г. между Чосоном и США корейское правительство запрашивало у Китая примеры его договоров с западными странами. Хотя Китай и отказал в ознакомлении с подлинниками, но предоставил корейской стороне примерный обра-

зец такого договора, который разработал дипломат Ма Цзяньчжун, первый китаец, обучившийся международному праву в Европе. Соответствующие переговоры с США проводились, в основном, в китайском Тяньцзине между цинскими и американскими представителями, а корейская сторона по большей части удовлетворялась ролью наблюдателя [Забровская, 1987, с. 24—27].

Ориентируясь на опыт цинского Цзунлиямыня, чосонский монарх Кочжон учредил в декабре 1880 г. ведомство Тхонънигимуамун (統理機務衙門) в составе двенадцати *са* (управлений), в том числе, по отношению с Китаем (*садэса*) и отношениям с другими иностранными государствами (*кёринса*) [Ю, 2019, с. 15]. В ходе мятежа года Имо (июнь 1882 г.) Тхонънигимуамун был ликвидирован, но после стабилизации внутривосточной ситуации реформы государственного управления в Корее продолжились — теперь уже под контролем Китая, который был заинтересован в существовании дружественного и способного противостоять экспансии третьих стран режима на Корейском полуострове. Китай отправил в Сеул «генерального комиссара по торговле и переговорам», который занимался далеко не только вопросами международной торговли, но фактически осуществлял надзор за корейской внутренней и внешней политикой. Юань Шикай, заняв этот пост, всячески подчёркивал перед дипломатами третьих стран, что является не дипломатом, а своего рода наместником в Корее [Шарафетдинова, 2014, с. 121].

В ноябре 1882 г. Коджон создал два новых ведомства: Веамун (外衙門), занимавшийся иностранными делами и торговлей, и Нэамун по военным и полицейским делам. По рекомендации Китая, корейское правительство пригласило в Веамун двух советников: немца Пауля Георга фон Мёллендорфа, прежде служившего на китайской морской таможне, и вышеупомянутого Ма Цзяньчжуна. В декабре того же года Веамун был переименован в Тхонънигёсоптхонъсаньсамуамун, ведомство переговоров и торговли (統理交涉通商事務衙門). Спектр обязанностей у нового ведомства был очень пёстрый, но, среди прочего, оно осуществляло и обычные функции центрального аппарата министерства иностранных дел (ведение дипломатической переписки и переговоров, составление проектов договоров и хранение заключённых договоров, отправка корейских делегаций за рубеж, размещение иностранных миссий

в Корею и т.д.), описанные в работе Витона. Правда, империя Цин в сношениях с третьими державами регулярно заявляла о зависимом или полусуверенном статусе Чосона, настаивала на внесение соответствующих пассажей в международные договоры Чосона, старалась контролировать его дипломатические контакты, поэтому вплоть до японо-китайской войны 1894—1895 гг. полное осуществление дипломатических прав Чосона было затруднено [Ю, 2019, с. 26—27].

В этот период из китайского языка в корейский стали заимствоваться термины, описывающие новые дипломатические реалии. В частности, термин «外交 (외교)», сегодня употребляемый в Китае и Корее в значении «дипломатия», ранее использовался в запретительном смысле, в составе фразы «слуга не может заниматься дипломатией» в китайской «Книге ритуалов» (禮記) (в отечественной историографии также распространена передача в транскрипции: «Ли цзи» — *ред.*). Когда цинское правительство пришло к мысли о том, что заключение Кореей договоров с западными державами соответствует его интересам, этот термин стал менее табуированным. Сообщение о том, что Корея является данником Китая, но самостоятельно осуществляет «внутреннее управление» (內治) и «дипломатию» (外交), было отправлено президенту США корейским монархом после заключения договора 1882 г. [Мин, 2018, с. 211—212]. В том же договоре корейский монарх впервые был титулован *кунджу* (君主). Этот термин был взят из договора между Великобританией и Китаем 1842 г., при заключении которого требовалось титулование британского короля, не имевшее ничего общего с вассальным статусом монархов второго ранга (ван) в Восточной Азии. В договоре между Кореей и Великобританией 1883 г. к этому титулу прибавилась приставка «тэ» (великий), взятая из другого англо-китайского договора от 1860 г. Термин *тэгунджу* (大君主) постепенно укоренился в качестве титулования Коджона среди иностранного дипкорпуса в Корее. С 1888 г. в дипломатических документах Кореи, за исключением сношений с Китаем, стал использоваться термин *Пхеха* (Его Величество, 陛下), ранее разрешённый только в адрес китайского императора [Мин, 2019, с. 150].

Вышеупомянутые труды по международному праву вскоре после издания в Китае были импортированы в Корею. Среди корейцев особенную популярность приобрёл труд Блюнчли, который корейское правительство переиздало и широко рас-

пространило в 1896 г. [Ап, 2017, р. 7]. Также, опираясь на опыт школы Тунвэньгуань, в Сеуле в декабре 1882 г. была создана школа Тонмунхак (同文學), ориентированная на подготовку переводчиков английского языка первичного уровня и невысокого социального статуса [Kim, 2008].

Вывод нашего доклада состоит в следующем. Вплоть до Симоносекского договора 1895 г. между Китаем и Японией, по которому Китай отказался от прав сюзерена на Корею, Корея перенимала европейскую модель международного права и дипломатии, прежде всего, через посредничество Китая, то есть воспринимала ту её часть, которую империя Цин задолго до 1876 г. узнала, объяснила в рамках своего мировосприятия и отобрала для себя как наиболее подходящую и полезную.

Библиография

Забровская Л.В. Политика Цинской империи в Корее 1876—1910 гг. М.: Наука, 1987. 131 с.

Зонова Т.В. Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2003. 336 с.

Мин Хвесу. 19сэги мальхангугэсоэ «вегё» ёньоэ хварёнъ ёнсанъ: [Использование термина «дипломатия» в Корее в конце XIX в.] // Чинданханбо. 2018. № 131. С. 179—212. (На кор.)

Мин Хвесу. Кабогэхёк ичжон чосонэ хванъчжегук ёньо саёнъ: [Использование термина «империя» в королевстве Чосон до реформ года Кабо] // Кючжангак. 2019. № 55. С. 123—150. (На кор.)

Мороз И.Т. Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.) // Восточный архив. 2010. № 2. С. 19—26.

Пэк Оккён. Кэхваги понёккван яньсонъиль вихан вегуго кё-юкква кы мунчжечжом: [Подготовка переводчиков для образования в сфере иностранных языков и сопутствующие проблемы в период реформ] // Ихвасахак ёнгу. 2015. № 50. С. 35—66. (На кор.)

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. Т. 2: 1686—1691. М.: Наука, 1972. 835 с.

Тихвинский С.Л. Опыт межцивилизационного синтеза на рубеже XIX—XX веков [Рец.] // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 192—199.

Чеснокова Н.А. Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «садэ» в Корее в XVII—XVIII вв. // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 2. С. 114—122.

Шарафетдинова А.И. Политика США в Корее в 1866—1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. 232 с.

Ю Бада. Кёринэсо вегёро: Тхонънигёсоптхонъсанъсамуамунвегёэ кукчебопчжок квоннынъгва ханге: [От политики кёрин до дипломатии: международно-правовые полномочия и ограничения дипломатии ведомства переговоров и торговли Тхонънигёсоптхонъсанъсамуамун] // Хангуксаханбо. 2019. Т. 77, № 11. С. 7—27. (На кор.)

Якубов Е.А. Историчность феномена «еврея-диванбеги» в свете Кашгарского конфликта первой трети XIX в. // Восток (Oriens). 2018. № 3. С. 64—75.

An Jong-Chol. Korean understanding of “civilization” and “sovereignty” in the late 19th century: an analysis on three international law books // Korea in global history: the long nineteenth century and the foreign powers. Program of conference. Heidelberg, 2017. P. 7.

Kim Eun-gyong. English Language School for Joseon Ruling Class (III) // The Korea Times. 2008. May 14. URL: <http://www.koreatimes.co.kr/www/news/include/print.asp?newsidx=24154> (дата обращения 12.09.2021).

Lee Sanggyu. Research Trends in the Field of Joseon Tongsin Studies // The Review of Korean Studies. 2010. Vol. 13, № 1. Pp. 181—201.

Zhang Xiaomin, Xu Chunfeng. The Late Qing Dynasty Diplomatic Transformation // Chinese Journal of International Politics. 2007. Vol. 1. Pp. 405—445.

References

An Jong-Chol (2017). Korean understanding of “civilization” and “sovereignty” in the late 19th century: an analysis on three international law books, *Korea in global history: the long nineteenth century and the foreign powers*. Program of conference. Heidelberg, p. 7.

Baek Ok-kyung (2015). Gaehwagi beon-yeoggwan yangseong-eul wihan oegug-eo gyoyuggwa geu munjejeom [Training of translators for education in the field of foreign languages and related problems during the reform period], *Ihwasahag-yeongu*, No. 50: 35—66. (In Korean)

Chesnokova, N.A. (2017). Diplomatiya na grani fola: “vernost”, “dolg” i “sadae” v Koree v XVII—XVIII vv. [Diplomacy on the verge of a foul: «loyalty», «duty» and «sadae» in Korea in the 17th-18th centuries.], *Vestnik RGGU. Seriya “Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otноsheniya”*, No. 2: 114—122. (In Russian)

Kim Eun-gyong (2008). English Language School for Joseon Ruling Class (III), *The Korea Times*, May 14. URL: <http://www.koreatimes.co.kr/www/news/include/print.asp?newsidx=24154> (accessed: 12.09.2021).

Lee Sanggyu (2010). Research Trends in the Field of Joseon Tongsin Studies, *The Review of Korean Studies*, Vol. 13, No. 1: 181—201.

Min Hoe-soo (2018). 19segi mal hangug-eseoui “oegyo” yong-eoui hw'al-yong yangsang [Some aspects of the usage of the term “diplomacy” in Korea at the end of the 19th century], *Jindanhagbo*, No. 131: 179–212. (In Korean)

Min Hoe-soo (2019). Gab-ogaehyeog ijeon joseon-ui hwangjegug yong-eo sayong [Use of the term “empire” in the Kingdom of Joseon before the reforms of the Gabo year], *Gyujang-gag*, No. 55: 123–150. (In Korean)

Moroz, I.T. (2010). Pervoye kitayskoye posolstvo v Sankt-Peterburge (1732 g.) [The first Chinese embassy in St. Petersburg (1732)], *Vostochnyy arhiv*, No. 2: 19–26. (In Russian)

Russko-kitayskiye otnosheniya v XVII veke: Materialy i dokumenty: v 2 t. Tom 2: 168–1691 [Russian-Chinese relations in the 17th century: Materials and documents: In 2 vols. Vol. 2: 1686–1691]. Moscow: Nauka, 1972, 835 p. (In Russian)

Sharafetdinova, A.I. (2014). Politika SShA v Koree v 1866–1905 gg. [US policy in Korea in 1866–1905.], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 232 p. (In Russian)

Tihvinskiy, S.L. (2003). Opyt mezhtsivilizatsionnogo sinteza na ru-bezhe XIX–XX vekov [The experience of intercivilizational synthesis at the turn of the 19th–20th centuries], *Novaya i noveyshaya istoriya*, No. 1: 192–199. (In Russian)

Yakubov, E.A. (2018). Istorichnost' fenomena “evreya-divanbegi” v svete Kashgarskogo konflikta pervoy treti XIX veka [The Historicity of the Phenomenon of the “Jew-Divanbegi” in the Light of the Kashgar Conflict in the First Third of the 19th Century], *Vostok (Oriens)*, No. 3: 64–75. (In Russian)

Yoo Bada (2019). Gyorin-eseo oegyoro: tongrigyoseobtong-sangsamuamun-oegyoui gugjebeobjeog gwonneung-gwa hangye [From Gyorin Policy to Diplomacy: The International Legal Powers and Limitations of Diplomacy of the Negotiation and Commerce Office], *Hangusahagbo*, Vol. 77, No. 11: 7–27. (In Korean)

Zabrovskaya, L.V. (1987). Politika Tsinskoy imperii v Koree 1876–1910 gg. [Policy of the Qing Empire in Korea 1876–1910]. Moscow: Nauka, 131 p. (In Russian)

Zhang Xiaomin, Xu Chunfeng (2007). The Late Qing Dynasty Diplomatic Transformation, *Chinese Journal of International Politics*, Vol. 1: 405–445.

Zonova, T.V. (2003). Sovremennaya model diplomatii. Istoki staovleniya i perspektivy razvitiya [Modern model of diplomacy. Origins and development prospects]. Moscow: ROSSPEN, 336 p. (In Russian)

Through the Lens of Qing: Korean Perceptions of the European Model of International Law and Diplomacy in the Second Half of the 19th Century

Leonid E. Kozlov

Leonid E. Kozlov, Candidate of Sciences (Politics), Associate professor of international relations, Far Eastern Federal University (kozlov.le@dvfu.ru).

Abstract. *In 1876–1886, Korea concluded its first treaties and established regular relations with several countries based on the European model of international law and diplomacy. Historians usually view the Western-influenced modernization of Korean politics. We draw attention to the fact that the Koreans adopted the Western institutions not so much directly, but through the mediation of Qing China, which by that time had accumulated significant experience in relations with the West. Qing diplomats first became acquainted with the European “law of nations” in 1689 during the conclusion of the Nerchinsk Treaty with Russia. During the 17th and 18th centuries, the Qing Empire repeatedly received ad hoc missions from Russia, the Netherlands, Great Britain, and even sent missions abroad itself. The Opium Wars sharply intensified the conclusion of new treaties and the establishment of diplomatic missions in China and ultimately led to the foundation in 1875–1880 of eight permanent legations of the Qing Empire abroad. Until the Shimonoseki Treaty of 1895 between China and Japan, according to which China renounced the rights of a suzerain over Korea, Korea adopted the European model of international law and diplomacy, primarily through the mediation of China. That is, Korea perceived that part of it that the Qing Empire long before 1876 recognized, explained within the framework of its worldview and selected for itself as the most suitable and useful. In particular, these were international treaties, permanent diplomatic missions, diplomatic terminology, monarchical titles, translated works on international law.*

Keywords: *Kingdom of Joseon, Qing empire, diplomacy, international law, foreign affairs*

Ю Гильджун и его «Рассуждение о нейтралитете» (中立論): романтический реализм в преддверии нового мира

Соловьёв А.В.

Соловьёв Александр Валерьевич, заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике», Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (alexsolovievster@gmail.com)

***Аннотация.** К работе корейского интеллектуала и политического деятеля Ю Гильджуна (1856—1914) «Рассуждение о нейтралитете» (中立論), написанной в конце 1885 г., отечественная историография почти не обращалась. Тем не менее, «Рассуждение» представляется весьма важным для понимания того, как складывались представления корейской интеллектуальной элиты о мироустройстве и роли Кореи в миропорядке эпохи модерны.*

Ю Гильджун первым из корейских интеллектуалов предложил оригинальную модель нейтрального статуса для Кореи на основе своеобразного синтеза международно-правовых статусов суверенной Бельгии и Болгарии, которая в тот период, оставаясь данником Османской Порты, была признана Берлинским конгрессом автономным (полунезависимым) княжеством.

В «Рассуждении» Ю Гильджун свободно и уверенно оперирует терминами и концепциями международных отношений, демонстрируя глубокое понимание их сути и принципов. В своей работе он смело сопрягал традиционные каноны дальневосточной китаецентричной дипломатии, западные положения об устройстве миропорядка (баланс сил, геополитика) и формулировал новые идеи и методы оценки международной обстановки — некоторые из них были формально концептуализированы в теории международных отношений лишь во второй половине XX века (международный режим, секьюритизация).

***Ключевые слова:** Корея, Ю Гильджун, «Рассуждение о нейтралитете», теория международных отношений, история международных отношений*

Сочинение корейского мыслителя и политического деятеля Ю Гильджуна «Рассуждение о нейтралитете» (中立論), написанное в конце 1885 года, представляет комплексный ана-

лиз проблемы обеспечения безопасности страны перед лицом внешней угрозы. Нейтралитет, по Ю Гильджуна, — «это и прекрасная возможность защититься от России, и политическая стратегия самозащиты для всех великих азиатских держав» [Ю, 1885, с. 321]. Документы такого рода в теории и практике международных отношений называют докладными (или аналитическими) записками — *policy papers*. Иными словами, это не столько концептуализация или осмысление природы международных отношений, сколько обоснование конкретных политических шагов, которые власти должны предпринять в конкретной ситуации.

Написанная на пороге эпохи «корейского модерна», эта работа стала, безусловно, оригинальной¹ и новаторской, хотя в ней и прослеживается свойственное одному из самых «вестернизированных» мыслителей Кореи того периода стремление к синтезу традиционных и западных² представлений о принципах организации политики. Этот аспект мысли Ю Гильджуна заслуживает отдельного анализа³, а здесь мы решили рассмотреть «Рассуждение» в рамках различных концепций теории международных отношений⁴. Обращение к этим концепциям нужно нам для того, чтобы оценить аргументацию Ю Гильджуна и показать, как он использует актуальные для своего времени идеи об организации внешней политики. Мы покажем, что работа Ю Гильджуна вполне соответствовала уровню развития ТМО того периода, а некоторые его выклад-

¹ Концепция нейтралитета сама по себе уже не была новеллой для корейского политика. О перспективности нейтрального статуса Кореи в 1882—1885 гг. уже говорили (в частности, министр иностранных дел Японии Иноуэ Каору [Deuchler, 1969, pp. 145, 212], германский вице-консул в Корее Херманн Будлер, и Георг фон Мёллендорф [Чонь, 2017, с. 204—205], и другие, включая Ким Оккюна [Тихонов, Ким, 2011, с. 179; Ю, 2017, с. 85—86]).

² К тому времени корейские интеллектуалы были уже знакомы с ключевыми положениями западного международного права: в 1864, 1877 и 1880 гг. были переведены на китайский и вскоре попали в Корею три классические европейские работы: «Начала международного права» Генри Витона, «Введение в изучение международного права» Теодора Вулси и «Современное международное право цивилизованных государств» Иоганна Блюнчли [Козлов, 2022, с. 40—41].

³ Подробнее об этом см. [Казанцев, Соловьёв, 2022].

⁴ Автор выражает глубокую благодарность И.А. Сафранчуку за замечания и консультации по вопросам методологии и общей теории международных отношений.

ки серьёзно опередили время (во всяком случае — на уровне теоретической проблематизации).

Для анализа мы (в сотрудничестве с аспирантом департамента зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ А.Е. Казанцевым) перевели с ханмуна адаптированный текст «Рассуждения»⁵, выверенный по фотокопии оригинального рукописного издания: 『兪吉濬全書』4 政治經濟編, 外交論, 中立論, 兪吉濬전서편 찬워원회편, 1971, 319—328쪽⁶. Далее перевод был выверен по современным переводам на корейский язык в: [Ким, 2021]; [Ури ёкса, без даты].

Структура и содержание «Рассуждения»

Работа Ю Гильджуна начинается как суховатый академический доклад, выполненный в позитивистской манере. Он вводит основные концепции (нейтралитет военного времени, постоянный или «вечный» нейтралитет), раскрывает их суть и механизмы с точки зрения международного (публичного) права, приводит эмпирические примеры (Бельгия и Болгария), иллюстрирующие эти концепции, а затем сопоставляет их международное положение с международным положением Кореи и международной обстановкой вокруг неё. Методологически это вполне обоснованный приём — применение известной модели выстраивания международных отношений к текущей политической ситуации.

Дальше он переходит к описанию текущих угроз (главная из которых — экспансия России, а второстепенная — поведение Японии), и методам их предупреждения через «нейтрализацию» Кореи в рамках системы международных договоров с державами-интересантами во главе с Китаем. Рассмотрев в качестве антитезы гипотетическую угрозу аннексии Кореи Китаем, он аргументированно её опровергает. Также он отвергает и перспективу того, что «провайдером безопасности» для Кореи может стать США: «США находятся далеко — через океан, и отношения с нами у них неглубокие. К тому же со-

⁵ Текст размещён на портале «Ури ёкса» Национального института истории Кореи (http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110)

⁶ Автор искренне благодарен А. Ланькову и О. Федоровой за неоценимую помощь в поиске этой фотокопии

гласно доктрине Монро [США] не могут вмешиваться в евразийские дела. Если у нас возникнет нужда (придёт беда), они выразят поддержку на словах, но войска [нам] на помощь не отправят» [Ю, 1885, с. 323].

Постепенно текст «Рассуждения» становится эмоционально нагруженным и образным, в конце концов из аналитической записки превращаясь в петицию с призывом к корейской правительству «умолять Китай о помощи» [там же, с. 328].

На примерах Бельгии (нейтральная суверенная страна) и Болгарии (данник Османской Порты, признанная Берлинским конгрессом нейтральным полунезависимым княжеством), Ю Гильджун конструирует геополитический бином, заявляя, что «[международное] положение нашей страны фактически сопоставимо с положением обоих рассматриваемых государств» [там же, с. 321]. Сопоставляя соответствующие сходства («Нынешнее географическое расположение нашей страны в «глотке и гортани»⁷ Азии, подобно географическому положению Бельгии в Европе; а по [международному] статусу, [будучи] данником Китая, она схожа с Болгарией в отношении Турции» [там же, с. 320]), он не игнорирует различия («Однако Болгария действующих равных по ритуалу (равноправных) договоров⁸ с другими странами не имеет, а наша страна имеет. Бельгия // не получает от страны-сюзерена инвестиру, а наша страна получает» [там же, с. 320—321]), но они в его конструкте являются не ограничителем, а, скорее, наоборот, преимуществом Кореи, поскольку создают более благоприятные условия для её «нейтрализации».

Через 10 лет, в одном из самых известных своих сочинений, 西遊見聞, (*Сою кёнмун* — «Наблюдения при путешествии на Запад»), он окончательно концептуализирует этот бином в по-

⁷ «Глотка и гортань» (咽喉) — метафора стратегически важного, ключевого района.

⁸ Примечательно, что «равными по ритуалу» (т.е. равноправными) Ю Гильджун называет договора, которые в более поздней историографии станут известны под строго противоположным названием. Стоит при этом заметить, что договора между равными — не новость для традиционного конфуцианского «домодерного» иерархичного миропорядка (об этом говорит хотя бы то, что для их обозначения использовалась устойчивая метафора: 玉帛 (яшма и шёлк); при заключении союза князья обмениваются подарками в виде яшмы и шёлка); правда, актуализировалась эта практика в основном в период либо феодальной раздробленности, либо упадка империи [Козинец, 2016, с. 110].

нятии 兩截體制 (양절체제), «система двойного отрицания») [Ким, 2021, 12]. Это понятие несколько противоречиво, поскольку призвано отражать двойственное положение Кореи в системе международных отношений конца XIX в. — с одной стороны, она частично принадлежит к традиционному синоцентричному мироустройству, с другой — привержена «западному» международному праву; при этом она не превращается в полноценный структурный элемент ни той, ни другой системы.

Концептуальные элементы ТМО в «Рассуждении о нейтралитете»

На первый взгляд «Рассуждение» выдержано в классическом консервативно-реалистском духе (что, в принципе, совершенно естественно, поскольку никаких иных направлений научной мысли о международных делах тогда ещё не существовало: будущий американский президент Вудро Вильсон, с именем которого связывают формирование второй великой школы ТМО — либеральной — в 1885 г. только готовился окончить аспирантуру Университета Джона Хопкинса, а первым конструктивистским концепциям международных отношений предстояло оформиться только через век)⁹. Главными акторами международных отношений Ю Гильджун считает исключительно государства, важнейшими из которых являются державы. Природу их внешнеполитического поведения он полагает исключительно хищнической: «Желание сильного присоединить слабого, стремление великого государства поглотить малое — это естественный (неудержимый) позыв человеческой природы¹⁰» [Ю, 1885, с. 321].

Главной задачей любого государства Ю Гильджун полагает выживание (вполне в духе реалистских канонов), а ключевым

⁹ Справедливости ради стоит отметить, что представление о мирном сосуществовании и сотрудничестве государств формировались в политической среде уже в конце XIX века. Одной из первых масштабных попыток их практической реализации стала Гагская конференция по разоружению 1899 г., проведённая по инициативе России.

¹⁰ Дословно: 人世之技癢. Ким Джонхак [Ким, 2021, 22] переводит 技癢 как «застарелая болезнь/порок (고질병)», но это несколько некорректно, поскольку Ю Гильджун, как известно, вполне разделял идеи социального дарвинизма (по крайней мере, в период написания «Рассуждения о нейтралитете») — см., например, [Рязанова, 2017].

способом обеспечить это выживание — самоусиление (в тот период эта концепция набрала огромную популярность среди дальневосточных интеллектуалов)¹¹. Одним из важнейших факторов международного положения страны и её перспектив он полагает её географическое (т.е. геополитическое) положение: «Если некая страна, расположенная на [стратегически] важной для других государств территории... [может]... попасть в руки могучей державы, это дестабилизирует сложившийся миропорядок (равновесие сил)¹² и создаст угрозу [безопасности] для соседних государств» [там же, с. 319], а Корея, как уже говорилось выше, расположена в «глотке и гортани» Азии. Поскольку она при этом оказалась неспособна на достаточное для защиты себя самоусиление¹³, ей остаётся рассчитывать только на международно признанный нейтралитет: «Только нейтралитет — единственный способ по-настоящему защитить нашу страну» [там же, с. 326].

Таким образом, описывая международную среду и место Кореи в этой среде и внешнюю (т.е. привнесённую и обеспеченную внешними акторами) природу необходимого для Кореи нейтралитета, Ю Гильджун действительно остаётся реалистом, но решение, которое он рекомендует, уже выходит за рамки классического реализма.

¹¹ Здесь (как и в тезисах о русской угрозе, об уникальном геополитическом положении Кореи в Азии, о необходимости опоры на Китай, о балансе сил и силе международных договоров) заметно влияние сочинения китайского дипломата Хуан Цзуньсяня «Стратегия [для] Кореи» (朝鮮策略, *Чаосьян цзюэ*), которое тот в 1880 г. передал тогдашнему главе корейской дипломатической миссии в Японии Ким Хонъджипу.

¹² Дословно: 時局之大權.

¹³ Возможно, именно в силу принципиальной и объективной неспособности Кореи защитить себя собственными силами, Ю Гильджун и не обращается, в отличие от Херманна Будлера [Чонъ, 2017] к другому очевидному образцу нейтральной страны — Швейцарии. Кроме того, несмотря на то, что нейтралитет Швейцарии, как и нейтралитет Бельгии, был обеспечен международно-правовыми актами (в частности, решениями Венского конгресса 1815 г. для Швейцарии и Лондонской конференции пяти держав 1831 г. для Бельгии), он сформировался не только под воздействием внешних обстоятельств, но стал результатом развития внутривнутриполитических процессов, превратившись в национальную идею и основу национальной идентичности. Примечательно, что объявленный правительством Корейской империи накануне русско-японской войны, 21 января 1904 г. нейтралитет был скорее «будлеровским», основанным на швейцарской модели [Чонъ, 2017, 212]. Впрочем, как известно, Корею это не спасло.

Фактически, говоря современным языком, он предложил создать систему коллективной безопасности в АТР, основанную на системе взаимных договоров и гарантий. Лидером этой системы должен был стать Китай, обладавший, в глазах Ю Гильджуна, достаточным для этого моральным и силовым авторитетом. В частности, причину того, что Россия не рискует пойти на прямую оккупацию Кореи, он видит именно в силовых возможностях Китая: «Русские издавна зарятся на нас, но пока не осмелились двинуться (напасть). Хотя говорят (считается), что [их] сдерживает баланс сил (ещё один «канонический» реалистский термин — *A.C.*), на деле же они боятся Китая» [там же, с. 322]. При этом собственно силовую конфронтацию или сдерживание с помощью демонстрации силы — прямое военное противостояние России, буде она все-таки решит аннексировать Корею, или же заблаговременное размещение войск «в северных пределах» Кореи, он считает недалёковидной политикой: «Если ждать, пока двинутся русские, и тогда только идти войском в далекий поход на помощь, то... предсказать исход (победу или поражение) будет нельзя; к тому же... затраты на [сбор] войск и их утомление и истощение только усугубят общий урон... Если же загодя разместить крупные военные силы в наших северных пределах, это вполне может дать русским благовидный предлог, а также [спровоцировать] японцев на безрассудные шаги, которые непременно [будут] подобны тому, что они совершают сегодня. Поступать так — значит напрашиваться на неприятности на пустом месте, провоцировать бедствия, пытаясь от них защититься» [там же, с. 325—326].

В категориях современных концепций ТМО предложения Ю Гильджуна можно описать как прообраз теории режимов, которую в 1980-х гг. разрабатывали С. Краснер, Р. Кеохейн, Ф. Крадохвил и другие международники. В попытке найти компромисс между воззрениями неореалистов и неолибералов, они сформировали положение о международных режимах как совокупности правил, норм, принципов и процедур принятия решений в самых разных сферах международного взаимодействия, возникающей в результате согласования интересов, целей и ценностей разнообразных акторов. В конце XIX в. надежды на либеральный по своей природе инструмент (которого к тому же в то время не существовало в природе) выглядят вроде бы наивной романтикой, но надо отметить,

что морально-этическая составляющая (нормы и принципы) любых общественных отношений на Дальнем Востоке всегда составляла едва ли не главный предмет интереса политической мысли, и международные отношения не были исключением: «Если бы Китай желал этого (поглотить Корею — А.С.), то зачем тогда он до сего дня побуждал народы заключать договора, вместо следования своим [эгоистическим] устремлениям?» [там же, с. 322].

С точки зрения Ю Гильджуна создание такой системы вполне соответствует национальным интересам всех региональных акторов в области безопасности: «Это не только ради [защиты] нашей земли, но это выгодно и Китаю, а также [способствует] самосохранению (безопасности) других стран»¹⁴ [там же, с. 327]. Жизнеспособность такого решения обосновывается европейским опытом: «Европейские державы были поглощены противодействием (сдерживанием) России и [задачами обеспечения] собственной безопасности, но сумели гармонично¹⁵ и быстро, в мгновение ока [обеспечить] нейтралитет Бельгии и Болгарии» [там же].

Сочетание мотивов отказа от эгоистических устремлений ради общего блага в европейской (западной) мысли о международных отношениях устойчиво ассоциируется с либеральной школой ТМО. Однако обоснование такого поведения (соблюдение национальных интересов заинтересованных акторов) снова возвращает в аргументацию Ю Гильджуна реалистские и прагматические мотивы.

Ещё один — вполне традиционный для международных отношений на Дальнем Востоке — аспект «Рассуждения» западные международники начали всерьёз разрабатывать совсем недавно. Речь идёт об иерархичности системы международных отношений. Синоцентричная система МО имманентно иерархична, но гегемон в ней связан определёнными ограничениями: «Китай всегда в отношении к чужестранцам оставался великодушным и мягким, лишь [требуя] от них платить дань

¹⁴ В этих выкладках можно увидеть также и прообраз «восточноазиатского регионального комплекса безопасности», сконструированного Б. Бузаном и О. Вэйвером в рамках их концепции региональных комплексов безопасности, предложенной в самом начале XXI века.

¹⁵ Китайская идиома — 唱樂和 (петь в гармонии) — может служить синонимом европейского «концерта держав».

и принимать от Китая инвеституру и печать¹⁶, не вмешиваясь в дела их самоуправления» [Ю, 1885, с. 323]. До выхода статьи Джона Миршаймера с говорящим названием «Benign Hegemony (Благодатная гегемония)»¹⁷ [Mearsheimer, 2016] оставался всего-то 131 год.

В этой связи интересно отметить, что Ю Гильджун не считал суверенитет обязательным условием для обретения Кореей нейтрального статуса, хотя и оговаривался, что с правовой точки зрения суверенитет необходим: «Согласно публичному праву, только суверенная страна может быть нейтральной» [Ю, 1885, с. 320]. Однако он тут же указывал, что международная практика знает и иные примеры: «Черноморские острова находятся под контролем разных стран, и сами не являясь независимыми государствами, также [наделены] правом (статусом) [нейтралитета]. При строгом (буквальном, консервативном) [толковании] исключительно [норм] публичного права такое невозможно» [там же]. Некоторые корейские исследователи все же «вчитывали» стремление к суверенитету и независимости через достижение нейтралитета в сам текст «Рассуждения» (см., например [Hwang, 1985, 11]). Но понятие «независимость» (獨立) (которое Хван Ингван в своём англоязычном переводе «Рассуждения» в отношении Кореи использует многократно), в оригинальном тексте появляется лишь один раз — и по отношению к странам Центральной Азии, которые Россия «соблазняет... готовностью признать их право на независимость» [Ю, 1885, с. 321]. Термин «суверенитет/автономия» (自主) в оригинальном тексте также используется лишь единожды — в процитированном выше обосновании права на нейтральность. Таким образом, Ю Гильджун явно отдаёт приоритет практике над буквой закона — то есть остаётся (вроде бы) сугубым реалистом. Однако здесь надо учитывать традиционное для Дальнего Востока представление о том, что первичная, фундаментальная основа любой «мироустроительной» (т.е. политической) деятельности — это ритуал, в соответствии с которым и формируются нормы отношений. Иными словами, ритуал имеет безусловный приоритет над законом,

¹⁶ Именные печати — атрибут власти от вана до мелкого чиновника.

¹⁷ В этой статье речь идёт в основном об интеллектуальном доминировании американцев и американских концепций в современных ТМО, но упоминается и Китай — в качестве весьма прилежного ученика американцев.

поскольку второй проистекает из первого¹⁸. А международный договор — это, безусловно, вид ритуала¹⁹.

Discours de la méthode

То, как Ю Гильджун подаёт свои идеи, не менее важно чем то, что он предлагает. Описывая угрозу, исходящую от России, он не жалеет ни чёрных красок, ни ярких метафор («миллионы элитных солдат», «беспринципная и безнравственная страна с сердцем тигра и волка», и т.п.). При этом он заостряет внимание на том, что угрозе подвергается не только (и даже не столько) Корея, но и Китай: «Если наша страна падёт, то это станет бедствием и для Китая» [Ю, 1885, с. 325].

Фактически, Ю Гильджун предлагал обеспечить безопасность Кореи за счёт Китая — и этот нюанс не прошёл мимо внимания современных корейских международников (см., например, [Хо, 2017, 58]). Причём для этого тому пришлось бы поступиться своим привилегированным по отношению к Корее положением, «обоюдно вступив в союз/заключив общий договор (共訂其盟款)» [там же, с. 327], в котором Корея фактически оказалась бы в том же статусе, что и все остальные мировые державы, а Китай был бы всего лишь «первым среди равных». Обосновывая необходимость этого шага, он обращается к теме угрозы, связанной с резким усилением одной державы (России) относительно другой (Китая) в случае аннексии ею Кореи²⁰. Это, похоже, ещё одна из причин, по которым

¹⁸ Подробнее об этом см. [Казанцев, Соловьев, 2022].

¹⁹ В российском востоковедении название ведомства, отвечавшего за ведение иностранных дел в традиционной дальневосточной системе управления, традиционно переводят как «Ведомство/министерство церемоний», хотя, конечно, следовало бы его называть «Ведомством ритуалов». Впрочем, и сам термин «ритуал» (禮) также часто переводят как «этикет».

²⁰ Любопытно, что ровно в той же логике японский историк Хидэмицу Акаги в 1936 г. описывал историческую роль и место Кореи для безопасности Японии: «Корея издавна была источником опасности для Японии, и все вторжения в нашу страну... либо исходили с Корейского полуострова, либо проходили через него. Поэтому Корею расценивали как кинжал, нацеленный в сердце Японии, как причину постоянного раздражения и угрозы. Пока Корея была способна сохранять свою независимость, этот кинжал не был опасен для Японии. Но когда Корея оказывалась подконтрольной другой державе, она представляла угрозу самому существованию Японии... [Akagi, 1936, p. 113], цит. по: [Гринюк, 2014, с. 49].

в качестве образца Ю Гильджун выбрал Бельгию, а не Швейцарию (Бельгия получила нейтралитет во многом потому, что европейские державы не желали усиления Франции).

Надо сказать, что Ю Гильджун имел определённые основания для того, чтобы подчеркивать потенциальную угрозу со стороны России. Японо-китайская конфронтация на полуострове, спровоцированная попыткой госпереворота 1884 г. (мятеж года *кансин*)²¹ едва не привела к военному столкновению, а в 1885 г. это противостояние сменилось британо-российской конфронтацией вокруг острова Комундо (Порт Гамильтон) и предполагаемыми притязаниями России на порт Лазарев (Вонсан).

Поэтому, адресуясь формально к корейским властям, фактически Ю Гильджун адресовался к Китаю. Поэтому главным агрессором он изображал мощную Россию (Япония, с его точки зрения, угрожать Китаю не могла в принципе: «...её сил едва хватает на самооборону, так что она не осмелится противостоять Китаю» [там же, с. 322]). А вот от России исходит непосредственная угроза — причём прямая угроза землям самого Китая: «Между Ялу (Амнокканом) и Тумьнь (Туманганом) день ото дня войска разных стран скрытно борются за влияние и нет этому конца²², и это только усиливает озабоченность (обеспокоенность) русских» [там же, с. 325].

Совокупность приёмов, которые использовал Ю Гильджун (т.е. его подход, его *метода*) для подачи своей позиции, много позже, в работах международных копенгагенской школы получит название «секьюритизация». Суть секьюритизации в том, что политический акт (а составление «Рассуждения» — это политический акт, делающий его автора политическим

²¹ Этот мятеж самым непосредственным образом отразился и на судьбе самого Ю Гильджуна. Вернувшись в Корею после обучения в США и поездки по Европе в декабре 1885 г., он по настоянию китайского посланника в Корее Юань Шикая был немедленно арестован по подозрению в связях с заговорщиками. «Рассуждение о нейтралитете» он писал, находясь под домашним арестом.

²² Речь, скорее всего, идёт о русско-китайских конфликтах вокруг демаркации границы, которые закончились подписанием Хуньчуньских соглашений в 1885 г. Разумеется, в ретроспективе представляется, что Ю Гильджун серьёзно преувеличивал значение этих приграничных споров в борьбе за миропорядок, но его озабоченность можно понять, ибо экспансия России в Маньчжурию вполне укладывалась в концепцию «русской угрозы».

актором) возводит интересующую его проблему в ранг экзистенциальной угрозы безопасности и предлагает (или совершает, если у него для этого есть силы и возможности) для её решения чрезвычайные меры, которые выходят за рамки установленных политических процедур. Фактически, Ю Гильджун завершил первый этап секьюритизации, подготовив заявление о наличии экзистенциальной угрозы.

Следующим шагом должно было стать обнаружение документа. Это была бы попытка — уже в духе конструктивизма — сформировать не только корейский, но и общерегиональный международно-политический нарратив.

Но шаг этот так и не был сделан. «Рассуждение» осталось неопубликованным. На титульном листе ему предпослана преамбула: «Это рассуждение можно назвать большим планом, но поскольку есть то, что беспокоит меня сильнее, его лучше бы было стереть (уничтожить) на время; но если хранить его дома, то можно и не стирать» [там же, 319; Хо, 2017, 55]. Ю Гильджун всё же был реалистом и прекрасно понимал, что его идеи полностью противоречат политике «сдерживания Цин при помощи России (引俄拒清策, *инаго чхонъчхэк*)», которую в то время вели два его главных благодетеля — ван Кореи Коджон и один из ближайших его царедворцев Мин Ёньик.

Заключение

Сегодня идеи Ю Гильджуна вполне востребованы среди корейских международников. Так, современный концепт «среднедержавности» (middlepowermanship, *중견국*), ставший основой внешней политики Республики Корея в XXI веке Син Донъмин возводит именно к «Рассуждению» [Shin 2012, 138—139]. Понятия *중립국* (中立國) — нейтральная страна — и *중견국* (中堅國) — средняя держава — действительно созвучны²³. К идее фактической нейтральности страны (пусть и в чисто риторическом плане) возвращались администрации Но Мухёна и Пак Кынхе.

Оценивая «Рассуждение» в целом, стоит отметить, что Ю Гильджун свободно и уверенно оперирует современны-

²³ Любопытно, что в китайском слово 中立 означает ещё и «справедливый, беспристрастный», а 中堅 — «стержень, ядро, главная сила, основной, ведущий, решающий».

ми ему терминами и концепциями международных отношений, демонстрируя достаточно глубокое понимание их сути и принципов. К разработке своей модели корейского нейтралитета он подошёл творчески, смело сопрягая традиционные дальневосточные положения и новые (относительно) для него «западные». При этом многие идеи, к которым Ю Гильджун пришёл рационально или интуитивно, были концептуализированы в рамках различных школ ТМО много позднее.

«Рассуждение», которому прежде отечественные корееведы практически не уделяли внимания, представляется достаточно важной работой для понимания того, как складывались представления корейской интеллектуальной элиты о мироустройстве и роли Кореи в миропорядке обрушившейся на страну эпохи модерна.

А сопоставление «Рассуждения о нейтралитете» с концепциями современных международников позволяет судить если не об изменении природы международных отношений (дискуссия на этот счёт остаётся фундаментальным водоразделом между основными школами ТМО), то о том, насколько изменились (или не изменились) наши представления о ней за неполные полтора века.

Библиография

Гринюк В.А. Русско-японская война 1904—1905 г. и Корея. Россия и АТР, 2014. № 1(83). С. 48—63.

Казанцев А.Е., Соловьёв А.В. Синтез традиционных и модернистских представлений о международной политике в «Рассуждении о нейтралитете (中立論 — Чунънимнон)» Ю Гильджуна (1885 г.) // *Корееведение* (в печати), 2022 (3).

Ким Джонъхак. Ханбандо конъдонъ поджанъ кусанъ-ый ёксаджок кивон: 19 сеги пельгие-пульгариа-ый саре-ва ю Гильджун-ый «Чунънимнон»: [Исторические истоки совместной инициативы по обеспечению безопасности на Корейском полуострове: примеры Бельгии и Болгарии XIX в. и «Рассуждение о нейтралитете» Ю Гильджуна]. 2021. Чонъчхэк ёнгу сириджды (2020-06), Кунънип вегёвон вегёанбо ёнгусо. (На кор.)

Козинец А.И., Конфуцианский порядок в Восточной Азии: значение для теории международных отношений // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2016. № 2(37). С. 106—122.

Козлов Л.Е. Модернизация корейской дипломатии на рубеже XIX—XX веков; в: «Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура: коллективная монография» / отв. ред. Р.К. Тангалычева. — М.: ВЦИОМ, 2022. — 372 с.

Рязанова, М.К. Своеобразие общественно-политических и философских взглядов Ю Гильджуна. Вестник Московской международной академии. 2017. № 1. С. 60—71.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. — М.: Наталис, 2011. Т. 2: Двадцатый век / Ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Т. М. Симбирцевой; Под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.). — 499 с.

Ури ёкса. Ю Гильджун. Чунънимнон. Без даты. URL: http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110 (дата обращения 23.08.2022).

Хо Донхён. Ю Гильджун-ый хэвечехом (1881—1885)-ква «Чунънимнон» (1885)-е поины ельгань инсик [Зарубежный опыт Ю Гильджуна (1881—1885) и представления о великих державах, отображенные в «Рассуждении о нейтралитете»]. Хангукса хакпо. 2017. № 68. С. 35—65.

Чонъ Саньсу. Пудыльло-ый хангук чунънимнон: [Концепция нейтралитета Кореи по Будлеру]. Сояньса ёнгу. 2017. № 57. С. 189—213. doi: <http://dx.doi.org/10.16894/JOWH.57.7> (на кор.)

Ю Бада. Ю Гильджун-ый «Чунънимнон»-е тэхан кукчеппопджок комтхо [Анализ «Рассуждения о нейтралитете» Ю Гильджуна в рамках международного права]. Хангукса хакпо. 2017. №68. С. 67—92. doi: <http://dx.doi.org/10.21490/jskh.2017.08.68.67> (на кор.)

Ю Гильджун. «Ю Гильджун чонсо», т. 4, Чонъчхикёнъджемён, вегёрон. Чунънимнон: [Ю Гильджун: собрание сочинений. Т. 4. Труды по политике и экономике, международным отношениям. Рассуждение о нейтралитете]. Ю Гильджун чонсо пхёнчхан вивонхве. 1885 (1971) г. С. 319—328.

Deuchler, Martina. Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: The Opening of Korea, 1875—1885. Seattle: University of Washington Press; for Royal Asiatic Society, Korea Branch. 1977. Pp. xiv, 310.

Hwang In Kwan. A Translation and Critical Review of Yu Kil-Chun's "On Neutrality". *Korean Studies*. 1985. Vol. 9, pp. 1—13 (13 pages). University of Hawai'i Press.

John J. Mearsheimer. Benign Hegemony // *International Studies Review*, Volume 18, Issue 1, March 2016, Pages 147—149, <https://doi.org/10.1093/isr/viv021>

Roy Hidemitsu Akagi. Japan's Foreign Relations. 1542—1936. A Short History. Tokyo, Hokuseido Press. 1936.

Shin D. M., The Concept of Middle Power and the Case of the ROK: A Review, in *Rüdiger, F., Hoare, J., Köllner, P. and Pares, S.* (eds), Korea 2012: Politics, Economy and Society, 2012, Leiden: Brill

References

Deuchler, Martina (1977). Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: The Opening of Korea, 1875—1885. Seattle: University of Washington Press; for Royal Asiatic Society, Korea Branch. Pp. xiv, 310.

Gim(Kim) Jong-hak (2021). Hanbando gongdongbojang gusangu yeoksajeong giwon: 19segi belgiet-bulgariaui saryewa Yu Giljunui “Jungnimnon”: [The Historical Origins of the Joint Security Initiative on the Korean Peninsula: the Nineteenth-Century Examples of Belgium and Bulgaria and Yu Kiljun’s “Treatise on Neutrality”]. *Jeongchaegyongusirijeu*, (2020-06), Gungniboegyowon Oegyoanboyeonguso.

Grinyuk, V.A. (2014). Russko-yaponskaya voyna 1904—1905 g. i Koreya [Russo-Japanese War of 1904—1905 and Korea]. *Rossiya i ATR*, 1(83): 48—63.

Huh, Dong-Hyun (2017). Yu Giljunui haechoheom(1881~1885) gwa “Jungnimnon”(1885)e boineun yeolgang insik [Yu KilChun’s Overseas Experience (1881—1885) and Perception of Powers Seen in “Neutrality”(1885)]. *Hanguksahakbo*, 68: 35—65.

Hwang In Kwan. A Translation and Critical Review of Yu Kil-Chun’s “On Neutrality”. *Korean Studies*.1985. Vol. 9, pp. 1—13 (13 pages). University of Hawai’i Press.

Jung Sangsu (2017). Budeulleoui hangung jungnimnon [Budler’s Neutralism of Korea]. *Seoyangsayeongu*, no. 57: 189—213. doi: <http://dx.doi.org/10.16894/JOWH.57.7>

Kazantsev, A.E., and Solovyov A.V. (2022(3)) Sintez traditsionnyh i modernistskih predstavlenii o mezhdunarodnoi politike v “Rassuzhdenii o neitralitete (中立論 — Chungnimnon) Yu Gildzhuna” (1885 g.) [The synthesis of traditional and modernist conceptions of international politics in “Treatise on Neutrality (中立論 — Chunnimnon)” of Yu Giljun (1885)]. *Koreevedenie* (in print).

Kozjnets, A.I. (2016). Konfutsianskii poryadok v Vostochnoi Azii: znachenie dlya teorii mezhdunarodnyh otnoshenii [Confucian world order in East Asia: Its significance for the IR theory]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2(37), pp. 106—122.

Kozlov L.E. (2022). Modernizatsiya koreiskoi diplomatii na rubexhe XIX—XX vekov [The Modernization of Korean Diplomacy at the Turn of

the 19th and 20th Centuries], in: *Rimma K. Tangalycheva* (ed.), “Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture”: Moscow: VCIOM.

Ryazanova, M.K. (2017). Svoeobrazie obstchestvenno-politicheskikh i filosofskikh vzglyadov Yu Gildzhuna: [The Uniqueness of Socio-Political and Philosophic Views of Yu Kil-Chun]. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii*, No. 1: 60–71.

Tikhonov V.M., and Kan Mangil (2011). Istoriya Korei v 2-kh t. T. 2: Dvadtsatyi vek [History of Korea. In 2 vols. Vol II: Twentieth Century]. Moscow. Natalis. — 499 p.

Uri yeoksa (No data). Yu Giljung. Jungnimnon [Yu Kil-Chun. “Treatise on Neutrality”]. URL: http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110 (accessed: 23.08.2022).

Yoo Ba-Da (2017). Yu Giljunui jungnimnone daehan gukjebeopjeongeomto: [Yu KilChun’s Neutrality from the Perspective of International Law]. *Hanguksahakbo*, 68: 67–92. doi: <http://dx.doi.org/10.21490/jskh.2017.08.68.67>

Yu Kiljun (1885 (1971)). Yu Kiljun Jeonseo. 4. Jeongchigeongjepyon, oegyoron. Jungnimnon: [Yu Giljun: collection of essays. T. 4. Works on Politics and Economics and International Relations. Discourse on Neutrality.]. Yu Giljun Jeonseo pyeonchan wiwonhoe, pp. 319–328.

Yu Kiljun and his Treatise on Neutrality (中立論): Romantic Realism on the Threshold of a New World

Alexander V. Solovyov

Alexander V. Solovyov, Deputy Editor-in-Chief, “Russia in Global Affairs”, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (alexsolovievster@gmail.com)

Abstract. *The Korean intellectual and political figure Yu Kiljun (1856–1914)’s “Treatise on Neutrality (中立論),” written in late 1885, has hardly been referred to by Russian historiography. Nevertheless, this work appears seminal for the assessment of Korean intellectual elite perceptions of the world order and the international role of Korea in the modern era that befell the country.*

Yu Kiljun was the first Korean intellectual to propose an original model of neutral status for Korea based on a distinctive synthesis of the international legal statuses of sovereign Belgium and Bulgaria, which at that time was recognized by the Berlin Congress as an autonomous (semi-independent) principality while remaining a tributary to the Ottoman Porte.

In the “Treatise” Yu Kiljun operates with terms and concepts of international affairs fluently and comprehensively, demonstrates comprehensive understanding of their essence and principles. He boldly juxtaposes the traditional canons of Far Eastern Chinese-centered diplomacy with the Western thoughts on the world order (balance of power, geopolitics) and formulates new ideas and methods of assessing the international situation. Some of those (regimes, securitization) would be formally conceptualized in international relations theory in the second half of the twentieth century only.

Keywords: Yu Kiljun, “Treatise on Neutrality”, International Relations theory, history of international relations

Корейская миграция в Маньчжурию: причины и условия жизни (вторая половина XIX в.)

Забровская Л.В.

Забровская Лариса Вячеславовна, д.и.н., вед. н. с., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия. ORCID: 0000-0002-0076-4209 (larisa_zabrovska@mail.ru).

***Аннотация.** Статья посвящена малоизученному вопросу о причинах эмиграции и условиях проживания корейских крестьян на территории Маньчжурии в конце XIX в. Выявлены основные причины и последствия миграции. Уделено внимание позиции корейского и цинского правительств в отношении корейских крестьян, переселившихся на территорию цинского Китая. Раскрыты мотивы китайско-корейского спора о статусе корейских переселенцев. Объяснены причины благосклонности местных цинских чиновников в отношении корейских переселенцев и пояснено изменение отношения к корейским мигрантам после японо-китайской войны 1894—1895 гг., после которой произошла переориентация внешней политики Кореи с ориентации на Китай на укрепление связей сначала с Россией, а затем с Японией.*

***Ключевые слова:** Маньчжурия, Корея, корейские крестьяне, Кандо, река Туманган, цинский Китай.*

С середины XIX в. феодальная Корея вступила в период экономического упадка. При сокращении пахотных земель наблюдался рост налогов. Концентрация земли в руках крупных землевладельцев привела к разорению крестьянства, что вызвало миграцию корейцев на целинные земли соседней Маньчжурии, куда корейские крестьяне тайно проникали ещё с конца XVIII в. Переселение расширилось со второй половины XIX в. в связи с неурожаями и стихийными бедствиями в северных провинциях Кореи. Большинство корейских сельских мигрантов селилось в пограничных районах по левому берегу р. Туманган.

В ходе исследования были использованы документы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), которые сосредоточены в фондах «Японский стол» [АВПРИ-ЯС] и «Канцелярия МИД» [АВПРИ-МИД], а также опубликованные документы из южнокорейского издания «Документы по внеш-

ней политике старой Кореи» [Кохангук, 1974]. Архивные материалы были дополнены сведениями из трудов выдающихся русских востоковедов Н.В. Кюнера [Кюнер, 1912] и А.В. Рудакова [Рудаков, 1903], которые изучали причины аграрного кризиса в корейской экономике, следствием которого и явилось переселение корейских крестьян в Маньчжурию.

Во второй половине XIX в. цинские власти Маньчжурии стремились превратить эту территорию в житницу для центральных китайских провинций. Поэтому они остро нуждались в трудовых ресурсах. В 1880 г. было образовано Колонизационное бюро, задачей которого являлось стимулирование заселения Маньчжурии китайскими крестьянами и представителями других народов, в том числе и корейцами. Без ведома Колонизационного бюро не решались никакие дела, связанные с землемерными вопросами, распродажей земельных участков и расселением переселенцев.

Бюро стремилось обеспечить земельными наделами прежде всего китайцев, чтобы они стали постоянными налогоплательщиками и поставщиками зерновых в южные провинции Китая. Однако китайцы предпочитали сдавать в аренду свои наделы другим переселенцам, главным образом, корейцам. Арендная плата была довольно умеренной. Китайским крестьянам из южных провинций Китая был непривычен суровый маньчжурский климат, а также заболоченные почвы и горы, поросшие непроходимыми лесами. Суровый климат Маньчжурии не способствовал поливному земледелию. Китайские крестьяне сдавали в аренду свои наделы корейским переселенцам, а сами часто переходили с одного места на другое и таким путём ускользали от полицейско-административного контроля маньчжурских властей. Поэтому деятельность Бюро не привела к значительному росту числа китайских налогоплательщиков.

В 1881 г. маньчжурские власти доносили цинскому императору о том, что в районе г. Хуньчунь уже давно проживают корейские крестьяне, которые занимаются земледелием. К началу 1880-х гг. на территории Маньчжурии проживало около 10 тыс. корейцев [Кохангук, 1974, с. 729]. Разрешение на ведение обработки земли им выдали власти северной корейской пров. Хамгён. Тем не менее, маньчжурские чиновники решили зачислить этих корейских крестьян в свои податные списки как цинских подданных. Об этом было сообщено корейскому королю Коджону [Кюнер, 1912, с. 16]. В свою очередь король Коджон в от-

ветном послании фактически не согласился с решением маньчжурских чиновников о зачислении этих корейских крестьян в свои податные списки и попросил вернуть его подданных на родину, то есть на правый берег р. Туманган. Однако через год маньчжурские чиновники обнаружили, что корейские крестьяне не только не вернулись на корейскую территорию, а, напротив, корейская миграция на левый берег реки продолжилась при попустительстве корейских властей [Кюнер, 1912, с. 16].

Король Коджон следующим образом оправдывал действие своих подданных: «В тех местах прежде не разрешалось селиться, в последнее время жители тайком пробрались туда и завели пашни. Корейские власти не могли своевременно проследить за всем и пресечь переселение. Теперь переселенцев в тех местах много. Живут они спокойно, к тому же они находятся внутри корейских пределов. Было бы бесчеловечно в один день прогнать их на прежние места. По-видимому, надлежит мириться с этим положением и прочно водворить этих переселенцев, строго запретить им чинить беспорядки, позволить пользоваться их имуществом. Это и будет высокое человеколюбие, которым Великое государство (Китай) оделяет наше вассальное государство» [АВПРИ-ЯС, лл. 85—87].

Как видно, король Коджон не видел ничего предосудительного в переселении своих подданных на территорию соседних стран, в том числе и на Дальний Восток России. К такому решению его подталкивали постоянные неурожаи зерновых и непрекращающийся голод среди бедных слоёв населения. Избавляясь от «лишних ртов», корейский король попытался решить сложные социально-экономические проблемы даже вопреки действовавшему тогда корейскому законодательству, запрещавшему корейским подданным переселение за границу. Опасаясь получить отказ цинского императора, король Коджон прибег к хитрости, заявив в своём ответе, что его подданные «находятся внутри корейских пределов». Иными словами, корейский король завуалированно выдвинул притязания на левый берег р. Туманган. В то время цинский император, считавший Корею своим вассалом, не обратил на это должного внимания.

Король Коджон также умело использовал традиционные формы отношений с Цинской империей, замаскировав свою просьбу верноподданическими заверениями. Возражать на подобное внешнее смирение цинское правительство не считало нужным. К тому же эмиграция корейских крестьян в Маньчжурию

продолжалась при негласном попустительстве цинских властей, так как помогала решать проблему её экономического освоения.

В 1887 г. цинское правительство вновь обратилось к вопросу об определении политико-экономического статуса корейских крестьян в Маньчжурии. Поскольку корейский король не пожелал возвратить своих подданных на корейскую территорию, то в 1887 г. был обнародован императорский указ о подчинении корейских крестьян, проживавших севернее рек Амноккан и Туманган, действию законов Цинской империи. После измерения обрабатывавшихся ими земельных участков они превращались в налогоплательщиков цинской казны и в подданных цинского императора [Рудаков, 1903, с. 115]. Район Маньчжурии, где основным населением были корейские переселенцы, получил корейское название Кандо («Промежуточный остров»). Имелось ввиду, что территория, где проживали корейские мигранты, находится между Маньчжурией и Кореей. Впоследствии власти КНР постарались изжить этот термин, заменив его на нейтральное китайское название Яньбянь («Протяжённая граница»).

Колонизационное бюро наделяло новых корейских переселенцев землей в случае перехода их в цинское подданство, что выражалось в изменении причёски и платья на китайский манер. В случае перехода в цинское подданство корейские крестьяне могли пользоваться различными льготами: в течение десяти лет не платили налоги за пользование земельными наделами и жилыми домами, им дозволялось самим распоряжаться полученным урожаем зерновых и др. Однако большинство корейских переселенцев стремилось сохранить национальные обычаи и одежду. При этом они не планировали возвращаться на территорию Кореи.

В среднем за участок в 1 му (0,06 га) корейским переселенцам, принявших цинское подданство, необходимо было платить столько же, сколько и китайским крестьянам — 660 чохов, или 0,8 ляна в год, что было значительно меньше, чем платили корейские крестьяне в Корее [АВПРИ-МИД, л. 381]. Как видно, цинская администрация делала всё возможное, чтобы закрепить корейских переселенцев и привлечь новых на целинные земли Маньчжурии.

По свидетельству китайских источников, к 1890 г. большинство корейских крестьян, обосновавшихся в Кандо, подчинялось цинским законам и в значительной мере следовало китай-

ским обычаям. Что же касается тех, кто поселился в Кандо после 1890 г., то они не выполняли предписания цинских законов и старались придерживаться своих национальных обычаев. Учитывая желание своих подданных сохранить корейскую идентичность, корейский король не оставлял попыток обсудить с китайским генеральным резидентом в Сеуле Юань Шикаем вопрос о сохранении корейского подданства у вновь прибывших в Кандо корейских переселенцев. В данном случае король преследовал цель сохранить этих переселенцев в качестве своих подданных, а также иметь право облагать их налогами. В одном из посланий короля к Юань Шикаю выражалось недовольство тем, что местные власти в Маньчжурии заставляют корейских переселенцев «изменять причёску и платье по китайским обычаям и законам» [Кохангук, 1974, с. 723].

Цинское правительство также было озабочено проблемой о статусе новых корейских переселенцев в Маньчжурии и советовало цинскому императору побыстрее решить эту проблему с учётом интересов Цинского государства. В частности, оно предлагало предпринять следующие меры: «Следует обратиться к благоустройству корейских переселенцев, чтобы внушить им намерение принять китайское подданство... Вследствие бедствий, являющихся результатом притеснений народа корейскими чиновниками, подчинение этих переселенцев лёгким условиям нашей податной системы поистине является радостным для них событием» [Рудаков, 1903, с. 115].

Понятно, что цинская администрация Кандо была недовольна постоянным вмешательством Кореи в её политику в отношении корейских мигрантов. Под «благоустройством переселенцев» цинские чиновники понимали возможность поступать с корейскими мигрантами так, как заблагорассудится, не оглядываясь на реакцию корейского короля. Тем не менее, цинский император повелел начать переговоры с корейским правительством и согласовать с ним вопрос о статусе новых корейских переселенцев в Кандо. Однако переговоры затянулись, и стороны не пришли к единому решению.

Тем временем корейские крестьяне, проживавшие в Кандо, фактически подвергались двойному налогообложению как со стороны маньчжурских чиновников, так и корейских. Поэтому возникали тайные общества, противодействовавшие чиновничьим поборам. Тем не менее условия жизни в Кандо были намного лучше и сытнее, чем в самой Корее. Это приводило к

росту миграции корейских крестьян на территорию Маньчжурии. К 1896 г. численность корейского населения в Кандо составляла 21 тыс. человек или 4308 семей [Кохангук, 1974, с. 724].

На новом месте жительства корейские мигранты занимались земледелием, охотой, сбором женьшеня. Они также рубили лес и сплавляли его по рекам для продажи в Китай. На освобождаемых площадях они выращивали чумизу, гаолян, сою, которые затем вывозились в северные провинции Кореи, где были часты неурожаи [Кюнер, 1912, с. 247].

Немногочисленные переселенцы из внутренних китайских провинций находились по сравнению с корейскими крестьянами в привилегированном положении. Их в первую очередь наделяли земельными участками, они пользовались покровительством местных цинских властей при спорах с корейцами и др. Но и при таких благоприятных условиях китайцы предпочитали сдавать свои наделы в аренду вновь прибывшим и пока не получившим цинского подданства корейцам. Таким арендаторам обычно предоставляли трёхлетнюю льготу по налогам. По истечении этого срока они должны были вносить китайским землевладельцам довольно умеренную арендную плату. Такие льготные условия объяснялись тем, что в мало-заселённой Маньчжурии ощущался острый дефицит рабочей силы. Это обстоятельство способствовало закреплению корейских переселенцев, позволяло им обжиться на новом месте.

К началу японо-китайской войны 1894—1895 гг. проблема статуса корейских переселенцев в Кандо оставалась открытой. Позиция цинского Китая по этому вопросу в определённой степени характеризовала его отношение к Корее. Пока цинские правители Китая рассматривали Корею как своего вассала, их правительство и местная администрация не принимали решительных мер по прекращению переселения корейских крестьян в Маньчжурию.

После японо-китайской войны 1894—1895 гг. и обретением Кореей независимости от цинского Китая политика цинского правительства принципиально изменилась. Цинские власти стали чинить всевозможные препятствия многочисленным корейским переселенцам в Маньчжурии, опасаясь, что их проживание на этой территории чревато конфликтами с Кореей.

Вопрос о статусе корейских эмигрантов в Кандо не был полностью разрешён японо-китайским договором о Кандо от 1909 г., поскольку цинское правительство в обмен на безого-

ворочное признание суверенитета цинского Китая над этой территорией, допустило участие японских властей в решении некоторых правовых вопросов, касающихся новых корейских переселенцев. Проблема корейского населения Кандо и связанные с этим экспансионистские планы Японии в дальнейшем не раз усугубляли японо-китайские противоречия.

После окончания японо-китайской войны 1894—1895 гг. цинский Китай старался приостановить наплыв корейских переселенцев в Кандо, так как опасался потери этой территории, где большинством населения являлись корейцы. Поэтому цинские власти принялись усложнять условия их проживания на своей территории. Так, они затрудняли переход корейцев в цинское подданство, что являлось необходимым условием для приобретения земли в собственность. Поэтому значительная часть позднейших корейских мигрантов была вынуждена батрачить или арендовать землю у китайских землевладельцев.

В целом переселение корейских крестьян на территорию соседнего государства являлось вынужденным шагом. Фактически они являлись экономическими беженцами, нарушавшими законодательство Кореи, запрещавшее покидать свою родину. Тем не менее, внешняя ситуация — нужда цинских местных властей в трудовых ресурсах — позволяла безболезненно преодолевать запреты своего государства. И корейцы решались на такой шаг и тем самым спасали свои жизни и жизни своих родственников от голодной смерти.

Библиография

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Японский стол (Депеши из Сеула. Донесения посланника в Токио), д. 1, оп. 493.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Канцелярия Министерства иностранных дел, д. 1, оп. 470.

Кохангук вегё мунсо [Документы по внешней политике старой Кореи]. Т. 8. 서울 [Сеул], 1974. 820 쪽.

Кюнер Н.В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Ч. 1 // Известия Восточного института, т. 41, Владивосток, 1912. XVI, 376 с.

Рудаков А.В. Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции (1644—1902). Владивосток: Изд-во Восточного института, 1903. 574 с.

References

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), f. “Japanese table” (Dispatches from Seoul. Reports of the Envoy to Tokyo), file. 1, op. 493.

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), f. “Office of the Ministry of Foreign Affairs”, file. 1, op. 470.

Kohanguk wegyomunseo [Documents on the Foreign Policy of old Korea]. Vol. 8. Seoul, 1974 (In Korean).

Kuner N.V. (1912) Statistiko-geograficheskij i ekonomicheskij ocherk Korei, nyne yaponskogo general-gubernatorstva Ciosen. [Statistics, Geography and Economic Outline of Korea, Now the Japanese Governor-General Tsiosen. Part 1.] // Proceedings of the Oriental Institute, vol. 41, Vladivostok, 1912. XVI, 376 p. (In Russian)

Rudakov A.V. (1903) Materialy po istorii kitajskoj kul'tury v Girinskoj provincii (1644—1902) [Materials on the History of Chinese Culture in the Girin Province (1644—1902)]. Vladivostok: publishing house of the Oriental Institute, 1903. 574 c.

Korean Migration to Manchuria: Causes and Conditions of Life (Second Half of the 19th Century)

Larisa V. Zabrovskaya

Larisa V. Zabrovskaya, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. ORCID: 0000-0002-0076-4209 (larisa_zabrovskaya@mail.ru).

Abstract. *The article is devoted to the little-studied issue of the reasons for emigration and living conditions of Korean peasants in Manchuria at the end of the 19th century. The main causes and consequences of migration are identified. Attention is paid to the position of the Korean and Qing governments in relation to the Korean peasants who moved to the territory of Qing China. The motives of the Sino-Korean dispute about the status of Korean settlers are revealed. The reasons for the favor of local Qing officials towards Korean settlers are explained and the change in attitude towards Korean migrants after the Sino-Japanese war of 1894—1895, after which there was a reorientation of Korea's foreign policy from a focus on China to strengthening ties first with Russia and then with Japan, is explained.*

Keywords: *Manchuria, Korea, Korean peasants, Kando, Tuman-gang river, Qing China.*

Whose Heroes? The Great Korean Martial Artists of Japan

Rozenfeld E.

Eugenia Rozenfeld, PhD in Asian Studies, Teaching fellow, Tel Aviv University (lachinha@tauex.tau.ac.il).

Abstract. *Although nearly 80 years have passed since Korea was liberated from Japan's 35-year colonial rule, this period still occupies a prominent place in the collective memory of the Korean people. The present paper investigates this memory by examining cinematic representations of the colonial period and its Korean heroes. More specifically, it analyzes the images of Rikidōzan (Yōktosan in Korean, Korean name Kim Sin-Nak, 1924—1963) and Masutatsu Ōyama (Korean name: Choi Yeong-Eui, 1923—1994) as represented in their 2004 biopics: Song Hae-Sung's Rikidōzan: A Hero Extraordinary and Yang Yun-Ho's Fighter in the Wind. These two movies represent an attempt to portray ethnic Korean heroes who in fact contributed much more to the construction of post-war Japanese identity. Indeed, the world of Japanese martial arts is hard to imagine without such iconic figures as creator of the strongest karate Masutatsu Ōyama, who was called "God Hand" for his victories over bulls with his bare hands, and the father of Japanese professional wrestling Mitsuhiro Momota better known as Rikidōzan. The memory of both men could have become (and at some point, became) an undisputed metaphor for Japan's astonishing rise after its humiliating defeat in World War II and the subsequent American occupation if not for one circumstance: they were Korean, which eventually made them a good metaphor for South Korean postwar miracle as well. Just like South Korea succeeded to rise from one of the least developed countries in the world to one of the strongest regional and world economies, Rikidōzan and Ōyama grew from being humiliated and disrespected to the symbols of extraordinary physical abilities and unbreakable spirit.*

Keywords: Rikidōzan, Masutatsu Ōyama, Fighter in the Wind, South Korea, Korean collective memory, Korean national hero

Introduction

Almost 80 years have passed since Korea was liberated from Japan's 35-year colonial rule, but bitter memories of the period still run deep in South Korea. Even today the issues of Japan's apology to Korea for its colonial misdeeds, of Japan's contribution to Korea's economic development, of Korean comfort women for the Japanese

Army before and during World War II (*wianbu*), and, of course, of Korean collaborators with Imperial Japan and their descendants are topics of heated debate in South Korean society. While numerous attempts to reconcile with the haunting past have been done throughout the years, the colonial period still occupies a prominent place in the collective memory of the Korean people on both sides of the 38th parallel.

In light of the above, the present paper aims to investigate this memory as expressed in cinematic representations of the colonial period and its Korean heroes. More specifically, it analyzes the images of Rikidōzan (Yeokdosan in Korean, Korean name Kim Sin-Nak, 1924—1963) and Masutatsu Ōyama (Korean name: Choi Yeong-Eui, 1923—1994) as represented in their 2004 biopics: Song Hae-Sung's *Rikidōzan: A Hero Extraordinary* and Yang Yun-Ho's *Fighter in the Wind*. The two movies are by far not the only, and not the first, representations of Rikidōzan and Masutatsu Ōyama in popular culture: numerous books, manga, manhwa, anime and live-action films were written and produced about them. *Rikidōzan: A Hero Extraordinary* and *Fighter in the Wind*, however, are so far the last and most recent depictions of Rikidōzan and Ōyama's lives in popular culture.

These two biopics represent an attempt to portray ethnic Korean heroes who in fact contributed much more to the construction of postwar Japanese identity. Indeed, Rikidōzan became the “ethnic hero” (*minzoku no eiyū*) [Nakamura, Tsuganezawa, Inoue, Uchida and Inoue, 1972, p. 116] of postwar Japan who restored the country's national pride seriously damaged by its defeat in World War II and the subsequent American occupation. As Igarashi expressed it, “Rikidōzan's bodily performance rehabilitated Japan's nationhood by casting Japan as a victor in the bloody fight against its adversary, the United States” [2000, p. 125]. Likewise, in the early 1960s' the Japanese youth named Ōyama among the ten greatest “heroes” of the time [{*Nikkan kōryū*} *Kyokushin karate-dō no sōshi-sha*, Ōyama Masutatsu “*nikkan yūjō no senku-sha*”, 2015]. One of the reasons of his extraordinary popularity was that after the United States attacked Japan with two atomic bombs, the Japanese were intimidated by the former's unrivaled power, and by picking fights with American soldiers Ōyama metaphorically proved that Japan can stand against the US [Kim, 2018].

The fact that the two movies were released in 2004 is hardly coincidental. On the one hand, it happened against the background of intensified political, cultural and sports contacts between South Korea and Japan. While the growing popularity of South Korean cultural productions in Japan increased the number of Japanese Hallyu fans in

the early-mid-2000s, Japanese cultural content also grew increasingly popular in South Korea. In addition, the two countries jointly hosted the 2002 FIFA World Cup. Finally, following a series of mutual state visits between South Korea and Japan in the late 1990s-early 2000s, in 2003 then South Korean President Roh Moo-hyun and Prime Minister of Japan Junichiro Koizumi met in Tokyo and designated 2005 as the year of Korea-Japan friendship. On the other hand, however, the mid-2000s witnessed an unprecedented intensification of the *Chinilpa cheongsan* movement, the movement for resettling the issue of Korean collaborators with imperial Japan. According to Song, “the movement took place on a nationwide scale, rising into a predominant socio-political phenomenon... The politically hyper-sensitive chinilpa issue came to be inseparable from political interests and the political context of the day” [2013, pp. 82; 105]. In this context, the release of the two movies in 2004 can be understood as a cultural attempt to make sense of the memory of the colonial past against the backdrop of expanding exchanges between the countries in the present.

While there has been an extensive amount of research on Rikidōzan and the memory of him in English, Korean and Japanese, there are very few scholarly works on Ōyama in Korean and Japanese, not to mention that in the English language academic literature he is given very limited attention. The present paper therefore not only contributes to the discussion on martial arts heroes in the cultural memory of East Asia, but also establishes Masutatsu Ōyama as a site of memory in South Korea.

The Imperfect Hero Rikidōzan

Rikidōzan: A Hero Extraordinary is a 2004 South Korean-Japanese film written and directed by a South Korean film director and screenwriter Song Hae-Sung. The biopic is based on the life of Rikidōzan (1924–1963), a Zainichi professional wrestler who is considered the father of Japanese professional wrestling and one of the most influential persons in professional wrestling history. It starred Korean and Japanese actors and 97% of the movie lines were in Japanese [Trigo, 2021, p. 55]. According to KoBiz, the Korea Film Council (KOFIC)’s official website, the movie occupied the 15th position on its list of Korean films of 2004 by box office admissions.

As Rikidōzan rose to fame only after World War II, becoming a symbol of Japan’s postwar identity, the greater part of the movie focuses on the wrestler’s postwar life, still dedicating some time to cer-

tain important moments before the end of the war. Thus, the movie does not depict Rikidōzan's youth in Korea and does not present the story of his move to Japan, but it shows the wrestler's identity during his early years in Japan as explicitly Korean. While Rikidōzan tries to pursue the career of a professional sumo wrestler he is called "Kim" and is beaten up for his Korean origins. In addition, Rikidōzan's Korean identity manifests itself in the letters he receives from home and in his conversations with his Korean friend, with whom the wrestler speaks Korean and eats Korean food.

The story develops with a remarkable shift in his identity from Korean to Japanese. First the wrestler expresses his unwillingness, or even inability, to go back to Korea. In the scene where another sumo wrestler suggests to "get out of here", Rikidōzan replies, "I've nowhere to go," albeit not because of his bitter feelings towards his homeland, but because he "can't face [his] mom like this, [he] can't let her down," by saying so symbolically detaching himself from his Korean identity. A few years later, when Rikidōzan goes to the US and succeeds as a wrestler, he is represented as Japanese and is referred to as "the furious tiger from Japan". After he returns from the US to Japan his Korean identity seems to be completely forgotten as he shows "the children of Japan a man who can stand up and fight the big and bad white men" and becomes the Japanese "people's hero". Moreover, in another scene, which is absent from the theatrical version of the movie and is present only in the director's cut on DVD, Rikidōzan even denies any association with his Korean identity. When his Japanese assistant brings him a box saying that "his friend from homeland" left it for him, the wrestler replies that he is not familiar with anyone who speaks Korean.

Finally, the denial of Rikidōzan's Korean identity fully presents itself once again in his conversation with the same Korean friend, in which the former asks "What did Korea do for me?" and concludes "Japan, Korea... who cares about all of that? I'm Rikidōzan, and I belong to the world" [Hwang, 2012, pp. 124—125]. Regarding this last remark, it is clear that the movie attempts to move away from Rikidōzan's national (or ethnic) identity, be it Korean or Japanese, and to present him as an international figure [Trigo, 2021, p. 58]. It is significant in this context that instead of continuing his attempts to succeed in sumo, which is popular mostly in Japan, eventually Rikidōzan establishes himself in pro-wrestling, "a sport for the entire world." Nevertheless, at the end of the movie Rikidōzan is portrayed as reconciling with his long forgotten Korean identity as he openly

talks to his Korean student about Korea, its people and his future plans in Japan in Korean, something that he had never done before even with the same person.

Telling the story of Rikidōzan, the movie also moves away from the most common depiction of the colonial past as the one in which Korean freedom fighters or victims struggle against Japanese oppressors, portraying it as a harsh context for an ambitious young man to pursue his dream. Thus, although the movie does represent Rikidōzan as experiencing severe hardships in Japan due to his Korean origins, the usual narrative of Korean independence fighters versus Japanese imperialists is not present [Trigo, 2021].

The Twisted Memory of Masutatsu Ōyama

Fighter in the Wind is a 2004 South Korean film written and directed by Yang Yun-Ho. It is based on a Japanese manga *Karate Master* (*Karate Baka Ichidai, 1971–1977*) which was inspired by the life of Masutatsu Ōyama (1923–1994), a Zainichi Korean who founded Kyokushin Karate, which is often considered the hardest and the most aggressive style of full contact karate [Navickaitė and Thomas, 2022]. Similar to *Rikidōzan: A Hero Extraordinary*, *Fighter in the Wind* starred Korean and Japanese actors, but unlike *Rikidōzan*, Korean actors prevailed and many more movie lines were in Korean. According to KoBiz *Fighter in the Wind* was the sixth highest grossing Korean film of 2004.

While *Rikidōzan* is based on the life of a real person, *Fighter in the Wind* was inspired by another fiction about Masutatsu Ōyama, which, perhaps, is one of the reasons why *Fighter in the Wind* allows for much more divergence from Ōyama's actual biography. In connection with this divergence, another important difference of *Fighter in the Wind* from *Rikidōzan* is that the former, as well as the character of Ōyama itself, incorporates many more nationalistic motifs. Thus, unlike Rikidōzan, who is uneasy about his Korean identity and reconciles with it only at the end of his life, Ōyama is shown as absolutely Korean: he openly speaks Korean, has Korean friends, is a part of the Korean community in Japan.

Moreover, before his retreat to a lone mountain for mental and physical training he is called exclusively by his Korean name Baedal (배달) and is depicted as practicing the Korean martial art of Taekkyeon under a Korean master. In fact, Ōyama's real name is Choi Yeong-Eui (최영의) and Baedal (배달) is the name of ancient

Korea at the time of Tangun's father Hwanung which the young man chose as his nickname in Japan and thus became Masutatsu, the Japanese transliteration of the same characters. The movie also implies that Ōyama's Korean martial arts teacher teaches him the spirit of "kyokushin", which is "doing your best until the last moment", indirectly implying that Kyokushin is actually a Korean invention.

Most importantly, Ōyama's portrayal includes a positive moral component. Unlike Rikidōzan, who is short-tempered, drinks excessively, likes women, instructs his assistant that "life is much too short to pretend to be good" and wants "to get into the ring to bleed... to fight, and to win," Ōyama is guided by his Korean teacher's morals: "Justice without power is empty but power without justice is only violence. Be strong to protect yourself and others." In other words, while Rikidōzan's goal is to succeed, to win again and again whatever it takes, Ōyama strives to become as strong as he can to protect those who need his protection. Likewise, when in a number of scenes Rikidōzan goes violent, hurts people and breaks agreements, he rarely regrets (albeit he does sometimes) and apologizes only to his "sponsor" Kano, in many cases formally. On the other hand, when Ōyama kills his enemy Ryoma in a fight, which he did not even pick, he is overwhelmed with guilt as he finds out that the latter's wife and son are now left without his support. Ōyama then goes to their home, works for them in any way he can until he is granted forgiveness.

In short, such an image of Ōyama, as well as of his martial art, makes him more suitable as a Korean national hero and a role model for today's Koreans. Indeed, according to Kim, modern day Koreans respect Ōyama so much not because he trained hard overcoming himself and won all Japan karate championships, but because he achieved "the consummation of love" (*sarsangui wanseong*). He became "the strongest man on this planet" not because his passion about martial arts brought him to his maximum, but because he took the meaning of love one level higher through sincere love and new way of life working for Ryoma's family for two years to redeem himself for killing their husband and father [Kim, 2018].

Like that of *Rikidōzan*, *Fighter in the Wind*'s plot is not centered around anticolonial Korean nationalists fighting for their freedom against Japanese oppressors, revolving around Ōyama's journey to mastery of martial arts instead. Unlike *Rikidōzan*, however, *Fighter in the Wind* can be understood as containing this nationalist narrative implicitly. The rivalry between Japanese martial arts and Ōyama's style can also be seen as a manifestation of greater confrontation between

Japan and Korea. Thus, Ku and Kim interpret the fact that Ōyama's Korean teacher of martial arts is defeated and eventually killed by the Japanese *yakuza* as a metaphor for Korea's national defeat against Japan in the early 20th century [2005, p. 207]. Moreover, according to Ku and Kim, as a Korean traditional martial art with a centuries-long history, Taekkyeon symbolizes the spirit of Korean independence and nationalism during the colonial period, while Japanese martial arts are represented as following the philosophy of killing and domination and, therefore, as expressing Japanese militarism and imperialism [Ibid].

Conclusion

“Remembering the past is an essential element in the creation of an identity of ‘us’, since it tells who we are by answering the question of ‘where we come from’” [Ritari, 2017, p. 176]. The two movies examined in this paper reflect, and at the same time shape, how Korea's colonial past and its heroes are remembered in 21st century South Korea. As seen in *Rikidōzan: A Hero Extraordinary* and *Fighter in the Wind*, Rikidōzan and Ōyama are remembered as two great representatives of the Korean people living in uneasy times, experiencing hardships, overcoming them and eventually winning against all odds.

Such a memory serves as a good metaphor for the history of South Korea as a nation: after World War II, and especially after the Korean War (1950—1953), the country laid in ruins, but it succeeded to rise from one of the least developed countries in the world to one of the strongest regional and world economies. In this sense, by growing from being humiliated and disrespected to the symbols of extraordinary physical abilities and unbreakable spirit, Rikidōzan and Ōyama therefore became the embodiment of South Korean national power and spirit.

At the same time, as inspiring as they are, the images of the two heroes, as projected in *Rikidōzan: A Hero Extraordinary* and *Fighter in the Wind*, are essentially different. Reflecting his personal imperfection, Rikidōzan's life philosophy says: “life is much too short to pretend to be good.” In the context of his journey at first from but then towards his Korean identity, it can also be interpreted as “be who you are and do not pretend to be Japanese.” The character of Ōyama, on the other hand, is much more idealized and nationalistic, and reveals much more appealing morals. He is guided by the virtues of justice and love, is in peace with his Korean identity and therefore seems to be a better choice as a Korean national hero and a role model for today's Koreans.

References

Hwang, Yun-Mi (2012). Trans-Action: Epic Tensions and Ethics of Memory in East Asian Co-Productions. In *Transnational Asian Identities in Pan-Pacific Cinemas: The Reel Asian Exchange*, ed. by Philippa Gates and Lisa Funnell (115–130). New York, Abingdon: Routledge.

Igarashi, Yoshikuni (2000). *Bodies of Memory: Narratives of War in Postwar Japanese Culture, 1945–1970*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kim, Seong-Sam (2018, September 19). Sesangeul pakkuneun sigan. paramelui paiteo (chöljeüi arümdaum) [Time changing the world. Fighter in the wind (the beauty of self-control)]. Public lecture video recording. URL: <https://cms.dhu.ac.kr/em/620b15681ffa5> (accessed: 5 September, 2022). (In Korean).

Ku, Hui-Seong and Kim Du-Gi (2005). Musul yeonghwaee natanan mihak — paramuipaiteo yeonghwareul chungsimeuro [Aesthetics in the martial arts movies — focusing on Fighter in the Wind], *Hanguk seupocheu riseochi [Korean sports research]*, Vol. 16, No. 3: 205–212. (In Korean).

Nakamura, Shōichi, Tsuganezawa Toshihiro, Inoue Shun, Uchida Akihiro, and Inoue Hiroshi (1972). *Terebi bangumi ron: miru taiken no shakaishinrishi [A Study of Television Programs: A Social Psychological History of the Viewing Experience]*, Tokyo: Yomiuri Terebi Hōsō Kaishiki Kaisha (in Japanese).

Navickaitė, Austėja, and Gavin Thomas (2022). Strength and Conditioning Considerations for Kyokushin Karate Athletes. *Strength & Conditioning Journal*, April 12: 10-1519.

[Nikkan kōryū] Kyokushin karate-dō no sōshi-sha, Ōyama Masutatsu “nikkan yūjō no senku-sha” [Japan-South Korea exchange] The founder of Kyokushin karate-do Ōyama Masutatsu “the pioneer of Japan-South Korea friendship”. 6 September, 2015. URL: <https://asian-ews.seesaa.net/article/425440801.html> (accessed: 5 September, 2022). (In Japanese).

Ritari, Katja (2017). ‘Whence is the Origin of the Gaels?’: Remembering the Past in Irish Pseudohistorical Poems. *Peritia*, Vol. 28: 155–176.

Song, Yeun-Jee (2013). *Historicizing the Discourse on Pro-Japanese Collaborators in Contemporary Korean History from the Late 1970s to the Late 2000s*. University of California, Los Angeles.

Trigo, Álvaro (2021). Contemporary Re-Interpretations of the Colonial Past through the Biopics of Two Koreans: Park Kyōng-Wōn and Kim Sin-Rak, *European Journal of Korean Studies*, Vol. 21, No. 1: 43–65.

Чьи герои? Великие корейские мастера боевых искусств Японии

Розенфельд Е.

Евгения Розенфельд, к.ф.н., востоковедение, преподаватель Тель-Авивского университета (lachinha@tauex.tau.ac.il).

Аннотация. Хотя прошло почти 80 лет с момента освобождения Кореи от 35-летнего колониального господства Японии, этот период по-прежнему занимает важное место в коллективной памяти корейского народа. В данной статье исследуется эта память путём изучения кинематографических представлений о колониальном периоде и его корейских героях. В частности, анализируются образы Рикидодзана (кор. — Ёктосан, корейское имя Ким Синнак, 1924—1963) и Масутацу Оямы (корейское имя Чхве Ён Ёй, 1923—1994), представленные в их биографических фильмах 2004 года: «*Rikidōzan: A Hero Extraordinary*» Сон Хэсона и «*Боец на ветру*» Ян Юнхо. Эти два фильма представляют собой попытку избразить этнических корейских героев, которые на самом деле внесли гораздо больший вклад в формирование послевоенной японской идентичности. Действительно, мир японских боевых искусств трудно представить без таких знаковых фигур, как создатель сильнейшего стиля каратэ кёкусинкай Масутацу Ояма, которого называли «*Рукой Бога*» за его победы над быками голыми руками, и отец японской профессиональной борьбы Мицухиро Момота, более известный как Рикидодзан. Память об этих двух мужчинах могла бы стать (и в какой-то момент стала) бесспорной метафорой удивительного подъёма Японии после унижительного поражения во Второй мировой войне и последующей американской оккупации, если бы не одно обстоятельство: они были корейцами, что в итоге сделало их хорошей метафорой и для южнокорейского послевоенного чуда. Как Южная Корея смогла подняться из одной из наименее развитых стран мира в одну из сильнейших региональных и мировых экономик, так и Рикидодзан и Ояма превратились из униженных и неуважаемых в символы необычайных физических способностей и несгибаемого духа.

Ключевые слова: Рикидодзан, Масутацу Ояма, «*Воин ветра*», Южная Корея, корейская коллективная память, корейский национальный герой

Раздел II

ПОЗНАТЬ СЕБЯ

Юко Такахаси

The Korean Christian Church in Japan: the ethnic identity of a cross-boundary Korean Christianity

Кукла М. П.

Экономическое планирование в Республике Корея в 1950-е гг.

Сон Ж. Г.

Коммеморативные практики Республики Корея как инструмент сохранения памяти о борьбе за независимость Кореи в России и странах СНГ

Ланьков А. Н.

Два государства, две нации: формирование двух национальных идентичностей на Корейском полуострове

The Korean Christian Church in Japan: the ethnic identity of a cross-boundary Korean Christianity

Yuko Takahashi

Yuko Takahashi, Ph.D., Research fellow, Osaka Korean Studies Platform, Research Center for Human Rights, Osaka Metropolitan University (Japan) (yuko.takahashi@ymail.com)

Abstract. *This paper explores the history of the Korean Christian Church in Japan (KCCJ) that is a Christian church for Koreans living in Japan—or zainichi Koreans—an ethnic minority in the country. It analyses the historical development of KCCJ's strong ethnic identity as its most significant feature, and argues that this unique feature of KCCJ derives from two factors: hardships faced by the ethnic minority in Japanese society, and ecumenism.*

Since the 1910–1945 colonial era through to the present day, zainichi Koreans have been discriminated against and marginalised in Japanese society. In addition, towards the end of the colonial era, Korean Christians in Japan became a target of surveillance and control of the authorities. These hardships since the early 20th century strengthened their ethnic consciousness and, consequently, the ethnic identity of their church itself.

The other factor that strengthened KCCJ's ethnic identity was ecumenism, a movement to unite various Christian denominations for worldwide missions. KCCJ's ecumenical nature was observed from its establishment, and remained influential based on which KCCJ became committed to the issues of minorities around the world. As the church worked for the issues of minorities including zainichi Koreans, its ethnic identity was strengthened.

Keywords: *Christianity, Japanese colonial rule, ecumenism, the Korean Christian Church in Japan (KCCJ), zainichi Koreans*

Introduction

Korea is one of the most unique places where Christianity saw a rapid growth in a relatively short time since the late 19th century. Although Catholicism arrived in Korea earlier in the late 18th century¹, it was after the advent of Protestantism in the late 19th century that led

¹ It is usually understood that Korean Catholicism began when Yi Seung-hun was baptised by French Jesuit missionary Jean Joseph de Grammont in Beijing, China, in 1784 [Kim and Kim, 2015, p. 21; Asami and Ahn, 2012, pp. 44–45].

to the spread and growth of Christianity at an unprecedented speed in Korea. Consequently, Koreans of various backgrounds from the elite to peasants converted to Christianity, and modern Western knowledge and technologies were introduced to Korea by Protestant missionaries.

During the same period, there was yet another variant of Korean Christianity about to be born outside the Korean Peninsula. The Korean Christian Church in Japan (KCCJ), as is called today, is the largest Korean church in Japan that originated in the early 20th century. The most significant feature of KCCJ has been its strong ethnic identity that was brought about by two factors. One is the hardships that Koreans in Japan, or *zainichi* Koreans, have experienced as an ethnic minority in Japan; and the other is the ecumenical spirit of KCCJ.

The rest of the paper first outlines the growth of the Korean population in Japan and the establishment of KCCJ during the colonial era. This introductory section is followed by examination of the influence of the two factors — *zainichi* Koreans' hardships in Japan, and the ecumenical spirit of their Christianity — that led to the development of the strong ethnic identity of KCCJ.

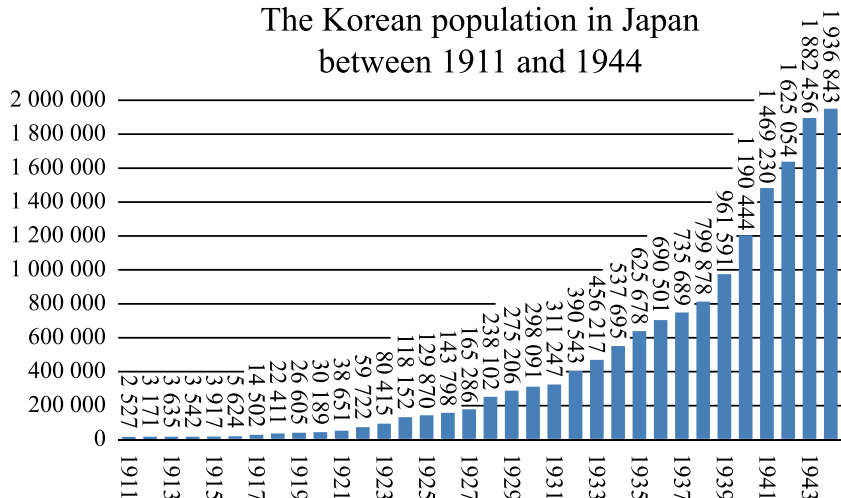
Korean immigrants to Japan and the birth of KCCJ

The colonisation of Korea by Japan in 1910 deprived many Koreans of their means to make a living in the Korean Peninsula. Consequently, a number of Koreans immigrated to the Japanese mainland to find a job, settle there, and bring over their families and relatives. From the second half of the 1930s when Japan went to war with China and then the Second World War, the Korean population in Japan further increased as Korean laborers were forced to immigrate to fill the manpower vacuum that was caused by Japan's war mobilisation.

The graph and table below show the increase of the Korean population in Japan from 1911 to 1944. Although no statistics is available for the year 1945, it is estimated that in August 1945, when Japan lost the war and Korea was liberated, the Korean population in Japan was over 2 million [Mizuno and Mun, 2015, pp. 80—81].

The history of Korean Christianity in Japan dates back before the 1910 colonisation. In 1882, Confucian scholar Yi Su-jeong went to Japan, accompanying reformist activists such as Kim Ok-kyun and Park Yeong-hyo. While he was in Japan, Yi encountered Christianity and was baptised. Then in 1883, with about 30 Korean students who had been studying in Japan, he established a Korean church in Tokyo [Yi, 2015, pp. 29—30]. After returning to Korea, Yi made

The Korean population in Japan between 1911 and 1944

Year	Korean population	Year	Korean population
1911	2,527	1928	238,102
1912	3,171	1929	275,206
1913	3,635	1930	298,091
1914	3,542	1931	311,247
1915	3,917	1932	390,543
1916	5,624	1933	456,217
1917	14,502	1934	537,695
1918	22,411	1935	625,678
1919	26,605	1936	690,501
1920	30,189	1937	735,689
1921	38,651	1938	799,878
1922	59,722	1939	961,591
1923	80,415	1940	1,190,444
1924	118,152	1941	1,469,230
1925	129,870	1942	1,625,054
1926	143,798	1943	1,882,456
1927	165,286	1944	1,936,843

* The figures show the populations as of the end of each year.
 [“Zainichi Korean no Rekishi” Sakusei Iinkai, 2006, p. 9]

efforts that led to Christian personnel and missionaries dispatched from Korea to Japan. It facilitated the institutionalisation of Korean Christianity in Japan with Tokyo Joseon YMCA established in 1906, and the Tokyo Church for Koreans in 1908 [Yi, 2015, pp. 30–33, 35–36, 43]. It is this latter event that is today regarded as the birth of KCCJ.

In 1912, the Methodist Church and the Presbyterian Church based in Korea jointly established the Union Christian Church in Tokyo (토쿄연합예수교회). After its establishment, the church steadily grew, with 410 members affiliated as of 1923. Out of these members, as much as 81 per cent were students [Yi, 2015, pp. 46–47].

In 1934, the Union Christian Church and other individual Korean churches across Japan formed the Joseon Christian Church (재일본조선기독교교회). It was a means to become independent from the Korean National Christian Council (조선예수교연합공의회; KNCC) that had been in charge of dispatching missionaries to Japan since 1925. Then in 1936, the Joseon Christian Church concluded the first official relations with Japanese Christian churches through joining the National Christian Council in Japan, an interdenominational Protestant organisation established in 1923 [Yi, 2015, pp. 107–109]. By this time, the number of members of the Joseon Christian Church had grown to over 3,000 and member churches to 52 [Yi, 2015, p. 123].

The colonial hardships and ethnic identity of Korean Christianity in Japan

As it expanded and strengthened its organisation, the newly formed Korean church in Japan developed a strong ethnic identity. The reasons for this can be its strong tie with Korea from its birth, and its function as an important community for social networking among the ethnic minority in Japan. Nevertheless, a more crucial reason is Koreans' disadvantaged status in Japanese society as the colonised subjects.

Koreans had been discriminated against in Japanese society, whether at school, workplace, when looking for a job, getting married to a Japanese person, and on many other occasions in their private life. In public life, too, Koreans were put under the authorities' control through, most notably, a nationwide organisation called *Kyowakai* of which Koreans were required to become members, and through which the authorities kept their eyes on Koreans' activities as well as instilling in them the mentality as "Japanese" subjects and mobilising them for war effort [Mizuno and Mun, 2015, pp. 59–63].

These circumstances had various effects on Koreans. Some of them internalised the Japanese people's prejudice that they were "inferior" colonised subjects and became ashamed of their ethnic origin. Some others tried to adapt to Japanese society, or even become "loyal subjects of the Japanese Empire" [Takahashi, 2020]. Yet, some Koreans strengthened their ethnic consciousness and pride, and showed strong resistance to the Japanese. It could be observed among Korean Christians, too. One of the most notable examples was when 600 Korean students gathered at Tokyo Joseon YMCA on 8 February 1919, and announced the Declaration of Independence which was then sent to Korea, leading to the March First Independence Movement of the same year. Those Koreans involved in the demonstration in Tokyo were mostly members of Tokyo Joseon YMCA and the Union Christian Church [Yi, 2015, pp. 47—48].

The hardships for Korean Christians in Japan further intensified from the end of the 1930s as the Japanese government began surveillance and control over religious institutions. In 1939, the Religious Organisations Law was enacted, and then put into force in 1940. This law officially authorised the Japanese government to place all religious institutions under its control. Consequently, in 1941, 33 Protestant churches formed the United Church of Christ in Japan (UCCJ). This amalgamation was, for these churches, a means to survive through this difficult time. The Joseon Christian Church as well as other individual Korean churches in Japan also joined UCCJ. For them, too, it was a means to survive under the Japanese government's surveillance and control.

However, believing the Western religion *and* being Korean, Korean churches faced particularly severe surveillance and control by the authorities. Consequently, many pastors were arrested, expelled, or fled [KCCJ, 2008, p. 8; Yi, 2015, pp. 141—143]. Korean churches faced yet other difficulties within Christian community, too. When Korean churches joined the Church of Christ in Japan in 1940, before joining UCCJ, the Japanese church demanded them to follow its creed, to use Japanese and not the Korean language for mission, and to permit only those Korean clergypersons to do mission who passed the examinations developed by the Church of Christ in Japan [KCCJ, 2008, p. 7; Yi, 2015, p. 130]. The hardships both outside and inside the Christian community, nevertheless, strengthened the Korean churches' ethnic identity. Although they could not overtly express it until the Japanese Empire collapsed, their ethnic identity remained alive and became more salient as soon as they were liberated from Japanese colonial rule in August 1945.

The liberation, continuing hardships, and KCCJ's ethnic identity

Soon after the Japanese colonial rule ended and the legal control over religious institutions was lifted, the Korean churches undertook rebuilding efforts and together established KCCJ in November 1945. At the same time, KCCJ withdrew from UCCJ the following month and instead, it established relations with churches in Korea, as well as the Presbyterian Church in Canada, for collaboration in missions [Yi, 2015, pp. 178–179, 195–196]. These represent *zainichi* Korean Christians' determination to establish an independent Korean church, with stronger ties with churches in Korea—their homeland—rather than those in Japan which was their place of residence.

Despite the freedom of religion that they regained, however, the discrimination against and marginalisation of Koreans continued in Japanese society. Once imposed Japanese nationality (but disadvantaged than the “real” Japanese people) during the colonial era, Koreans who remained in Japan in the post-liberation era were now deprived of their Japanese nationality and due rights that the Japanese citizens were entitled to. The social discrimination against them also continued, when entering school, finding work, getting married, and on various other occasions.

The desire for independence as a Korean church and the persistent hardships of *zainichi* Koreans further strengthened KCCJ's ethnic identity, and members began translating it to their commitment to the real-world issues facing *zainichi* Koreans. In 1967, a year before the 60th anniversary of its mission, KCCJ developed the Three Goals for the 60th Anniversary of KCCJ's Missions (hereafter the Three Goals). The Three Goals states that the church would aim at 1) reform of KCCJ; 2) changes to the Korean society in Japan; and 3) hope for the world. Six years later, the Three Goals was reaffirmed and strengthened by the Basic Policy for Mission which declared the active commitment to the issues of human rights and social welfare of *zainichi* Koreans [KCCJ, 1973].

Following these two resolutions, KCCJ became committed to the issues of *zainichi* Koreans. In 1974, KCCJ established the Research-Action Institute for the Koreans in Japan (RAIK), a KCCJ-affiliated institute that focuses its efforts on the human rights movements for *zainichi* Koreans. RAIK has since been involved in various actions to oppose to and abolish discriminatory treatments of *zainichi* Koreans as well as other foreign residents in Japan, such as employment

discrimination and the mandatory fingerprinting (the latter abolished for permanent foreign residents in 1993, and for all foreign residents in 2000) [KCCJ, 2008, p. 15; Yi, 2015, pp. 214–215, 238–241].

Zainichi Korean Christians regained the freedom of religion after the collapse of the Japanese Empire, however, the discriminatory environments since the colonial era remained unchanged which contributed to the development and strengthening of identity of *zainichi* Korean Christians and their church. The ethnic identity was expressed in the form of KCCJ's active commitment to the issues facing *zainichi* Koreans. At the same time, there is yet another factor that significantly contributed to the development and strengthening of KCCJ's ethnic identity — ecumenism.

The ecumenical spirit behind KCCJ's ethnic identity

Since its birth in the early 20th century, the ecumenical nature had been salient throughout the development of KCCJ. Ecumenism, or the ecumenical movement, is an international Christian movement that began at the World Missionary Conference in Edinburgh in 1910, and that aims at interdenominational missions around the world. The ecumenical nature of Korean Christianity in Japan is attributable to the fact that the mission was carried out first by missionaries of the Methodist and the Presbyterian Churches in Korea as well as those from the United States, then from the mid-1920s, missionaries dispatched by KNCC and the Presbyterian Church in Canada [KCCJ, 2008, pp. 4–5; Yi, 2015, pp. 67, 71–73].

The ecumenical spirit instilled in Korean Christianity was further strengthened in the post-liberation era as KCCJ joined international ecumenical organisations one by one: the National Christian Council in Japan (NCCJ) in 1956; the World Alliance of Reformed Churches (WARC) in 1958; the World Council of Churches (WCC) in 1962 (as an associate member); the East Asia Christian Conference (EACC, renamed the Christian Conference of Asia (CCA) in 1973) in 1964; and the Japan-North American Commission on Cooperative Mission (JNAC, dissolved in 2005).

KCCJ's participation in the international ecumenical movement could be observed at both the personnel and the organisational levels. For example, in 1973, as part of a joint action with JNAC, KCCJ dispatched seven senior members to the United States and Canada to study minority issues in North America. Upon returning, these members applied what they learned to KCCJ's commitment to the

issues of minorities in a wider, international context. Consequently, KCCJ has organised international conferences, inviting clergy persons and minority people from various countries and regions, such as the International Consultation on Minority Issues and Mission Strategies, and the Theology Conference for Korean Churches Overseas [KCCJ, 1974; Yi, 2015, pp. 222–224, 236–237]. Some KCCJ personnel participated in activities of WCC as committee members through which they raised the issues of ethnic minorities in Japan to be known to the international Christian community. In turn, they themselves learned about the issues of other minorities around the world, associated these issues with their own problems in Japan, and developed solidarity with churches around the world through the international ecumenical networks, to work on minority issues together [O, 1968, pp. 292–293, 297; Yi, 2015, pp. 183–185, 200].

The ecumenical spirit that had been instilled in Korean Christianity in Japan during the colonial era became particularly influential in the post-liberation era when Korean Christianity was (re-)institutionalised as KCCJ and it joined the international ecumenical movement. Participation in the ecumenical movement provided KCCJ with opportunities to become concerned with the issues of minority communities around the world. At the same time, they developed particular concern with the issues facing *zainichi* Koreans, raising the awareness of their position in Japanese society as an ethnic minority, and consequently, developing and strengthening their ethnic identity.

Conclusion

This paper examined KCCJ, a Korean Christian church in Japan with its history of over a century, and discussed how its distinctive feature—the strong ethnic identity—has developed. The analysis argued that KCCJ's ethnic identity derived mainly from two factors: the hardships experienced by *zainichi* Koreans, and ecumenism.

As the formerly colonised ethnic minority, *zainichi* Koreans have long been discriminated against and marginalised in Japanese society. As a Korean Christian church, KCCJ experienced oppression towards the end of the colonial era, too. These hardships strengthened its ethnic identity. At the same time, the ecumenical spirit that was instilled in KCCJ during the early years of its history remained influential through to the post-liberation era. As it began participating in the international ecumenical movement, KCCJ developed its concern with the real-world issues facing *zainichi* Koreans—another indication of its ethnic identity.

KCCJ members have lived in Japanese society where they have been regarded as “Others.” Whether through experiencing hardships in Japanese society or participating in the international ecumenical movement, they became sensitized to their “Otherness.” This awareness led to the development of their ethnic identity, and consequently they sought how to understand their position as “Others” and how to reflect this “Otherness” in the commitments to society. This self-reflection gave their church, KCCJ, its unique *raison d’être*. In this respect, among various denominations of Korean Christianity both in and outside Korea, KCCJ is certainly a unique variant that developed amidst the geopolitical turmoil in East Asia in the early 20th century.

References

Asami, Masakazu, Ahn Jungwon (2012). *Kankoku to Kirisutokyo* [South Korea and Christianity]. Tokyo: Chuokoron-Shinsha (in Japanese).

KCCJ (1973). *Senkyo Kihon Seisaku* [The Basic Policy for Mission] (in Korean and Japanese).

KCCJ (1974). “Mainoriti Mondai to Senkyo Senryaku” Kaigi Hokoku [Report on the International Consultation on Minority Issues and Mission Strategies] (in Japanese).

KCCJ (2008). *Inori to Tomo ni* [With Prayer]. Tokyo: KCCJ (in Japanese and Korean).

Kim, Sebastian C. H., Kirsteen Kim (2015). *A History of Korean Christianity*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mizuno, Naoki, Mun Gyongsu (2015). *Zainichi Chosenjin: Rekishi to Genzai* [Zainichi Koreans: History and the Present]. Tokyo: Iwanami Shoten (in Japanese).

O Yundae (1968). *Nikkan Kirisutokyo Koryushi* [The History of Exchange between Japanese and Korean Christian Churches]. Tokyo: Shinkyō Publishing (in Japanese).

Takahashi, Yuko (2020). “Drifting between Korea and Japan: 1.5-generation zainichi Koreans under Japanese colonial rule,” *Yonsei Journal of International Studies*, 12(1): 44-64.

Yi Cheongil (2015). *Zainichi Daikan Kirisutokuyokai Senkyo 100-nen-shi 1908-2008* [The 100-year History of Mission of the Korean Christian Churches in Japan, 1908–2008]. Osaka: Kanyō Shuppan (in Japanese).

“*Zainichi Korian no Rekishi*” *Sakusei Iinkai* ed. (2006). *Rekishi Kyokasho: Zainichi Korian no Rekishi* [History Textbook: A History of Zainichi Koreans]. Tokyo: Akashi Shoten (in Japanese).

**Корейские христианские церкви в Японии:
этническая идентичность
трансграничного корейского христианства**

Юко Такахаси

Юко Такахаси, доктор философии, научный сотрудник, Осацкая платформа корейских исследований, Исследовательский центр по правам человека, Осацкий столичный университет (yuko.takahashi@ymail.com)

Аннотация. В статье рассматривается история Корейской христианской церкви в Японии (КХЦЯ), прихожанами которой являются корейцы, живущие в Японии, или корейцев дзайнити — этническое меньшинство в стране. В статье анализируется историческое развитие сильной этнической идентичности КХЦЯ как её наиболее значимой черты, и утверждается, что эта уникальная особенность КХЦЯ обусловлена двумя факторами: трудностями, с которыми сталкивается этническое меньшинство в японском обществе, и экуменизмом.

Начиная с колониальной эпохи 1910—1945 годов и по сей день, корейцы-дзайнити подвергаются дискриминации и маргинализации в японском обществе. Кроме того, к концу колониальной эпохи корейские христиане в Японии стали объектом наблюдения и контроля со стороны властей. Эти трудности с начала XX века укрепили их этническое самосознание и, соответственно, этническую идентичность самой церкви.

Другим фактором, укрепившим этническую идентичность КХЦЯ, стал экуменизм — движение за объединение различных христианских деноминаций для всемирной миссии. Экуменическая природа КХЦЯ отмечается с момента её основания; она оставалась влиятельной, благодаря чему КХЦЯ стала заниматься проблемами меньшинств по всему миру. По мере того, как церковь работала над проблемами меньшинств, включая корейцев-дзайнити, укреплялась её этническая идентичность.

Ключевые слова: Христианство, японское колониальное правление, экуменизм, Корейские христианские церкви в Японии (КХЦЯ), корейцы-дзайнити

Экономическое планирование в Республике Корея в 1950-е гг.

Кукла М.П.

Кукла Марина Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры корееведения, Дальневосточный федеральный университет (kukla.mp@dvfu.ru).

***Аннотация.** В экономической истории Республики Корея 1950-е годы, как правило, известны как самый сложный период послевоенного восстановления, осуществляемый под влиянием финансовой и военной помощи со стороны США. Однако трактовать этот период можно и с другой точки зрения — в 1950-е гг. начали формироваться экономические институты, которые стали основой для успехов индустриализации 1960—1970-х гг., ставшей известной как «Чудо на реке Ханган».*

В настоящей статье рассматриваются попытки правительства Ли Сынмана сформировать и реализовать самостоятельные планы развития экономики, даётся оценка потенциала и проблем реализации этих планов с учётом социально-политической ситуации. Показано, что наряду с общим пониманием необходимости индустриализации экономики РК посредством импортозамещения существовали расхождения в оценке перспектив развития корейской экономики между правительством Республики Корея и экспертами из США, работавшими над программами восстановления РК, что выразилось в характере экономической помощи. Рассмотрены причины неудач в реализации планов восстановления и развития в послевоенные годы: отсутствие опыта управления рыночной экономикой, завышенные ожидания при формулировании планов, влияние характера американской помощи. Несмотря на то, что по большей части политика Ли Сынмана в сфере социально-экономического развития была провальной, в ряде аспектов (создание крупных конгломератов (чеболей), развитие человеческого капитала, институционализация кредитно-денежной и валютной политики и др.) были сформированы предварительные условия для индустриализации 1960-х гг.

***Ключевые слова:** Ли Сынман, 1950-е гг., экономика помощи, денежная политика, планы восстановления, антиинфляционная политика, чеболи, торговая политика, валютная политика, доклад Фрейзера.*

Традиционно успехи Республики Корея в сфере экономики приписываются периоду 1960—1970-х гг., когда страной руководил президент Пак Чонхи. Также принято считать, что предшествующий этому период президентства Ли Сынмана был крайне неудачным с точки зрения экономического развития, а самого Ли небезосновательно критикуют за неэффективность внутренней и внешней политики. Тем не менее вопрос о влиянии, которое оказал период **I Республики на дальнейшее развитие Южной Кореи**, представляет определённый научный интерес. Как элемент подготовки к экономическому скачку можно отметить создание в 1950-е гг. крупных концернов, создание базы лёгкой промышленности, реформа системы образования [Курбанов, 2022, с. 490; Коргун, 2011, с. 25].

На наш взгляд, экономическое планирование как институт внутренней политики заслуживает отдельного внимания, так как оно дало толчок для развития планирования в 1960-е гг., которое в свою очередь стало одной из основ экономического развития Южной Кореи.

Оценки состояния экономики Южной Кореи в 1950-е гг.

В 1950-е гг. состояние экономики Южной Кореи почти полностью определяла финансовая и военная помощь со стороны ООН и США. Сама зависимость от помощи, а также её последствия оцениваются неоднозначно, чаще — критически. С одной стороны, помощь поддержала корейское общество в тяжёлый экономический период, не дала разразиться гуманитарному кризису, способствовала стабильности и развитию человеческого капитала. С другой стороны, она породила настолько большую зависимость и неспособность сформировать самостоятельную экономику, что снижение поставок после 1957 г. вызвало рецессию в экономике. К негативным последствиям помощи можно отнести также искажение промышленной структуры Южной Кореи после поставок сельскохозяйственного сырья из США (сахара-сырца, хлопка, муки). Во многом негативный опыт 1950-х гг. объяснялся тем, что США и Республика Корея не могли найти общего языка по вопросам экономического развития, а также иждивенческой позицией корейского руководства.

Критическая оценка действий Ли Сынмана содержится, в частности, в американских источниках. Отмечается, что Ли был чрезвычайно реакционным в экономической и внешней

политике, сопротивляясь инициативам, которые перевернули бы ситуацию на полуострове, в частности — земельной реформе и планированию развития. Единственной целью Ли Сынмана было восстановление предвоенного состояния экономики [Investigation of Korean-American Relations, 1978, p. 16—17]. По всей видимости, Ли был уверен в воссоединении Кореи и считал избыточным индустриальную экспансию на Юге полуострова. Он также отторгал идею США о нормализации отношений с Японией [Investigation of Korean-American Relations, 1978, p. 17]. По мнению американских экспертов, Ли Сынман «был убеждён в том, что первый шаг к самодостаточности экономики состоит в воссоединении Кореи. В таком положении корейцы мало уделяли внимания экономическому развитию как таковому, ограничиваясь лишь базовым восстановлением после Корейской войны» [Investigation of Korean-American Relations, 1978, p. 160]. В цитируемом документе 1978 г., известном как «Доклад Фрейзера» Южная Корея названа «крысиной норой помощи», что говорит о неэффективности, коррупции и потребительском отношении к США.

Однако, несмотря на сложные условия конца 1940—1950-х гг., создание планов экономического восстановления и развития Южной Кореи осуществлялось как в Республике Корея, так и в США.

Экономические планы правительства Ли Сынмана

Начиная с 1948 г., когда было сформировано первое южнокорейское правительство, и до 1957 г. было разработано несколько экономических планов, которые можно разделить на две категории. Первая категория — это отраслевые планы, разработанные соответствующими ведомствами. К ним, например, относились «Трёхлетний план расширения сельскохозяйственного производства», выпущенный Министерством сельского и лесного хозяйства в 1949 г., или «Общий план промышленности и торговли», выпущенный в 1952 г.

Ко второму виду относились комплексные планы, объединяющие несколько отраслей и сфер деятельности. За их разработку отвечало Агентство по планированию (кор. *Кихвекчхо*), которое было создано в 1948 г. и подчинялось непосредственно Премьер-министру. Функции и полномочия агентства были зафиксированы в Законе о структуре правительства. В 1955 г.

Агентство было реструктурировано и переименовано в Министерство возрождения (кор. *Пухынбу*), которое в дальнейшем и отвечало за разработку планов [Кирогыро понын кёнджекэбаль...].

Первыми комплексными планами, принятыми сразу после образования правительства, стали Пятилетний план восстановления промышленности и Пятилетний план мобилизации ресурсов (1949). Пятилетний план восстановления промышленности объединял показатели по 12 перспективным отраслям: электроэнергетике, металлургии (чугун, сталь), горнодобывающей промышленности (золото, серебро), судостроению (рыболовецкие и транспортные суда), производству двигателей, цемента. План определял целевые показатели производства, а также объёмы поставок требуемого для этого сырья. Задачи плана обозначались как восстановление производства до максимального довоенного уровня. Что касается Пятилетнего плана мобилизации ресурсов, то для его принятия осуществлялась совместная работа министерств и ведомств экономического блока, которые на совещаниях определяли объём требуемых для работы отраслей ресурсов. Основной целью плана было восстановление отраслей до максимального уровня, зафиксированного раньше. Неизвестно, насколько были реализованы эти планы, так как информации о них сохранилось немного.

Во время Корейской войны, в июле 1951 г. и в июле 1952 г., составлялись планы восстановления экономики Республики Корея сроком на один год. Основной целью плана восстановления, разработанного в 1951 г., был максимальный вклад в военные действия и достижение самостоятельности корейской экономики. План устанавливал следующие целевые ориентиры — объём спроса 1,43 млрд долл. и объём производства 1,14 млрд долл. в 1953 г. Недостающий объём производства планировалось компенсировать за счёт импорта. Примечательно, что давались показатели финансирования импорта: 61% его должен был финансироваться за счёт помощи, а 39% — за счёт собственных ресурсов [Кирогыро понын кёнджекэбаль...].

Когда война приближалась к концу, и постепенно формировались политические и экономические условия для восстановления хозяйства, правительство приступило к разработке среднесрочных планов. В июле 1953 г. президент Ли Сынман представил руководящие принципы плана реконструкции, на основании которых Агентство по планированию в августе

1953 г. разработало «Основные направления плана восстановления экономики, основанного на средствах помощи». Центральной идеей «Направлений» стало одновременное строительство и восстановление транспортной и социальной инфраструктуры, а также базовых отраслей промышленности — заводов по производству удобрений, цемента, листового стекла, стали, угля, электростанций.

На основе этого документа был разработан Пятилетний план восстановления экономики (1954—1958), который представило Министерство возрождения самостоятельно, без учёта мнений других министерств и ведомств.

План включал довольно амбициозные планы капитальных вложений в 11 различных секторов экономики. Обращает на себя внимание упоминание предприятий, которые необходимо было построить с нуля (кор. *синсоль*). В их число вошли предприятия по производству цемента, удобрений, листового стекла, папирос, мотоциклов и др. [Пак, 2007, с. 207]. В плане также ставилась цель поднять национальный доход на душу населения с 65 долл. в 1954 г. до 88 долл. в 1958 г. и до 101 долл. в 1960 г. Основной целью плана традиционно значилась «самостоятельность экономики» [Кирогыро понын кёнджекэбаль...].

Для достижения самостоятельности, согласно этому плану, требовалось самообеспечение продовольствием, обеспечение РК иностранной валютой путём продвижения экспортных отраслей (особенно минеральным сырьём и рыбодобывающей промышленностью), развитие эффективных базовых отраслей, обеспечение их сырьём и полуфабрикатами, развитие отраслей, которые обеспечат сокращение необходимости в импорте, развитие системы здравоохранения и поддержание социальных стандартов жизни населения. В 1954 г. в сообщениях руководства страны обозначались и другие отраслевые приоритеты — производство текстиля, удобрений, цемента, листового стекла, а также металлургическая промышленность.

При разработке плана самым важным вопросом был вопрос финансирования восстановления. Учитывая, что своих денег фактически у Кореи не было, она почти полностью полагалась на помощь США.

План возрождения (1954 г.) был разработан корейским правительством без консультаций с международными организациями по оказанию помощи Кореи, что вызвало критику программы развития со стороны США.

Планы развития Республики Корея, разработанные в США

Реакция США на программу развития Южной Кореи содержится в докладе «Укрепление корейской экономики», подготовленном по результатам поездки в РК в 1953 г. Генри Дж. Таски, специального представителя Президента США по корейским экономическим вопросам. Это один из документов, который зафиксировал многочисленные разногласия США и РК по вопросам экономического развития [Волошак, 2019. с. 111].

Кроме идеологических, военных и политических императивов, которые обуславливали необходимость помощи со стороны США, доклад содержал и экономические задачи — развивать торговые отношения Японии и Кореи, чтобы обеспечить ориентацию Японии на свободный мир. Существенная потеря экспортного рынка в Китае и возможное сокращение американской помощи, по мнению Г. Таски, способно было подтолкнуть Японию к поиску дополнительных рынков в коммунистических странах [The Special Representative for Korean Economic Affairs, 1953].

В докладе содержалась новая трёхлетняя (на 1954—1956 гг.) интегрированная экономическая программа военной помощи, стабилизации и реконструкции, составленная в ответ на предложенный Сеулом пятилетний план [Strengthening the Korean Economy, 1953].

Опираясь на планы корейской стороны, Г. Таска предложил поддержать экономику Южной Кореи с рядом поправок. Г. Таска считал, что необходимо пожертвовать повышением уровня жизни в пользу развития промышленности и капитальных вложений. Как обозначено в приложении к докладу, «Понятно, что это потребует дальнейшего самопожертвования от корейского народа, но эта жертва будет вознаграждена сравнительно быстро». [Strengthening the Korean Economy, 1953, p. 28]. Например, в представленном плане, расходы на социальную сферу на 3 года составляли 22% от планируемых затрат корейского правительства на ближайшие 5 лет.

В докладе Г. Таски общий объём ассигнований со стороны США на 1954 год предполагался в размере 450 млн долл. с последующим сокращением до 348 млн долл. в 1956 г. и 275 млн долл. в 1956 г. Это существенно меньше, чем было обозначено в плане, разработанном Министерством возрождения РК.

Вторым документом, который отражал взгляды ООН и США на развитие Южной Кореи стал документ, известный как «Про-

грамма Натана» — план экономического развития, разработанный в 1954 г. для ООН экспертным центром «Nathan Associates» [An Economic Programme for Korean Reconstruction, 1954].

В плане отмечались следующие актуальные вопросы южнокорейской экономики: отсутствие базовых ресурсов, отсутствие активного экспорта, быстро растущий спрос из-за быстрого роста населения, отсутствие навыков по управлению экономикой, гиперинфляция. В документе были обозначены ключевые идеи экономического развития: построить свободную конкурентную систему в условиях стабильной экономики и достичь сбалансированности внешней торговли. Первичными условиями для достижения целей считались восстановление в кратчайшие сроки после Корейской войны и важность убедить страны-доноры в необходимости поддержки реалистичного плана восстановления.

В плане также обозначались цели наращивания производства, которые предполагали увеличение экономических показателей относительно довоенного уровня (1949—1950 гг.). Так, планировалось увеличить общий объём производства на 40%, сельскохозяйственного производства — на 35%, нарастить добычу полезных ископаемых более чем в 5 раз, увеличить производство обрабатывающей промышленности и строительства на 85%, увеличить производство электроэнергии в три раза.

В качестве инструментов экономической политики обозначалась приверженность рыночным принципам. Во-первых, предполагалось разработать и внедрить комплексный план обеспечения безопасности, увеличить налоговые поступления и сократить государственные расходы, а также добиться экономической стабилизации мерами кредитно-финансовой политики. Во-вторых, требовалось избегать искусственного контроля над ценами, проводить финансово-кредитную политику, унифицировать обменный курс для стабилизации экспортных и импортных цен, скорректировать заработную плату, чтобы она отражала рыночные цены, а также восстановить механизм рыночного ценообразования путём резкого сокращения платежей в натуральной форме. В-третьих, планировалось разделить государственный и частный бизнес, добиться нормальной работы частного сектора путём корректировки инфляции и нормализации системы ценообразования. В-четвёртых, нужно было снизить зависимость от импорта, способствуя эффективному замещению импорта [An Economic Programme for Korean Reconstruction, 1954].

Таким образом, основной идеей программы Натана было построение рыночной экономики и стимулирование работы рыночного ценового механизма. В краткосрочном плане для этого было необходимо проводить стабилизационную политику и форсировать импортозамещение.

План возрождения 1956 г.

В 1956 г. появился новый план развития экономики Южной Кореи — «Пятилетний план экономического возрождения», который также разработало и представило Министерство возрождения. Этот план отражал рекомендации, разработанные американскими специалистами. Основная цель плана заключалась в согласовании с США объёмов и направлений предоставляемой помощи.

План содержал проект использования финансов, поступающих из-за рубежа. Первоначально корейская сторона предполагала получить 2 млрд 300 млн долларов помощи, используя 1 млрд из этой суммы на капитальные вложения, а 1 млрд 300 млн — на потребление. Сумма, предназначенная на капитальные вложения, распределялись следующим образом: 56,3% — на восстановление инфраструктуры, жилья, дорог и других социальных объектов, 23,3% — на развитие промышленности, 1,7% — на металлургию, 3,5% — на судостроение.

В плановые показатели входил экспорт, однако под экспортными товарами понималось исключительно сырьё — минеральные ресурсы, рыба и морепродукты, рис. В импортные товары входили нефть, уголь, удобрения, хлопковая нить. Предполагалось, что капитальные вложения пойдут в отрасли импортозамещения и социальную инфраструктуру, а не в развитие экспортных отраслей. Американская сторона отказалась принимать этот план, и необходимость его корректировать вызвала дискуссию. К июню план был скорректирован, а запрашиваемая сумма поддержки снизилась до 1 млрд 700 млн долларов.

Представители США в Южной Корее жёстко критиковали этот план, оценивая его как инструмент получения помощи, а не комплексную стратегию развития экономики [Пак, 2007, с. 223]. Цифры, обозначенные в плане, были совершенно нереалистичными даже после его корректировки. Кроме того, администрация Ли Сынмана на деле не продемонстрировала стремления к реализации плана. Так, например, по вине

корейской стороны были сорваны переговоры с компанией Evasco, которая была предложена США в качестве потенциального инвестора.

В 1957 г. Министерство возрождения объявило о корректировке пятилетнего плана экономического возрождения, однако новый план, представленный в 1959 г., был рассчитан на 3 года и стал первой частью семилетнего плана, который отражал договорённости, достигнутые Совместным американо-корейским комитетом по экономике в 1956 г [Пак, 2007, с. 225]. Трёхлетний план развития промышленности по сравнению с более ранними планами прошёл более тщательную процедуру подготовки. Что касается его содержания, то стратегически он повторял экономические идеи, распространённые в 1950-е гг. — кейнсианские представления о центральном значении занятости, кейнсианскую модель экзогенного экономического роста Харрода-Домара, модель сбалансированного роста Р. Нурксе и др. План был разработан усилиями Комитета по развитию промышленности. Несмотря на то, что этому плану тоже не было суждено реализоваться, он был гораздо более реалистичным, чем предыдущие.

В 1950-е гг. было разработано несколько планов и программ экономического восстановления и развития Южной Кореи. Авторами планов были как эксперты США, так и специалисты Агентства по планированию РК (впоследствии — Министерства реконструкции). Никакой из планов, принятых в этот период, не был в полной мере реализован, однако по процедуре их разработке и принятия, а также по содержанию можно судить о различиях РК и США по вопросам экономического развития страны. Сходство планов, разработанных в США и в РК, заключалось в том, что решение экономических проблем Южной Кореи планировалось осуществлять посредством импортозамещения. При этом в США считали, что импортозамещение необходимо для сдерживания инфляции, а правительство Республики Корея считало импортозамещение основой для развития нарождающейся промышленности. Важным выводом из анализа планирования в 1950-х гг. является то, что к концу рассматриваемого периода административная система планирования стала способна ставить более реалистичные, чем в начале 1950-х гг. цели, а также сформировалась система институтов, отвечающая за экономическое планирование.

Библиография

Волощак В.И. Вопросы развития альянса Республики Корея и США при Д. Эйзенхауэре (1953—1961 гг.) // *Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В двух томах. Т. 2.* М.: ИДВ РАН, 2019. С. 107—117.

Кирогыро понын кёнджекэбаль 5 гэнён кехвек. Кехвек иджон (1948—1957) [Пятилетние планы в архивах. Период до установления планов (1948—1957)]. URL: <https://theme.archives.go.kr/next/economicDevelopment/reconstruction.do> (дата обращения: 03.09.2022). (На кор.)

Коргун, И.А., Попова Л.В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950—2000-е гг.) / Под науч. ред. проф. С. Ф. Сутырина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 244 с.

Пак Тхэгюн. Хангукчонджэнь иху И Сынман чонгбуый кёнчжепухынг чолляк [Стратегия экономического возрождения администрации Ли Сынмана после Корейской войны] // *Сэге чончхи.* 2007. № 2. С. 203—249. (На кор.)

Синицын Б.В., Казакевич И.С. Экономика Южной Кореи в тисках американской «помощи» // *Корея: Север и Юг.* М., Изд-во «Наука», 1965. С. 124—190.

Тихонов В.М., Кан Мангиль, История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век, М.: Наталис, 2011. 499 с.

An Economic Programme for Korean Reconstruction. Prepared for the United Nations Korean Reconstruction Agency. March 1954. Robert R Nathan Associates // [New York], [publisher not identified], 1954. 459 p. — URL: <https://nathaninc.com/wp-content/uploads/1954/03/An-Economic-Programme-for-Korean-Reconstruction-Executive-Summary-and-ToC.pdf> (дата обращения: 03.09.2022).

Excerpt of Tasca Mission Report on Strengthening the Korean Economy [Washington, June 15, 1953.] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d632> (дата обращения: 03.09.2022).

Investigation of Korean-American Relations: Report of the Subcommittee on International Organizations of the Committee on International Relations, U.S. House of Representatives. October 31, 1978. — URL: <https://archive.org/details/investigationofk00unit> (дата обращения: 03.09.2022).

Strengthening the Korean Economy. Report to the President (Appendix). Pusan (Korea). 15 June 1953. P.18—29. URL: <https://theme.archives.go.kr/next/economicDevelopment/recordsOfEachEra.do?groupName=reconstruction> (дата обращения: 03.09.2022).

The Special Representative for Korean Economic Affairs (Tasca) to the President. [Washington,] June 15, 1953. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d632> (дата обращения: 03.09.2022).

References

An Economic Programme for Korean Reconstruction. Prepared for the United Nations Korean Reconstruction Agency. March 1954. Robert R Nathan Associates // [New York], [publisher not identified], 1954. 459 p. URL: <https://nathaninc.com/wp-content/uploads/1954/03/An-Economic-Programme-for-Korean-Reconstruction-Executive-Summary-and-ToC.pdf> (accessed: 03 September, 2022).

Excerpt of Tasca Mission Report on Strengthening the Korean Economy [Washington, June 15, 1953.] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d632> (accessed: 03 September, 2022).

Girogeuro boneun gyeongjegaebal 5 gaeyeon gyehoeg. Gyehoek surip ijeon (1948—1957) [A five-year economic development plan in archives. Before planning (1948—1957)]. URL: <https://theme.archives.go.kr/next/economicDevelopment/reconstruction.do> (accessed: 03.09.2022). (In Kor.)

Investigation of Korean-American Relations: Report of the Subcommittee on International Organizations of the Committee on International Relations, U.S. House of Representatives. October 31, 1978. — URL: <https://archive.org/details/investigationofk00unit> (accessed: 03 September, 2022).

Korgun, I.A., Popova L.V. (2011) Vneshneekonomicheskii faktor v razvitií Res-publiki Koreya (1950—2000-e gg.) [Foreign economic factor in the development of the Republic of Korea (1950—2000)]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 244 s. (In Russ.).

Park Tae-Gyun (2007). Hanguk jeonjaeng ihu Iseungman jeongbuui gyeongje buheung jeonlyak [The Economic Development Plans of the Rhee Government after the Korean War] / *Segyejeongchi* [Journal of World Politics]. 2007. № 2: P. 203—249. (In Kor.).

Sinitsyn B.V., Kazakevich I.S. (1965). Ekonomika Yuzhnoy Korei v tiskakh meri-kanskoy «pomoshchi» [South Korea's economy in the grip of US aid]. *Koreya: Sever I Yug*. M., Izd-vo Nauka: S. 124—190. (In Russ.).

Strengthening the Korean Economy. Report to the President (Appendix). Pusan (Korea). 15 June 1953: P. 18—29. URL: <https://theme.archives.go.kr/next/economicDevelopment/recordsOfEachEra.do?groupName=reconstruction> (accessed: 03 September, 2022).

The Special Representative for Korean Economic Affairs (Tasca) to the President. [Washington,] June 15, 1953. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v15p2/d632> (accessed: 03 September, 2022).

Tikhonov V.M., Kan Mangil (2011). Istoriya Korei: V 2 t. [Korean History] T. 2: Dvadsatyy vek, Moscow, Natalis: 499 s. (In Russ.).

Voloshchak V. (2019). Voprosy razvitiya al'yansa Respubliki Koreya i SShA pri D.Eyzenkhauere (1953—1961 gg) [Problems of U.S.-ROK Alliance under D. Eisenhower Administration (1953—1961)]. *Koreyskiy poluostrov v poiskakh mira i protsvetaniya*. T. 2: S. 107—117. (In Russ.).

The Economic Development Plans of Republic of Korea's in 1950s

Kukla M.P.

Marina P. Kukla, PhD in Economics, Associate professor at the Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (kukla.mp@dvfu.ru).

Abstract. *The 1950s are widely known as a hardest post-war reconstruction period of South Korean economic history, marked by the influence of US financial and military aid programs. However, this period can otherwise be assessed as a time of formation of economic institutes that subsequently became a basis of 1960—1970s industrialization successes — the “Miracle on the Han River”.*

The present article examines Syngman Rhee administration attempts to design and implement its own economic development plans. The author assesses the problems of these plans' implementation considering the socio-political context, as well as plans' capability to solve them. A special attention is given to the US aid impact, distribution of vested Japanese property and agrarian reform. The study demonstrates that, along with the general recognition of the need to industrialize South Korean economy by means of import substitution strategy, there was a number of differences in approaches to ROK economic development prospects between South Korean government and US advisors. The author examines the reasons of failure of reconstruction and development plans' implementation during the post-war years: lack of experience in the management of the market economy, unrealistic expectations for the plans, the nature of US aid policy. Despite the fact that Syngman Rhee socio-economic development policy was largely a failure, a number of its aspects (the establishment of chaebols, the development of human resources, institutionalization of monetary politics etc.) contributed to the successful 1960s industrialization.

Keywords: *Syngman Rhee, 1950s, aid economy, monetary policy, reconstruction plans, anti-inflation policy, chaebols, trade policy, Fraser report*

Коммеморативные практики Республики Корея как инструмент сохранения памяти о борьбе за независимость Кореи в России и Казахстане

Сон Ж.Г.

Сон Жанна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент НИУ ВШЭ. Москва, Россия (jannason@mail.ru).

***Аннотация.** В статье представлен анализ коммеморации как материального компонента и важнейшего инструмента формирования исторической памяти. Указаны основные факторы, составляющие коллективную историческую память, в частности, установки памятников героям — борцам за независимость Кореи на территории Российской Федерации. Отмечается роль специальных правительственных учреждений Р. Корея, выполняющих роль «институтов памяти» — Министерство по делам патриотов и ветеранов, Мемориал истории независимости Кореи. Деятельность этих организаций заключается в поиске участников освободительного движения в документах российских архивов, копировании документов, касающихся 1920—1930 гг., установке памятников и памятных знаков, посвящённых освободительному движению за независимость Кореи.*

С 2001 г. на территории российского Дальнего Востока установлены памятники героям освободительного движения за независимость Кореи: Ли Сансолу, Ан Джунгыну, Ли Донхви, Чо Мёнхи, в Республике Казахстан возводятся мемориалы памяти героям Кореи, из Казахстана перевезены останки Хон Бомдо и Ге Бон-у (Ке Бону) в Корею.

Опыт коммеморативной практики Республики Корея в России рассмотрен с точки зрения не только культурно-этического, но и с политико-функционального смысла. Главная задача пересмотра исторического прошлого, а именно освобождение Корейского полуострова от японского колониализма — доказать и сформировать коллективную память, что Корею освободил корейский народ. В этом направлении Республика Корея реализует комплекс мероприятий по генерированию, поддержанию и корректировке исторической памяти в национально-государственных интересах.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, историческая память, памятники, герои Кореи

Колониальный период в истории Кореи и в наши дни остаётся одним из самых противоречивых и проблемных вопросов. Этот период оставил большой след не только в исторической памяти корейцев, но и значительно повлиял на дальнейшую судьбу Кореи после освобождения от японского колониализма в формировании национальных идей и самоидентификации. Период японской аннексии 1910—1945 гг. в коллективной памяти корейского народа запечатлелся как время угнетения и национального унижения.

Современная историческая наука проявляет большой интерес к проблеме исторической памяти. Как в отечественной, так и в зарубежной историографии существует большое количество исторических исследований, посвящённых разным аспектам истории Кореи и формированию коллективной памяти. В южнокорейской историографии колониальный период рассматривается в первую очередь как годы борьбы корейского народа с японским империализмом. Глубокой болью в исследованиях южнокорейских историков отражается период освобождения Корейского полуострова, который был освобождён не корейским народом, а зарубежными державами [Хан, 2015]. Консервативный южнокорейский историк Ли Гибэк, признаёт ряд положительных моментов колониального периода. К ним он в первую очередь относит возможность учиться в Японии. Ли Гибэк объясняет это не щедростью Японии, а заслугами и усилиями самих корейцев [Ли, 2000]. В основном в корейских работах уделяется внимание политике подавления национально-освободительного движения, колониального ограбления Кореи и изучения колониального административного аппарата в качестве репрессивного органа [Ким, 1998; Ким, 2006; Ильдже синминджибэва кангъджедонгвон, 2010].

Исследователи сходятся во мнении, что историческая память — это один из факторов современной мировой политики. Особая роль здесь принадлежит оценкам событий недавнего прошлого — в частности, событиям XX—XXI веков [Бафоев, 2017]. Так, учёные считают, что в нормализации отношений между Сеулом и Токио непреодолимым препятствием являются «проблемы прошлого» [Эсаулова, 2014; Дьячков, 2019; Липатова, 2017]. Авторы считают, что 1) историческая память — это труднопреодолимая сила, оказывающая заметное влияние на формирование образа одной нации в глазах другой. Этот образ «при помощи политических технологий... представите-

лями интеллигенции и политической элиты общества транслируется из поколения в поколение и оказывает влияние на формирование двусторонних отношений» [Эсаулова, 2014, с. 230]; 2) Конфликты, основанные на сложностях общей истории, являются характерной чертой политической культуры Северо-Восточной Азии в целом. Они активно используются как инструмент внутренней и внешней политики. Эта особенность вкупе с иррациональной природой националистических чувств, а также несовершенством системы региональной безопасности делает вопросы прошлого реальной угрозой стабильности в настоящем [Дьячков, 2019, с. 72].

В отношениях с Россией со стороны Республики Корея до сих пор наблюдается исторически сложившаяся неприязнь. Например, в южнокорейских школьных учебниках по истории утверждается, что именно СССР (Россия) является одной из «виновниц» разделения Кореи [Кочжунъхаккё кукса, 2007, с. 123]. Также южнокорейская общественность приписывает России (СССР) ответственность за начало Корейской войны (1950—1953). В Музее корейских войн (Хангук чжончжень кинёмгван), расположенном в Сеуле, в зале о начале Корейской войны её «инициаторами» называются Ким Ирсен, Мао Цзэдун и И.В. Сталин. И всё это, так или иначе, связывается с современной Россией [Курбанов, 2018, с. 3].

Глубоко укоренённая в южнокорейском обществе историческая память серьёзнейшим образом влияет на принятие политических решений. Антисоветская пропаганда, проводившаяся на Юге полуострова с момента образования Республики Корея (1948), усугублённая Корейской войной, до сих пор имеет неизгладимый след. Можно согласиться с С.О. Курбановым, что одной из предпосылок в определении политики и принятии решений, несомненно, является историческая память, а точнее — её негативные моменты, связанные с созданием отрицательного, «угрожающего» имиджа какой-либо из держав региона [Курбанов, 2018, с. 6].

Роль России и Коминтерна в истории Движения за независимость Кореи

В становлении и развитии русско-корейских отношений важную роль играла иммиграция корейцев в Россию. История иммиграции корейцев на русский Дальний Восток, как и

история бегства и пребывания корейского короля Коджона в русской миссии в Сеуле, не имеет аналогов в мире. Ни в одной стране мира и ни с одним народом не поступали так толерантно, как русские, принимавшие и предоставлявшие корейцам наравне с коренным населением одинаковые права.

В дореволюционной России прилив корейской эмиграции в Россию отмечается после 1905 г. и, особенно, после 1910 г., несмотря на сложные отношения с Японией. После революции 1917 г. численность корейских иммигрантов в Приморье увеличилась с 61 694 человек в 1914 г. до 145 511 человек в 1926 г. [Сон, 2013, 178]. Как и в дореволюционное время, советские власти принимали корейских иммигрантов, несмотря на жёсткие требования японских властей выслать всех корейцев обратно в Корею.

Владивосток был одним из главных центров корейской политической эмиграции и оставался им до окончания первой мировой войны. Здесь издавались корейские газеты, создавались легальные и нелегальные общества, шла повседневная работа по активизации движения за независимость Кореи, осмысливался опыт предыдущих побед и поражений, намечались конкретные мероприятия [Петров, 2000].

Велика роль Коминтерна в истории движения за независимость Кореи. В РГАСПИ хранятся сотни документов, посвящённых борьбе корейцев с японским колониализмом. Более тысячи личных дел содержат информацию об известных лидерах не только коммунистов, но и представителей разных корейских партий. В 1920—1930-х гг. Москва оставалась руководящим центром корейских коммунистов. К сожалению, в зарубежной историографии, в том числе и южнокорейской сложно встретить адекватные оценки роли России в движении за независимость Кореи, зачастую авторы умалчивают и обходят стороной документальные факты. Главным освободителем корейского народа в Республике Корея считают США.

Памятники и музеи, установленные по инициативе Республики Корея

В 1948 г. в Корею во время церемонии, посвящённой десятой годовщине смерти Ан Чанхо, перед его портретом лидер националистов Ким Гу произнёс следующие слова: «Учитель, если освобождение нашей родины разделить на десять частей,

то семь из них были достигнуты кровью наших патриотов. Но, к сожалению, понимание факта, что оставшиеся три части были достигнуты не нашими силами, означает необходимость внести новый анализ нашего освобождения в энциклопедию, иначе оно обретёт странный смысл» [Хан, 2015, с. 310].

В чем смысл этой цитаты? Как отмечалось выше, период освобождения Кореи глубокой болью отражается в сердцах южнокорейских историков. Многие годы борьбы с японским колониализмом, активное участие корейских партизанских отрядов в Красной Армии в освобождении советского Дальнего Востока от японцев и иностранных интервентов оказались бессмысленными. Освобождение Корейского полуострова произошло без участия корейского народа.

Для того, чтобы восполнить эти три части, о которых высказался Ким Гу, в Республике Корея созданы государственные институты: Сеульское национальное кладбище (1955), Министерство по делам патриотов и ветеранов Республики Корея (1961), Национальное кладбище Тэджон (1979), Мемориал истории независимости (1987), Музей Временного правительства Республики Корея (2022). Министерство по делам патриотов и ветеранов Республики Корея и Мемориал истории независимости занимаются поисками потомков борцов за независимость по всему миру, в том числе и в России и странах СНГ, копируют в российских архивах документы и материалы о корейских патриотах и движении за независимость Кореи.

Деятельность этих организаций показательна и направлена на создание собственной модели исторической памяти. Свидетельством чему являются инициативы по установке памятников выдающимся борцам за независимость от японского колониализма на территории России и Республики Казахстан. С 1999 г. на территории России установлено 12 памятников и памятных знаков корейцам, чья деятельность в начале XX века была неразрывно связана с нашей страной.

15 августа 1999 г. во Владивостоке при содействии Института по делам зарубежных корейцев была установлена первая памятная стела в память о корейских поселениях в Приморье. На гранитной плите нанесены следующие слова: «На этом месте была Корейская слободка, колыбель священной борьбы корейцев за свою свободу и независимость. После узурпации Японией государственного суверенитета Кореи в 1910 г. корейские патриоты собрались сюда и поклялись бороться не на жизнь,

а на смерть за восстановление суверенитета Родины. Они учредили многие патриотические организации и создали в 1919 г. эмигрантское правительство (Корейская Национальная Ассамблея). В ознаменование 80-летия Первомартовской декларации независимости Кореи, воздавая дань высоким стремлениям наших предков, залечивая душевные раны российских и среднеазиатских корейцев, и как напоминание потомкам мы решили воздвигнуть этот мемориал» [Памятник в память...].

*Памятник первым корейским переселенцам. Владивосток. 1999.
Источник: фото автора*

18 октября 2001 г. во Владивостоке состоялось открытие памятника Ан Джунгину (1879—1910). В 2002 г. памятник был перенесён в Уссурийский культурный центр. Согласно результатам анализа интернет-сайтов и социальных сетей за последние 5 лет, проведённого Министерством по делам патриотов и ветеранов РК, Ан Джунгин, застреливший в китайском городе Харбине 26 октября 1909 года генерального резидента японской колониальной администрации в Корее Ито Хиробуми, является самым почитаемым из борцов за независимость Кореи от японского колониального ига [Ан Чжун Гын — самый почитаемый...].

*Памятник Ан Джунгыну. Уссурийск. 2001.
Источник: фото автора*

Памяти Ан Джунгына и его одиннадцати соратников по борьбе против колониального порабощения Кореи посвящён и монумент, установленный в октябре 2001 г. при участии Мемориала истории независимости Республики Кореи и Научно-культурного фонда Корё в селе Цуканово. На памятном камне в виде языка пламени высечен памятный текст на корейском и русском языках: «Клятвенное место. 7 февраля 1909 года в деревне Нижняя Янчихэ собрались: патриот Ан Чжун Гын и 11 его соратников... и поклялись отдать свою жизнь борьбе за независимость Кореи. Каждый, отрезав свой безымянный палец, написал кровью на государственном флаге: «Независимая Корея» и хором трижды все воскликнули: «Да здравствует независимая Корея!» [Клятвенное место...].

18 октября 2001 г. в Утесное (Уссурийск) установлен памятник Ли Сансолю (1870—1917) при содействии «Мемориала истории независимости Кореи» и администрации города Уссурийска. Лидер движения за независимость Кореи, патриот Ли Сансоль родился в 1870 г. в Корее, в городе Дин Чон (Чинчхон). Умер в 1917 г. в городе Никольское (Уссурийск). В июле 1907 г. он по секретному заданию короля Кореи Коджона поехал тайным эмиссаром вместе с соратниками Ли Джуном и Ли Виджоном на Гаагскую Международную конференцию о мире, где провозгласил декларацию о независимости Кореи. Затем, находясь в Приморье для продолжения борьбы за независимость Кореи, организовал организацию «Сонмёнхве» и «Квонопхве». Согласно его завещанию, после кремации пепел развеяли над рекой Суйфэньхэ (Раздольное) [Памятник патриоту Ли Санг Солу].

*Памятник Ли Сансолю. Уссурийск. 2001.
Источник: фото автора*

30 июля 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялась церемония торжественного открытия мемориальной доски первому постоянному чрезвычайному и полномочному посланнику Кореи в Российской Империи принцу Ли Бомджину (1852—1911) по адресу: ул. Пестеля, дом 5, на Северном кладбище был открыт мемориальный памятник [Ли Бомджин]. 26 января 1911 г. в знак протеста против превращения Кореи в японскую колонию совершил политическое убийство бывший корейский посланник в Петербурге Ли Бомджин, который после закрытия корейской миссии в Петербурге по повелению корейского императора Коджона оставался в России на положении политического эмигранта, чтобы продолжать просить помощи у России в деле сохранения суверенитета корейского государства. После аннексии Кореи, Ли Бомджин лишённый всяких возможностей выступить против этого насильственного акта Японии, мучительно приходил к сознанию, что единственным способом для него отомстить врагу за поруганную честь Кореи остаётся самоубийство, следуя старинной корейской традиции [Пак, 411—412].

В 2006 г. во Владивостоке установлен памятник советско-корейскому писателю и поэту Чо Мёнхи (1894—1938). Чо Мёнхи считается основателем жанра реалистической лирико-философской поэмы, за что его прозвали «Корейским Маяковским». Чо Мёнхи был борцом с японским милитаризмом на Корейском полуострове и под угрозой ареста в 1928 г. эмигрировал в СССР. В 1934 г. его приняли в Союз писателей СССР. Инициатором предложения был Александр Фадеев. 17 сентября 1937 г. был арестован органами НКВД по анонимному письму, где его обвиняли «в шпионаже и японофильских настроениях». 15 апреля 1938 г. был приговорён к расстрелу по обвинению в предательстве интересов советского народа и шпионаже в пользу Японии, 11 мая его расстреляли. Реабилитирован в 1956 г. за отсутствием состава преступления [Памятный знак...].

9 июня 2017 г. в пригороде г. Свободный Амурской области, посёлке Советском, состоялась церемония открытия памятника корейским партизанам. В 1921 г. в «Амурском инциденте» погибли сотни корейских партизан. Памятник установлен в посёлке, который прежде назывался Корейским [Погодаев, 2017].

23 сентября 2018 г. на территории корейского культурного центра в Уссурийске открыт памятник корейскому патриоту,

*Памятный знак корейскому писателю Чо Мёнхи. Владивосток. 2006.
Источник: фото автора*

герою антияпонского движения Хон Бомдо (1868—1943). После установления японского протектората в Корее Хон Бомдо возглавил движение сопротивления и бежал на Дальний Восток. Одним из первых в Корее организовал партизанский отряд и поднял свой народ против японских оккупантов. После Первомайского движения в 1919 г. Хон Бомдо присоединился к местным отрядам красных партизан и стал командиром корейского стрелкового батальона на советском Дальнем Востоке. В Приморье под руководством Сергея Лазо боролся за установление Советской власти. Один из ярких эпизодов его биографии — встреча с вождём мирового пролетариата Владимиром Лениным. От советского лидера он получил в награду именное оружие. В 1937 г. вместе с другими представителями корейского народа он был принудительно выслан с Дальнего Востока в Казахстан в г. Кызылорда.

27 августа 2018 года корейцы отмечали 150 лет со дня его рождения. Памятник Хон Бомдо был установлен по инициативе и на средства председателя национальной культурной автономии корейцев Приморского края [Памятник корейскому патриоту...].

*Памятник Хон Бомдо. Уссурийск. 2018.
Источник: фото автора*

4 апреля 2019 г. в Уссурийске состоялось открытие Дома-музея известного общественного и политического деятеля Петра Семеновича Цоя (Чхве Джэхёна) (1860—1920). 12 августа 2019 г. ему был открыт памятник в Уссурийске [Ким, 2019]. Пётр Семенович Цой (Чхве Джэхён) — выдающийся деятель антияпонского национально-освободительного движения. За вклад в социально-экономическое развитие русского Дальнего Востока Цой П.С. удостоен тремя серебряными медалями и «Высочайшей золотой медалью» Российской империи. Чхве Джэхён вошел в историю как герой антияпонского сопротивления и борьбы за независимость Кореи, и как народный лидер первых корейских переселенцев в России, много сделавший для закрепления и обустройства их на новой Родине в российском Приморье [Петров, 338, 341].

16 июня 2019 г. состоялось открытие памятника Рю Инсоку (Ыйаму) в г. Уссурийск, Приморский край. Рю Инсок (Ыйам) — выдающийся учёный-конфуцианец. Родился в городе Чхунчхон провинции Канвондо. Знаменитый борец за независимость Кореи, который с 1908 по 1914 годы самоотверженно руководил всей деятельностью Движения сопротивления

*Дом-музей Петра Семеновича Цюя (Чхве Чжэхён). Уссурийск. 2019.
Источник: фото автора*

*Памятник П.С. Цюю (Чхве Чжэхён). Уссурийск. 2019.
Источник: фото автора*

*Памятник Рю Инсоку (Ыйаму). Уссурийск. 2019.
Источник: фото автора*

против японской агрессии на территории современного Приморского края Российской Федерации, в качестве Главномандующего «Армии справедливости тринадцати провинций», «Ассоциации Манифеста», «Квонопхве» [Открытие памятника Ыйам Рю Инсоку].

9 сентября 2020 г. во Владивостоке в рамках празднования 30-летия установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией, по заказу генерального консульства Республики Корея во Владивостоке, при поддержке Культурного фонда провинции Кёнги и администрации приморской столицы установлен Памятник Ли Донхви (1873—1935) и борцам за независимость страны.

Ли Донхви (20 июня 1873 г., Хамгёндо, Корея — 31 января 1935 г., Владивосток, СССР) — корейский политик-социалист, первый премьер-министр Временного правительства Кореи. С начала своей политической карьеры был участником движения за независимость Кореи. В начале 1922 года встретался с Лениным в Москве, с 1923 года работал членом корейского, затем организационного бюро при Коминтерне. В 1935 году он умер во Владивостоке и был похоронен на ныне не со-

*Памятник Ли Донхви. Владивосток. 2020.
Источник: фото автора*

хранившемся кладбище «Первая речка». Ли Донхви — одна из немногих фигур современной истории, уважаемых как в Южной, так и в Северной Корее [Во Владивостоке установили памятник...].

4 июня 2021 г. по проекту Центра корееведения РГПУ имени Герцена при содействии южнокорейских деятелей культуры и бизнесменов на территории университета установлен памятник Ли Бомджину [В Петербурге установили памятник...].

Республика Казахстан

21 апреля 2019 г. в Нур-Султане прошла Церемония передачи праха Хван Ундена и Гё Бон-у (Ке Бону) (1880—1959) Республике Корея. Президент Республики Корея Мун Чжэ Ин с супругой приняли участие в церемонии передачи праха двух героев борцов за независимость Кореи Хван Ундена и Ге Бон-у. Легендарные герои Кореи жили и умерли в городе Кызылорда. Соглашение о репатриации их праха было достигнуто на уровне правительств Казахстана и Республики Корея в рамках мероприятий, приуроченных к 100-летию Первомартов-

ского движения и создания временного Правительства Кореи. Выступая на церемонии, Мун Чжэ Ин отметил, что перезахоронение праха Ге Бон-у и Хван Ундена — долг южнокорейского государства и большая честь для корейского народа [Церемония передачи праха...].

3 августа 2020 г. к 120-летию со дня рождения Ге Бон-у в г. Кызылорда был установлен памятник: «Ге Бон-у — герой Кореи, учёный и просветитель...» (далее — на плите на пирамиде из красного гранита — его краткая биография. Памятник был установлен на средства Правительства Республики Корея [Ким, б.д.].

15 августа 2021 г. останки национального героя Кореи Хон Бомдо увезли из Кызылорды на историческую родину в Республику Корея и захоронили на национальном кладбище Тэджон [Корейский генерал Казахстана...]. В ответ на благородный жест казахстанской стороны — передачу праха Хон Бомдо для перезахоронения — Южная Корея инициировала проект по возведению мемориального комплекса в Кызылорде. Также планируется установка мемориальных табличек на улице имени Хон Бомдо. Министерством патриотов и ветеранов Республики Корея на эти цели уже выделено порядка полумиллиона долларов США. Проект планируется завершить к концу 2022 г. [Хан, 2022].

11 августа 2022 г. в г. Уштобе у подножья горы Бастобе, торжественно открылся мемориальный комплекс, посвящённый памяти героев и борцов за независимость Кореи и парк дружбы между Казахстаном и Республикой Корея.

На горе Бастобе — в священном для местных жителей месте прошло открытие парка дружбы Казахстан—Корея. Для казахстанских корейцев гора Бастобе в Каратальском районе тоже особое место, сюда в 1937 году выселили их предков из Дальнего Востока. В память о тех событиях по инициативе Ассоциации корейцев Казахстана в 2012 году от всех депортированных этносов здесь был заложен Памятный камень благодарности казахскому народу. Корея поддержала этот проект, и по инициативе научно-исследовательского института «Тхониль Нанум», клиники Хён Дэ и Ассоциации корейцев Казахстана здесь будет воздвигнут парк дружбы Казахстан—Корея [Мемориал дружбы...].

Представленные примеры коммеморативной практики Республики Корея показывают прямую связь между исто-

рической памятью и современной культурной дипломатией в отношении России и Республики Казахстан. Посредством коммеморации прошлое вводится в культуру настоящего и протягивается символическая нить между двумя историческими периодами. Это сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески и технологически значимой информации, её актуализация путём увековечения определённых лиц и событий.

Заключение

Таким образом, опыт культурной дипломатии в коммеморативных практиках Республики Корея в России и Казахстане доказывает её эффективность в формировании коллективной памяти в пересмотре исторического прошлого. Специальные правительственные учреждения Кореи реализуют комплекс мероприятий по генерированию, поддержанию и корректировке исторической памяти в национально-государственных интересах. Укоренение в общественном сознании значимых событий прошлого в совокупности с публичными актами «вспоминания» способствует переосмыслению истории в современном общественно-политическом контексте.

Все перечисленные события широко освещались в СМИ Республики Корея, укрепляя, таким образом, национальную идентичность, в первую очередь, корейской молодёжи. Памятники и музеи, установленные на территории России и Казахстана, перезахоронение останков участников борьбы за независимость Кореи, в комплексе становятся свидетельствами того, что корейский народ мужественно сражался за свою независимость за границей.

Однако на этом фоне умалчивается поддержка Российской империи, СССР, в целом не признаётся историческая роль России в истории борьбы за независимость Кореи. Образ русскоязычных корейцев, сформированный ещё в начале 1990-х годов в южнокорейском обществе как несчастных, перенесших трагедию принудительного переселения с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан, остаётся прежним. История жизни и деятельности представленных личностей является неотъемлемой частью истории России (СССР) и истории Кореи, даже, несмотря на то что многие из них были коммунистами.

Библиография

Ан Чжун Гын — самый почитаемый борец за независимость Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54012 (дата обращения: 25.08.2022).

Бафоев Ф.М. Историческая память в мировой политике. Роль ООН и других международных организаций // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017, № 1-4.

В Петербурге установили памятник первому корейскому послу и члену императорской семьи Ли Бом Джину. URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/imperatorskoj-semi-li-bom-dzhinu/94465270/> (дата обращения: 20.08.2022).

Во Владивостоке установили памятник герою Кореи Ли Дон Хви и борцам за независимость страны. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2020/10/22/194020/> (дата обращения: 20.08.2022).

Дьячков И.В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72—87.

Ким Донно (сост.). Ильдже синминджи сигийый тхончхи чхедже хёнхсонъ [Формирование системы управления Кореей в колониальный период]. Сеул, 2006. 407 с.

Ильдже синминджибэва канъдждедонъвон [Японское колониальное правление и насильственная мобилизация]. Сеул, 2010. 297 с.

Ким Самун. Ильдже Чосоньль ольмана манъчхёссылъкка [Насколько же Япония навредила Корее?]. Сеул, 1998. 286 с.

Ким И. В Уссурийске открыли памятник герою борьбы за независимость Кореи Чхве Джэ Хёну. 04.04.2019. URL: <http://primorkkc.ru/vse-materialy/novosti/v-ussurijske-otkryli-pamjatnik-geroju> (дата обращения: 20.08.2022).

Ким К. б.д. Мемориал Ге Бон У и Хон Бом До отремонтируют. URL: <http://www.koreilbo.com/index.php/news-social-ru/675-memorial-ge-bon-u-i-khon-bom-do-otremontiruyut> (дата обращения: 20.08.2022).

Клятвенное место Корейского патриота Ан Чжун Гына и 11-ти его соратников URL: <https://kzref.org/t-g-razvitie-turizma-v-primorskom-krae-hrestomatiya-chaste-4-s.html?page=208> (дата обращения: 20.08.2022).

Корейский генерал Казахстана похоронен в Тэджоне. URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/493711-korejskij-general-iz-kazahstana-pokhoronen-v-tedzhone> (дата обращения: 20.08.2022).

Кочжунъхаккё кукса [Родная история для старшей средней школы]. Сеул, Изд-во Кёхакса, 2007. С. 123.

Курбанов С.О. Политика отказа от конфронтации как путь создания прочной системы безопасности в Северо-Восточной Азии

(В контексте вопроса исторической памяти в Республике Корея и КНДР) // IV Форум «Диалог Россия—Республика Корея»: Российско-корейское практическое сотрудничество ради мира и процветания. Секция «Безопасность и система мира в Северо-Восточной Азии». 21-23 июня 2018 г. Москва. URL: <https://drrk.ru/wp-content/uploads/2018/07/kurbanov.pdf> (дата обращения: 25.09.2022)

Ли Бомджин. URL: <https://ethnospb.ru/p5/t30/1366/index.htm> (дата обращения: 23.10.2022)

Ли Гибэк. История Кореи: новая трактовка / Ли Ги Бэк; Пер. с кор. под ред. С.О. Курбанова. М.: Первое марта, 2000, 463 с.

Липатова И.А. Создание исторических мемориалов, посвящённых войне в Корее 1950—1953 гг., и их влияние на историческую память Южной Кореи / Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей. В 2 т. Т. 1 / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2017. — 424 с.

Мемориал Дружбы от общественности Южной Кореи появился в области Жетису. URL: <https://www.tinfo.kz/news/obshchestvo/memorial-druzhby-ot-obshchestvennosti-yuzhnoj-korei-poyavilsya-v-oblasti-zhetisu.html> (дата обращения: 25.09.2022).

Открытие памятника Ыйам Рю Инсока. URL: <http://primorkkc.ru/fotoalbomy?action=rsrtme&catid=7&offset=12> (дата обращения: 11.01.2023).

Пак Б.Д. Россия и Корея. М., Институт востоковедения РАН, 2004, 520 с.

Памятник Ан Чжун Гыну (Уссурийск). URL: <https://2gis.ru/ussuriysk/gallery/geo/70030076143278314/photoId/11681211578368086> (дата обращения: 25.08.2022).

Памятник патриоту Ли Санг Солу. URL: <https://2gis.ru/ussuriysk/geo/11681907318194204> (дата обращения: 20.08.2022).

Памятник в память о корейских поселениях в Приморье. URL: <https://2gis.ru/vladivostok/geo/3519132993585322> (дата обращения: 25.08.2022).

Памятный знак корейскому писателю Чо Мён Хи. URL: <https://2gis.ru/vladivostok/geo/3519132993585316> (дата обращения: 20.08.2022).

Памятник корейскому патриоту открыли в Уссурийске. URL: <http://ussur.net/news/64897/> (дата обращения: 20.08.2022).

Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897—1917 гг. Владивосток: ДВО РАН, 2001. — 400 с.

Петров А.И. Первомартовское движение корейского народа за независимость // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 29—39.

Погодаев О. Корейцы открыли в пригороде Свободного памятник событиям, о которых не рассказывают учебники истории. 13.06.2017. URL: <https://www.gzt-sv.ru/news/67745-korejcy-otkryli-prigorode-svobodnogo-pamyatnik> (дата обращения: 20.08.2022).

Сон Ж.Г. Российские корейцы: вселилие власти и бесправие этнической общности. 1920—1930. М., 2013. С. 178.

Хан А. Мемориальный комплекс имени Хон Бом До построят в этом году. URL: <https://koreans.kz/news/memorialnyu-kompleks-imeni-hon-bom-do-postroyat-v-etom-godu.html?lang=ru> (дата обращения: 20.08.2022).

Хан Сиджун. Объединение сил движения за независимость и движения за обретение независимости государства / История движения за независимость Кореи [Пер. с кор.] Сеул, 2015. С. 254—314.

Церемония передачи праха Хван Ундена и Ге Бон-у. URL: <https://koreans.kz/news/ceremoniya-peredachi-praha-hvan-un-dena-i-ge-bon-u.html> (дата обращения: 20.08.2022).

Эсаулова Д.Е. Историческая память как фактор развития международных отношений (на примере двусторонних отношений Японии и Республики Корея) // Вестник НГУЭУ. 2014, № 4. С. 226—232.

References

An Chunkün — samyi pochitayemyi borets za nezavisimost' Korei [An Chunkün is the most revered fighter for the independence of Korea] URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54012 (accessed: 25 August 2022) (In Russ.)

Ваfoев F.M. (2017). Istoricheskaya pamyat' v mirovoi politike. Rol' OON i drugikh mezhdunarodnykh organizatsii [Historical memory in world politics. Role of the UN and others international organizations]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, 1-4 (In Russ.).

D'yachkov I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema «zhenshchin dlya utsheniya» v sovremennykh yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 72—87. (In Russ.).

Esaulova D.Ye. (2014). Istoricheskaya pamyat' kak faktor razvitiya mezhdunarodnykh otnosheniy (na primere dvustoronnykh otnosheniy Yaponii i Respubliki Koreya) [Memory politics as a factor in the development of international relations (on the example of bilateral relations between Japan and the Republic of Korea)]. *Vestnik NGUEU*, 4, pp. 226—232 (In Russ.).

Han A. Memorial'nyy kompleks imeni Khon Bom Do postroyat v etom godu [Hong Beom Do Memorial Complex to be built this year]. URL: <https://koreans.kz/news/memorialnyy-kompleks-imeni-hon-bom-do-postroyat-v-etom-godu.html?lang=ru> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.).

Han Sijun (2015). Ob"yedineniye sil dvizheniya za nezavisimost' i dvizheniya za obreteniye nezavisimosti gosudarstva (Istoriya dvizheniya za nezavisimost' Korei) [The unification of the forces of the independence movement and the movement for the independence of the state] [Transl. from Korean in Russ.]. Seoul, pp. 254—314.

Kim I. (04.04.2019). V Ussuriyske otkryli pamyatnik geroyu bor'by za nezavisimost' Korei Chkhve Dzhe Khonu [In Ussuriysk, a monument to the hero of the struggle for the independence of Korea, Choi Jae Hyun, was unveiled]. URL: <http://primorkkc.ru/vse-materialy/novosti/v-ussurijske-otkryli-pamyatnik-geroju> (accessed: 25 September 2022) (In Russ.).

Kim K. (n.d.) Memorial Ge Bon U i Khon Bom Do otremoniruyut [Kye Bong Woo And Hong Beom Do Memorial To Be Renovated]. URL: <http://www.koreilbo.com/index.php/news-social-ru/675-memorial-ge-bon-u-i-khon-bom-do-otremontiruyut> (accessed: 20 September 2022) (In Russ.).

Kim Samoon, (1998). Ilje Ceosung-ul eolmana mangchesseul-kka? [How much did Japan hurt Korea?]. Seoul, 286.

Klyatvennoye mesto Koreyskogo patriota An Chzhun Gyna i 11-ti yego soratnikov [Oath site of Korean patriot Ahn Jung-geun and 11 of his associates] URL: <https://kzref.org/t-g-razvitie-turizma-v-primorskombkrae-hrestomatiya-chaste-4-s.html?page=208> (accessed: 25 September 2022) (In Russ.).

Koreyskii general Kazakhstana pokhoronen v Tedzhone [The Korean general of Kazakhstan is buried in Taejon] URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/493711-korejskij-general-iz-kazakhstana-pokhoronen-v-tedzhone> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.).

Kurbanov S.O. (2018). Politika otkaza ot konfrontatsii kak put' sozdaniya prochnoy sistemy bezopasnosti v Severo-Vostochnoy Azii (V kontekste voprosa istoricheskoy pamyati v Respublike Koreya i KNDR). (*IV Forum "Dialog Rossiya-Respublika Koreya": Rossiysko-koreyskoye prakticheskoye sotrudnichestvo radi mira i protsvetaniya. Sektsiya "Bezopasnost' i sistema mira v Severo-Vostochnoy Azii". 21—23 iyunya 2018 g.*) [Non-confrontation policy as a way to create a strong security system in Northeast Asia (In the context of the issue of historical memory in the Republic of Korea and the DPRK) Moscow] URL: <https://drk.ru/wp-content/uploads/2018/07/kurbanov.pdf> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.).

Li Bõm Chin. URL: <https://ethnospb.ru/p5/t30/1366/index.htm> (accessed: 25 September 2022) (In Russ.)

Li, Ki Bek. (2000). *Istoriya Korei: novaya traktovka* [The history of Korea: a new interpretation] (Li Ki Bek; Per. s kor. pod red. S.O. Kurbanova). M.: Pervoye marta, 463.

Lipatova I.A. (2017). *Sozdanie istoricheskikh memorialov, posvyashchennykh voine v Koreye 1950—1953 gg., i ikh vliyaniye na istoricheskuyu pamyat' Yuzhnoi Korei* [Creation of historical memorials dedicated to the war in Korea 1950—1953 and their impact on the collective memory of South Korea]. *Paradigmy universitetskoy istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova)*: sbornik statey. V 2 t. T. 1 / redkol.: O.N. Shirokov, T.N. Ivanova, N.N., Ageyeva, M.N. Krasnova. Cheboksary: OOO "Izdatel'skiy dom "Sreda", 424. (In Russ.)

Memorial Druzhby ot obshchestvennosti Yuzhnoi Korei poyavilsya v oblasti Zhetisu [Friendship Memorial from the public of South Korea appeared in the Zhetisu region]. <https://www.tinfo.kz/news/obshchestvo/memorial-druzhby-ot-obshchestvennosti-yuzhnoj-korei-poyavilsya-v-oblasti-zhetisu.html> (accessed: 25 September 2022) (In Russ.)

Otkrytie pamyatnika Ūiam Ryu Insõka [Unveiling of the monument to Uyam Ryu Inseok]. URL: <http://primorkkc.ru/fotoalbomy?action=rtme&catid=7&offset=12> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.)

Pak B.D. *Russia and Korea*. M., Institute of Oriental Studies RAS, 2004, 520 p.

Pamyatnik An Chun Kõnu (Ussuriysk) [Monument to An Jung Gyn (Ussuriysk)] URL: <https://2gis.ru/ussuriysk/gallery/geo/70030076143278314/photoId/11681211578368086> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.)

Pamyatnik koreyskomu patriotu otkryli v Ussuriyske [Monument to the Korean patriot opened in Ussuriysk]. URL: <http://ussur.net/news/64897/> (accessed: 12 September 2022)

Pamyatnik patriotu Li Sang Sõlu [Monument to patriot Lee Sang Sol]. URL: <https://2gis.ru/ussuriysk/geo/11681907318194204> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.)

Pamyatnik v pamyat' o koreyskikh poseleniyakh v Primor'ye [Monument in memory of Korean settlements in Primorye]. URL: <https://2gis.ru/vladivostok/geo/3519132993585322> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.)

Pamyatnyi znak koreyskomu pisatelyu Cho Myõn Khi [Memorial sign to Korean writer Cho Myung Hee]. URL: <https://2gis.ru/vladivostok/geo/3519132993585316> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.)

Petrov A.I. *Korean Diaspora in Russia. 1897-1917 Vladivostok*: FEB RAN, 2001. — 400 p. (In Russ.)

Petrov A.I. (2000). Pervomartovskoye dvizheniye koreyskogo naroda za nezavisimost' [March 1st Movement of the Korean People for Independence]. *Rossiya i Aziatsko-Tikhookeanskiy region*, 1, 29–39. (In Russ.)

Pogodayev O. (13.06.2017). Koreytsy otkryli v prigorode Svobodnogo pamyatnik sobytiyam, o kotorykh ne rasskazyvayut uchebniki istorii [In the suburbs of Svobodny, Koreans opened a monument to events that history books do not tell about] URL: <https://www.gzt-sv.ru/news/67745-korejcy-otkryli-prigorode-svobodnogo-pamyatnik> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.)

Son Zh.G. (2013). Rossiyskiye koreytsy: vsesiliye vlasti i bespravnye etnicheskoy obshchnosti. 1920—1930 gg. M., 563. (In Russ.)

Tseremoniya peredachi prakha Khvan Undena i Ke Bon-u [Ashes transfer ceremony for Hwang Un-den and Gyo Bong-woo]. URL: <https://koreans.kz/news/ceremoniya-peredachi-praha-hvan-un-dena-i-ge-bon-u.html> (accessed: 12 September 2022) (In Russ.)

V Peterburge ustanovili pamyatnik pervomu koreyskomu poslu i chлену imperatorskoy sem'i Li Böm Chin [A monument to the first Korean ambassador and member of the imperial family, Li Böm Chin, was erected in St. Petersburg] URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/imperatorskoy-semi-li-bom-dzhinu/94465270/> (accessed: 25 September 2022) (In Russ.).

Vo Vladivostoke ustanovili pamyatnik geroyu Korei Li Don Khvi i bortsam za nezavisimost' strany [A monument to the hero of Korea Lee Dong-hwi and the fighters for the country's independence was erected in Vladivostok]. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2020/10/22/194020/> (accessed: 25 September 2022) (In Russ.).

Ilche sinminchibaewa kangchetongwon (Japanese colonial rule and forced mobilization), 2010. Seoul, 297.

Kim Donno, (2006). Ilche sinminji sigi-eui tonchi cheje hyongsong (The Formation of the Korean Government in the Colonial Period), 2006. Seoul, 407.

Kochunhakkyo kuksa [Native history for senior high school], 2007. Seoul, Kyohaksa Publishing, 123.

Commemorative Practices of the Republic of Korea as a Tool for Preserving the Memory of the Fight for Korean Independence in Russia and Kazakhstan

Son Zh.G.

Zhanna Gr. Son, Associate Professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (jannason@mail.ru). ORCID ID: 0000-0003-0665-1624

Abstract. *This report analyzes the notion of commemoration as a tangible component and an important tool that affects the process of formation of historical memory. The author points at the main factors constituting collective national historical memory, in particular the erection of monuments dedicated to heroes and fighters for Korea's independence on the territory of the Russian Federation. At the same time, the role of special governmental institutions of the Republic of Korea is emphasized. Such governmental bodies as the Ministry of Patriots and Veterans and the Memorial of Korea's Independence History perform the function of the so-called "memory institutes". The activity of these organizations is focused on the search for the participants of the liberation movement in Russia's archives, the copying of the historical documents from the 1920s—1930s period, and the erection of memorials and memory signs dedicated to the liberation movement for Korea's independence.*

Starting from 2001, the memorials dedicated to the heroes of Korea's liberation movement, such as Lee Sang-seol, Ahn Jung-geun, Lee Dong-hwi, Cho Myung Hee were erected on the territory of the Russian Far East. In Kazakhstan, memorials dedicated to the Heroes of Korea and the victims of deportations were erected. Also, the remains of Hong Beom-do and Gye Bon-woo were relocated to Korea.

In this article, the author analyzes the role and value of the commemorative practice not only from the cultural-ethical, but also political-functional meaning. The main task of the current historical revisionism is to shape a collective memory, proving that it was the people of Korea who liberated the Korean peninsula from the Japanese colonialism. In this respect, the Republic of Korea is implementing a series of events aimed at generating, supporting, and correcting the historical memory in accordance with state-national interests.

Keywords: *Russia, Republic of Korea, historical memory, memorials, heroes of Korea*

Два государства, две нации: формирование двух национальных идентичностей на Корейском полуострове

Ланьков А.Н.

Ланьков Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, профессор Университета Кукмин, Сеул, Республика Корея (andreilankov@gmail.com).

***Аннотация.** Складывание современной корейской нации началось в конце XIX века и продолжалось весь колониальный период. Основу этого процесса составили примордиалистские нарративы «крови и почвы». Однако после разделения страны в 1945 году и практическим прекращением контактов Севера и Юга после 1953 г., нациестроительство в двух частях Кореи пошло разными путями.*

В результате в настоящее время в Северной и Южной Корее начались процессы, которые можно интерпретировать как постепенное формирование двух корейских наций. Формирование двух корейских наций является своеобразным историческим экспериментом, изучение которого может внести вклад в давно идущий спор между сторонниками конструктивистской и примордиалистской теорий национальной идентичности.

Процесс формирования двух корейских наций находится пока на начальном этапе, и при определённом повороте истории он может быть легко обращён вспять. Однако в долгосрочной перспективе представляется, что этот процесс может оказать большое и даже определяющее влияние на судьбы Корейского полуострова.

Ключевые слова: Северная Корея, Южная Корея, национальная идентичность, теории нации, объединение Кореи

Как известно, в современной исторической социологии существует две соперничающие школы, объясняющие механизмы формирования и наций: конструктивистская и примордиалистская.

Конструктивистская школа представлена работами таких специалистов как Эрнест Геллнер, Бенедикт Андерсон, Эрик Хобсбаум. Сторонники этой школы считают, что нация является конструктом, который сформировался уже в новое время, в условиях индустриального общества. Эта точка зрения в целом является преобладающей в современной науке.

С другой стороны, существует так называемая примордиалистская концепция нации, в соответствии с которой нация является историческим феноменом, корни которого уходят в глубокое прошлое. По мнению этой школы, в основе нации лежит совокупность языка, территории, антропологических и культурных особенностей, которые сохраняются на протяжении столетий.

Интерпретация корейских моделей нациестроительства

Опыт Кореи интересен тем, что даёт возможность провести своего рода исторический эксперимент и ответить на вопрос о том, какая из двух соперничающих концепций лучше описывает то, что происходит сейчас на Корейском полуострове.

Забегая вперёд, можно сказать, что опыт Кореи после 1945 г. в целом может быть истолкован как подтверждение конструктивистской модели. Впрочем, при этом необходимо проявлять осторожность: хотя конструктивистская концепция нации существенно лучше объясняет эмпирические факты, связанные с историей Кореи в последнее столетие, это не означает, что конструктивистская концепция применима ко всем иным регионам и периодам.

Нельзя не отметить и того, что история традиционной Кореи во многом может использоваться и в качестве подтверждения примордиалистской концепции нации. Особенности Кореи являлись определённая географическая изоляция, наличие географически явно выраженных «естественных» границ, почти полная моноэтничность (по крайней мере, с X—XI веков) и чёткое различие между корейским языком (со всеми его диалектами) и языками соседей, которые принадлежат даже не к другим языковым группам, а к другим языковым семьям. В этих условиях нет ничего удивительного, что Корея с довольно давнего времени обладала определёнными формами национального самосознания.

Тем не менее, трудно спорить с тем, что формирование современной нации в Корее начинается лишь на рубеже XIX—XX веков, когда в стране возникает современная интеллигенция, формируется современная (то есть западная по происхождению) система образования, и происходит быстрый отход от традиционной диглоссии, в которой роль языка высокой культуры и государственной администрации играл древнеки-

тайский, к широкому и, впоследствии, универсальному использованию корейского языка.

Несмотря на ассимиляционное давление со стороны колониального режима, к 1945 году формирование современной нации на территории Корейского полуострова в общем завершилось или было близко к завершению. Однако последующие события привели к тому, что единое «воображаемое сообщество» корейской нации по внешним обстоятельствам оказалось расколото на два сообщества, взаимодействие между которыми оказалось сведено к минимуму.

Однако 1945 год стал годом раздела Кореи. Решение о разделе было принято представителями США и СССР, которые при этом не принимали во внимание ни культурные, ни географические особенности Корейского полуострова. Страну разделили на две части в буквальном смысле слова по линии. Однако раздел быстро привёл к тому, что взаимодействие между двумя частями страны прекратилось. В отличие от, скажем, Германии, которая тоже была разделена при похожих обстоятельствах, между Северной и Южной Кореей отсутствует почтовое сообщение и телефонная связь. Доступ к северокорейским СМИ в Южной Корее ограничен, а доступ к южнокорейским СМИ в Северной Корее прямо запрещён.

Поколенческая эволюция в Республике Корея

Как и предсказывает конструктивистская теория нации, в этих условиях в последние десятилетия наблюдаются признаки начавшегося формирования двух отдельных корейских наций.

По понятным причинам наблюдать за этим процессом существенно легче в южной части Корейского полуострова. Существующий там политический режим позволяет свободное проведение опросов общественного мнения, и в целом обеспечивает достаточно высокий уровень академических свобод. Впрочем, и в Южной Корее изучение проблем, связанных с национальным самосознанием, является политически чувствительным вопросом, в котором существует ряд гласных и негласных ограничений.

После 1945 года необходимость объединения страны стала важнейшим политическим лозунгом, который был включён в состав почти всех идеологических пакетов, которые существо-

вали в обоих корейских государствах. Хотя лозунг этот трактуется несколько по-разному, в Южной Корее свою верность ему подчёркивают как левые, так и правые силы. Обвинение в недостаточно активной поддержке объединения является стандартным обвинением, которое часто звучит в ходе политической борьбы.

Однако отношение к объединению в Южной Корее во многом определяется тем, к какому поколению принадлежит тот или иной кореец. При этом поколенческая эволюция взглядов на проблему объединения подтверждает, что в южнокорейском обществе постепенно возникает собственная национальная идентичность, отличная от северокорейской.

Для старшего поколения жителей Юга (к этому поколению можно отнести людей, родившихся до 1955—1960 годов) характерна однозначная поддержка объединения, которая в то же самое время тесно сливается с идеями официального антикоммунизма. Несколько упрощая картину, можно сказать, что для старшего поколения характерно представление о Севере как о части корейской нации, которая оказалась под управлением «антинациональной» и «антидемократической» коммунистической диктатуры. С их точки зрения задачей является освобождение жителей Севера из-под власти этой диктатуры и включение их в состав корейской нации, которая понимается как расширенный вариант нации южнокорейской.

Для корейцев среднего возраста (родившиеся между 1960 и 1985 годами) характерно совсем иное отношение к Северу, но и они в своём большинстве не испытывают серьёзных сомнений в необходимости и благотворности объединения. Однако это поколение, наиболее активные представители которого в молодости принимали участие в радикальном студенческом лево-националистическом движении, воспринимает северокорейский режим скорее не как врага, от гнёта которого нужно освободить северокорейских сестёр и братьев, а как партнёра, с которым следует сотрудничать.

Однако наибольший интерес представляют воззрения молодых корейцев, то есть тех, кто родился после 1985 года. И опросы, и наблюдения однозначно показывают: это поколение мало интересуется Севером, а значительная его часть не считает объединение ни необходимым, ни даже желательным. При этом характерно: чем моложе житель Юга, тем с меньшим энтузиазмом он относится к объединению. Одновременно с

этим наблюдается стабильное снижение поддержки постулата о необходимости и желательности объединения страны.

Данные опросов, с 2007 г. регулярно проводимых Сеульским Государственным Университетом, хорошо показывают эти тенденции. В 2007 г. 63,8% опрошенных считали объединение необходимым, и только 15,1% заявляли, что необходимости в объединении нет. В 2021 г. количество тех, кто считал объединение необходимым, сократилось до 44,6% (менее половины), а количество тех, кто не считает необходимым объединяться с Севером, выросло до 26,0% (остальные не имеют мнения на этот счёт) [Тхонъиль ыйсик часа, с. 13].

Показательным является и распределение ответов по возрастам — в качестве примера взят опрос 2021 года.

Возраст	Объединение крайне необходимо	Объединение скорее необходимо	Нет мнения	Объединение скорее нежелательно	Объединение крайне нежелательно
19—29	5,0%	22,8%	29,2%	36,1%	6,8%
30—39	9,6%	31,3%	24,5%	28,8%	5,8%
40—49	16,5%	30,0%	29,6%	20,2%	3,7%
50—59	15,1%	31,8%	26,4%	22,5%	4,3%
60—	20,6%	36,4%	21,0%	18,0%	4,0%

Источник: [Тхонъиль ыйсик часа, с. 14]

Подобная позиция, безусловно, соответствует предсказаниям конструктивистской теории формирования нации. Конструктивисты подчёркивают, что одной из основ формирования нации как «воображаемого сообщества», является наличие совместного социального опыта. В условиях, когда на протяжении семи десятилетий взаимодействие между Севером и Югом практически отсутствует, о таком совместном опыте речь идти не может.

Две нации?

Показательно, что в последнее время в Корее стали раздаваться голоса некоторых представителей академической и политической элиты, которые считают необходимым признание того факта что в Корее существует не одна нация и два государства, а две различные нации. Более того, в последнее время стали

раздаваться голоса о том, что необходимо наконец признать факт существования на Корейском полуострове двух государств.

В частности, осенью 2020 года в корейской печати появились колонка, написанная известным публичным интеллектуалом Пак Мённимом (умеренный консерватор, то есть правый) [Пак, 2020]. Одновременно вышла и книга Ким Санджуна (прогрессист, то есть левый) [Ким, 2019]. Главное содержание обоих текстов сводится к тому, что пришло время признать: Северная и Южная Кореи не являются двумя частями разделённой нации, и, тем более, двумя частями одного и того же государства. И Пак Мённим и Ким Санджун говорят, что пора сказать правду: на Корейском полуострове сформировалось два полноценных суверенных государства, которые должны строить между собой отношения именно так, как, собственно говоря, и полагается строить отношения современным суверенным государствам.

В качестве иллюстрации этих тенденций можно также упомянуть популярную книгу Лим Мёнмука — известного молодого корейского социолога и публициста. Он обращает внимание на тот феномен, который часто трактуется как ослабление национализма в Южной Корее. Лим Мёнмук приходит к выводу о том, что при более тщательном рассмотрении этого феномена становится ясно, что речь идёт не столько об ослаблении национализма, сколько о его переосмыслении. Лим Мёнмук справедливо замечает, что молодые корейцы, которые скептически относятся к эксцессам (часто — действительно комическим) корейского этнического национализма, на практике во многом являются сторонниками гражданского южнокорейского национализма. Для этого национализма «своими» являются, например, многие мигранты, живущие в Корее, но вот жители Северной Кореи под понятие «своих» более не попадают, они оказываются исключены из того «воображаемого сообщества», которое теперь формируется в Южной Корее [Лим, 2021, с. 178—180]. К похожим выводам также приходит Эмма Кэмпбелл в своей малоизвестной и методически спорной, но интересной монографии на эту тему [Campbell, 2016].

Поскольку, как выразился классик, «грядущие годы таятся во мгле», прогнозы — дело неблагодарное. Не исключено, что, скажем, революционные события в Северной Корее (сценарий маловероятный, но возможный) приведут к падению режима и объединению страны по германскому образцу. Такой поворот

событий приведёт к тому, что ростки двух корейских национализмов будут уничтожены. Тем не менее, можно сказать, что в настоящее время на территории Корейского полуострова происходит формирование двух национальных идентичностей — в полном соответствии с конструктивистской теорией нации.

Библиография

Ким Санджун. Кхория янъгук чхедже [(Политическая) система двух Корейских государств]. Акханет. 2019. (На кор.)

Лим Мёнмук. К-рыль сэньгакхада: кусимнендэсэнъын тэханмингугыльоттокхе парапоньнга [Мыслить как поколение «К»: как рождённые в 90-х относятся к Республике Корея?]. Сеул, 2021. (На кор.)

Пак Мённим. Хангук чонджэнь чхильсимнён-ый чольдэ чонхва чольсиль [Спустя 70 лет после Корейской войны необходима полная трансформация] // Чунан ильбо, 21.10.2020.

Тхонъиль ыйсик часа [(Результаты) Опроса об отношении к объединению (Кореи)]. 2021. Соуль тэаккё тхонъиль пхёнъхва ёнгувон. Сеул. (На кор.)

Anderson, Benedict R. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso. 1991.

Campbell, Emma. South Korea's New Nationalism: The End of "One Korea"? Boulder: First Forum Press. 2016.

Gellner, Ernest. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press. 1983.

References

Anderson, Benedict R. (1991). Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso.

Campbell, Emma (2016). South Korea's New Nationalism: The End of "One Korea"? Boulder: First Forum Press. 2016.

Gellner, Ernest (1983). Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press.

Kim Sangjun (2019). Koria yanggukcheje [Korea's two-state system]. Akanet. (In Kor.)

Lim Myeonmuk (2021). K-reul saenggakanda: 90nyeondaesaengeun daehanmingugeul eotteoke baraboneunga [Thinking K-style: How those born in the '90s view South Korea]. Seoul: Sideway.

Park Myongrim (2020). Hangug jeonjaeng 70nyeон-ui jeoldae jeonhwan jeolsil [70 years after the Korean War, an absolute transformation needed]. *Jungang ilbo*, 21.10.

Tongil uisig josa [Attitude to the (Korean) Unification survey] (2021). Seoul daehaggyo tongilpyeonghwayeonguwon. Seoul (In Kor.)

Two Koreas, two nationalisms

Andrei N. Lankov*

Andrei N. Lankov, PhD in History, professor of Kookmin University, Seoul, Korea (andreilankov@gmail.com).

***Abstract.** The formation of the modern Korean nation began in the late nineteenth century and continued throughout the colonial period. Primordialist narratives of “blood and soil” formed the basis of this process. However, after the division of the country in 1945 and the virtual cessation of contacts between the North and South after 1953, nation-building in the two parts of Korea took different paths.*

Nowadays in North and South Korea one can see the gradual emergence of two different Korean identities, essentially, the gradual emergence of two different nations. The formation of two Korean nations is a rare and useful historical experiment, whose study will contribute to the ongoing dispute between constructivist and primordialist theories of national identity.

The emergence of two distinct Korean identities is still at an early stage, and it can be easily reversed. However, in the long term, it seems that this process can have a great or even decisive influence on the future of the Korean Peninsula.

***Keywords:** North Korea, South Korea, national identity, national building theories, Korean unification*

Раздел III

ПОЗНАТЬ СЕБЯ В ДРУГОМ

Овчинникова Л. В.

Японская историография колониального управления в Корее
(конец XIX—XX в.)

Ким Хэран.

Историко-педагогическое значение российских учебников
корейского языка, изданных до 1990-х гг.

Никитин Д. С., Маньшина А.

Начало Корейской войны: позиция Республики Индия

Жебин А.З.

Нейтральная Корея — мысли о неммыслимом

Японская историография колониального управления в Корее (конец XIX—XX в.).

Овчинникова Л.В.

Овчинникова Любовь Всеволодовна, к.и.н., доцент, ИСАА МГУ им. Ломоносова (lovchin@yandex.ru).

***Аннотация.** Тема японского колониального управления в Корее актуальна по сей день; история колониальной Кореи является объектом исследований отечественных и зарубежных востоковедов. В данной статье автор касается японской историографии конца XIX и XX веков. Господствующие тенденции в ней сложились как некий сплав западной историографии, представленной немецким историком Л. Риссом в 1887 г., и китайской ученой традиции ко:сё:гаку. Японская историография Восточной Азии следовала негативному отображению Китая и Кореи. Важной её концепцией была идея общей родословной у корейцев и японцев. Видение истории Кореи, где речь идёт о её подчинении Японии, стало широко применяться в научных кругах. Ещё одним тезисом японской колониальной историографии была отсталость Кореи. В начале XX в. Япония стала продвигать идею «общей и неразрывной маньчжурско-корейской истории»; при этом говорилось о «несамостоятельности» Кореи в области политики и экономики, посему последняя была лишена «независимости и самобытности». В послевоенный период монографии по колониальной истории начали издаваться в Японии в основном с 60-х и 70-х гг. С этого времени в Японии в год выходит огромное количество книг и статей по истории; колониальная проблематика занимала в них важное место. Некоторые исследования отличала более критическая оценка деятельности японской администрации. Большую роль в этом сыграло «Японского общества изучения истории Кореи». Отметим серьёзные монографии 60-х гг. «Краткая история японской аннексии Кореи» Ямабэ Кэнтаро; и труды Хадата Такэси. Серия изданий «История Японии» (60-е гг.) и 8-томный труд 80-х гг. «Современная Япония и её колонии» сыграли ключевую роль в происходящих с начала 80-х гг. дебатах относительно роли Японии в Азии, её ответственности перед азиатскими народами. С конца 80-х гг. большую роль стало играть «Японское общества изучения колониальной истории».*

Ключевые слова: колониальная Корея, колониальное управление, японское генерал-губернаторство, историография

Тема японского колониального управления в Корее актуальна по сей день; история колониальной Кореи является объектом исследований отечественных и зарубежных востоковедов. В данной статье автор касается японской историографии конца XIX и XX веков.

Господствующие тенденции японской историографии сложились как некий сплав западной историографии, представленной немецким историком Людвигом Риссом (Ludwig Riess) в 1887 г., и китайской учёной традиции доказательного исследования *kaozheng* 考證 (яп.: *ко:сё:гаку* 考證學), которая установилось ещё с эпохи Мэйдзи. Японская историография Восточной Азии (*то:ё:си*) была сферой исследования, возглавляемой Сиратори Куракити 白鳥庫吉 (1865—1942), которая в целом следовала негативному отображению Китая и Кореи представителями западных стран, при этом не относя Японию ни к Востоку, ни к Западу, в то же время считая её равной Западу.

Важная концепция японской «колониальной историографии», как её называют корейские историки, была сформулирована в 1890 г. в историческом издании Токийского императорского университета Кокусиган 國史眼 («История Японии»), которое выдвинуло теорию общей родословной у корейцев и японцев (*ниссэн до:сорон* 日鮮同祖). Эта теория, основываясь на хрониках Кодзики и Нихонсёки, утверждала, что легендарный Сусано:, брат богов Аматаэрасу и Цукиёми, вторгся на территорию государства Силла и управлял им. Такой взгляд на историю Кореи, где речь идёт о подчинении Японии, стал широко применяться в научных кругах, став неотъемлемой частью исторической концепции. Последняя отразилась и в других книгах, изданных в эпохи Мэйдзи и Тайсё. Так, историки Оотори Кэйсукэ в «Чо:сэн кибун» 朝鮮紀聞 («Хроника корейской истории») 1885 г. и Хаяси Тайсукэ 林泰輔 в «Чо:сэнси» 朝鮮史 («История Кореи») 1892 г. выдвигали те же идеи. Ещё одной темой японской колониальной историографии была отсталость Кореи, которую впервые высказал в 1902 г. экономист Фукуда Токудзо, утверждавший, что Корея того периода была на том же уровне развития, что Япония в период Хэйан (VIII—XII века).

Со времени заключения Японо-корейского договора 1876 г. японская империя всё больше вовлекалась в дела Кореи. После того, как Русско-японская война 1905 г. открыла для Японии возможность колонизации Маньчжурии, Япония стала про-

двигать идею «общей и неразрывной маньчжурской истории» (*мансэнси* 滿鮮史). В этой теории маньчжурско-корейской истории, которая была сформулирована Ивакити Инаба в 20—30-е гг., Корея была подвержена гетерономии (несамостоятельности) в области политики и экономики, и посему она была лишена «независимости и самобытности». С 1915 г. японское правительство через корейское генерал-губернаторство было причастно к формулированию концепций историографии Кореи. Так генерал-губернатор Сайто Макото выступил с критикой националистически настроенных историков корейского происхождения Син Чхэхо, Чхве Намсона и Ли Гвансу, что было частью общей политики «сдерживания культурного развития» после демонстраций во время Первомартовского движения за независимость 1919 г. Отдел образования генерал-губернаторства выпустил 35-томное издание «Чо:сэндзин» 朝鮮人, где подчеркивалась необходимость ассимиляции корейцев с японцами; с этой целью японские интеллектуалы уже в это время предлагали переделать корейские фамилии на японский манер. В 1922 г. генерал-губернаторство назначило комиссию, целью работы которой была подготовка 35-томного издания «Истории Кореи» «Чо:сэнси» 朝鮮史. Это издание главным образом состояло из выдержек из китайских, японских и корейских исторических источников и использовалось как первоисточник для исторических трудов по Корее периода японского господства. Японская администрация также производила осмотр и оценку артефактов исторического значения на корейском полуострове (*косэки те:са дзигё*: 古蹟調査事業) и пыталась опровергнуть распространённое представление о важности фигуры Тангуна в культуре Кореи. Распространено было и изображение корейцев как нации, отличающейся низкопоклонничеством в отношении других стран, в частности, Китая.

Отдельные работы японских политиков и экономистов о методах японского колониального управления в Корее появились уже в 20—30-е гг. XX в. Но монографии на общие темы колониальной истории начали издаваться в Японии, в основном, начиная с 60-х и 70-х гг. XX века. Огромное количество работ по отдельным аспектам истории Кореи издаются до сих пор. Представить их все в одной статье невозможно, достаточно сказать, что объём японских исследований по корейской истории самый значительный в мире за пределами Южной Кореи, наряду с монографиями и исследованиями, написан-

ными на эту тему в Соединённых Штатах. В Японии в год выходит около ста книг (по всем периодам истории Кореи) и 1000 академических статей; в них колониальная история всегда занимала одно из важнейших мест со времени образования и начала деятельности в 1959 г. «Японского общества изучения истории Кореи» (Тёсэнсикэнкю:кай 朝鮮史研究会).

В этих трудах продолжились начатое ранее ещё в колониальный период исследование японской колониальной политики, но отличалось оно более критической её оценкой. Следует отметить, что среди работ, посвящённых японской колониальной политики в Азии, больше всего внимания уделяется именно Корее, а также Маньчжурии и Тайваню. Первая серьёзная монография «Краткая история японской аннексии Кореи» была написана в Японии в 60-е гг. Ямабэ Кэнтаро [Ямабэ, 1965]. Упомянем и деятельность Хадата Такэси (旗田巍), который в последующем внёс свой критический вклад в научные исследования колониального управления Кореи. Нужно также отдать должное японским историкам и экономистам 60-х гг., которые считали, что рассматривать экономическое развитие Японии в первой половине XX в. невозможно без систематического и полного исследования тесных связей метрополии с её колониями.

В 70-е гг. было собрано немало документов и архивных материалов, которыми могли воспользоваться японские учёные; объём исследований на эту тему особенно возрос к 90-м гг. XX века. Вопросы колониальной истории нашли отражение в изданиях «История Японии», первое из которых вышло 1962 г. [История..., 1962 г.]; издавались они и в последующие годы. Эти издания и 8-томный труд «Киндай Нихон то сёкуминти» (近代日本と植民地 «Современная Япония и её колонии») сыграли ключевую роль в происходящих с начала 80-е гг. и в последующем дебатах относительно роли Японии в Азии, её ответственности перед азиатскими народами, когда встал вопрос о важности популяризации исторических знаний через систему образования. В результате появились труды по историографии, которые рассматривали конкретные аспекты колониальной истории, например связи между различными территориями империи, проблемы колониального общества (например, сосуществование колонизатора и колонизируемого), индустриальное развитие в различных районах Кореи и другие. Примерно в это время (1988 г.) начало свою деятельность

«Японское общества изучения колониальной истории» («Нихон сёкуминти кэнкю:кай» 日本植民地研究会).

Автор не ставит своей задачей подробно рассмотреть в данной статье современные трактовки японской историографии колониального периода, равно как и американской, южнокорейской, а также российской историографии. На наш взгляд это должно стать объектом отдельного большого исследования. Однако хотелось бы в общих чертах охарактеризовать основные тенденции историографии японского колониального управления. Думается, в исследованиях колониальной истории Кореи, которые ведутся отечественными и зарубежными историками в настоящее время, прослеживается две основные тенденции. Для научных изысканий одной группы учёных в большей степени характерен обвинительный уклон в оценке японского управления в Корее. Эти исследователи на первый план выдвигают эксплуатацию корейцев, высвечивают потери и жертвы, которые понёс этот народ в колониальную эпоху, уделяя особое внимание всем формам антияпонского сопротивления. Они указывают на политику геноцида, проявляющуюся в введении системы военной и трудовой мобилизации молодых корейцев, узаконенной проституции и т.д. Некоторые исследователи, следующие этой тенденции, предлагают следующую периодизацию японского колониального управления. Первый период военного управления (*будан сэйдзи* 武断政治) — период с 1910 г., когда метрополия претендовала на корейскую территорию; второй период культурного управления (*бунка сэйдзи* 文化政治) — период с 1920-х до начала 1930-х гг., во время которого Япония ослабила свой «жесткий кулак», вывозила рис и другое продовольствие; и третий период — с середины 1930-х до 1945 гг., когда Япония начала милитаризацию Кореи по мере вовлечения в войну сначала с Китаем, а потом с США, когда она уже посягала на корейскую рабочую силу и на жизнь самих корейцев.

Исследователи другой группы считают, что, когда история Кореи рассматривается в более широком контексте, японские колониальные практики проявляются в более мягком свете. Эти учёные, по их словам, никоим образом не подвергают сомнению страдания корейского народа; они лишь стараются расширить область своего научного исследования с тем, чтобы включить туда разнообразные сферы общественной жизни и показать, как это общество изменилось, где были достигнуты

положительные изменения. Действительно, не стоит забывать, что генерал-губернаторство вкладывало деньги в образование, здравоохранение, индустриализацию Кореи. Исследования, основанные на таком подходе, рассматривают соответственно социальные, экономические и технологические инновации, пусть и навязанные и проводимые японской администрацией, нежели чем жертвы и страдания, понесённые корейцами.

Думается, надо стараться рассматривать японское колониальное управление во всем комплексе его проявления и развития. Нельзя ни абсолютизировать, ни преуменьшать эксплуатацию колонии, также как и факты её модернизации. Такой подход представляется наиболее взвешенным. Не подлежит сомнению тот факт, что колониальный режим рассматривал Корею в качестве плацдарма для экспансии в Восточной Азии, использовал её как колониальный рынок. В то же время не следует забывать, что именно в период японского управления в Корею началось строительство современной инфраструктуры, были созданы предпосылки для развития государственности, здравоохранения, образования. Тогда же появились железные и шоссейные дороги, начали выходить первые газеты, были изданы древние литературные памятники. Несомненно, что главной и преобладающей частью японской колониальной политики Японии была колонизаторская, эксплуатационная составляющая, но с ней соседствовали элементы модернизации экономической и общественной жизни.

Библиография

История Кореи, т. 2, Москва: Наука, 1974. 480 с.

История Кореи (Новое прочтение). Москва: РОССПЭН, 2003. 429 с.

Хан Ёнбу. История Кореи — новый взгляд. Москва: изд-во «Восточная литература РАН, 2010 г., 758 с.

Шабшина Ф. И. В колониальной Кореи (1940—1945). Записки и размышления очевидца. Москва: Наука, 1982. 287 с.

Шабшина Ф.И. Южная Корея 1945—46. Записки очевидца. Москва, Наука, 1974 г. 271 с.

Нихон рэкиси [История Японии]. 日本歴史. Токио: издательство Иванами, 1962 г. (на япон.)

Ямабэ Кэнтаро. Никкан хэйго: сё:си [Краткая история японской аннексии Кореи] 山辺健太郎.日韓併合小史, Токио: издательство Иванами, 1965 г. (на япон.)

Akita George, Palmer Brandon. The Japanese colonial Legacy in Korea. 1910—1945 //A new Perspective. USA: MerwinAsia, University of Hawaii Press, 2115, 218 p.

Shin G-W, M. Robinson. *Colonial Modernity in Korea.* Cambridge (MA), Harvard University Press, 1999.

References

Akita George, Palmer Brandon. The Japanese colonial Legacy in Korea. 1910—1945 //A new Perspective. USA: MerwinAsia, University of Hawaii Press, 2115, 218 p.

Istoriia Korei. [History of Korea], Vol. 2, (1974), Moscow, Nauka Publ., 480 p. (in Russ.)

Istoriia Korei. Novoe prochtenie. [History of Korea. A New Perspective], Moscow: Rosspen Publ., 2003, 429 p. (in Russian)

Han Yeongu. Istoriia Korei — novyi vzgliad [History of Korea — a New Perspective], Moscow, “Vostochnaya literature” RAN Publ., 2010, 758 p. (in Russ.)

Nihon rekishi [Japanese history]. 日本歴史. Tokyo: Iwanami, 1962. (in Jap.)

Shabshina F. I. Yuzhnaya Koreya 1945—1946. Zapiski ochevidtsa. [South Korea 1945-1946. Memoirs of an Eyewitness]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 271 p. (in Russ.)

Shabshina F. I. V kolonial’noi Koree (1940—1945). Zapiski i razmyshleniya ochevidtsa. [Living in Colonial Korea. Memoirs and Reflections of an Eyewitness]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 287 p. (in Russ.)

Shin G-W, M. Robinson. *Colonial Modernity in Korea.* Cambridge (MA), Harvard University Press, 1999.

Yamabe Kentarō. Nikkan heigō shōshi. [A Short History of Japanese Annexation of Korea]. 山辺健太郎. 日韓併合小史. Tokyo: Iwanami, 1965. (in Jap.)

Japanese Historiography on Colonial Governance in Korea (end of the XIX&XX centuries)

Liubov V. Ovchinnikova

Ovchinnikova Liubov V., Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (lovchin@yandex.ru).

***Abstract.** Japanese colonial governance in Korea has been a topic for scientific research for Russian and foreign orientalists. The author presents an overview of Japanese historiography on colonial governance in Korea. Mainstream Japanese historiography arose out of a fusion of Western historiography, introduced by L. Riess in 1887, and*

the Chinese scholarly tradition kōshōgaku. Japanese historiography on East Asia generally followed the negative portrayals of China and Korea. Tokyo Imperial University's 1890 history of Japan, the Kokushigan, argued for a common ancestry to Koreans and Japanese. Views of Korea's historical subjugation to Japan became widely accepted in Japanese scholarship. Another topic was Korea's backwardness. From the beginning of the XX century Japan promoted the idea of a joint and inseparable "Manchurian-Korean history", where Korea was subjected to heteronomy in politics and economics, lacking "independence and originality". After WWII general studies on colonization were published in the 60-s and 70-s. Over a hundred books and one thousand academic articles on history are published annually in Japan. The subject of colonization has been always featured prominently in such publications, ever since the founding of the Japanese Society for the Study of Korean History in 1959. The first historical scholarship on Japanese colonization appearing in the 1960-s included Yamabe Kentarou's "Short History of the Annexation of Korea by Japan" and Hatada Takashi's research. Such publications featuring colonial history as "Japanese history" (1962) and an eight-volume series entitled "Contemporary Japan and its Colonies" played a crucial role in the Kindai Nihon to shokuminchi debates on Japan's responsibility towards Asia in the early 80-s. About this time the Japanese Society for Colonial Studies was founded.

Keywords: colonial Korea, General-governor office, colonial governance, historiography).

Историко-педагогическое значение русских учебников корейского языка, изданных до 1990-х гг.

Ким Хэ Ран

Ким Хэ Ран, кандидат филологических наук, доцент, НИУ Высшая школа Экономики, Москва (krkim@hse.ru).

***Аннотация.** В этой статье мы представили панораму учебных пособий по корейскому языку, изданных в России за более чем вековую историю преподавания корейского языка. Эволюция этих пособий позволяет как проследить преемственность российской школы лингвистического корееведения, так и выделить особенности, характерные для каждого из периодов разработки учебных пособий.*

Мы показали, что многие приёмы, которые легли в основу этих пособий, остаются академически и методологически актуальными до сих пор, несмотря на влияние социально-исторического контекста, в котором они создавались. Кроме того, мы определили перспективы использования этих пособий для разработки новых учебников корейского языка.

***Ключевые слова:** русскоязычные учебники корейского языка, периодизация, эволюция, методология, перспективы.*

Любой учебник иностранного языка может служить и лингвистическим, и педагогическим, и историческим источником, поскольку учебники отражают социально-исторический и языковой контекст своего времени. Это уже более полувека назад отмечал Луис Дж. Келли [1969], обращая особое внимание на господствующую в тот или иной период парадигму мышления. Он утверждал, что со сменой научного и мировоззренческого восприятия эпохи меняется и восприятие самого изучения языка; идеологическая парадигма диктует изменения в методиках преподавания иностранных языков и компоновке учебных материалов.

Изучая эволюцию учебников корейского языка, изданных в Республике Корея, корейские исследователи выделяли различные этапы их эволюции, опираясь на разные представления о специфике исторического развития корейского общества. Так, Пэк Понджа разделил историю преподавания корейского языка как иностранного на периоды: период с 1959 года, когда

был открыт Институт корейского языка Университета Ёнсе, по 1975 год он назвал «периодом [закладки] основания (바탕기)»; период с 1976 года до Олимпийских игр 1988 г. — «эмбриональным периодом (태동기)»; а период с 1989 по 2000 г. был разделён на два: «третий» (до 2001 г.), а затем «четвёртый» [2001]. Очевидно, выделяя первый период, он руководствовался соображениями институционализации преподавания языка, а обозначая границы второго периода — социально-культурным символизмом: Олимпийские игры 1988 г. знаменовали новый этап открытия Кореи миру, новый способ международной коммуникации.

Чо Ханнок [2002] предложил иную периодизацию учебников корейского языка, отталкиваясь от развития образования в Корее: «учебники периода просвещения (개화기의 교재)» / «учебники эмбрионального периода корейского образования (태동기의 교재)»: 1897 — конец 1970-х; «учебники периода рывка корейского образования» (도약기의 교재): 1980-е — середина 1990-х; «современные учебники (최근의 교재)».

Свою версию периодизации издания современных учебников предложил и Ли Чжиён [2003, 2004]. Он поместил издание учебников в социально-исторический контекст развития корейского образования и разделил его на три этапа: современное просвещение (현대계몽기) — 1950-е; 1960-е; 1990-е — настоящее время. Схожий подход предлагает и Ко Гёнмин [2014], подчёркивая, что обучение корейскому языку осуществлялось в разном историческом, политическом и экономическом контексте, который оказывал влияние и на издание учебников.

Наше исследование посвящено изучению учебников корейского языка, изданных в России, поэтому мы посчитали уместным привязать свою периодизацию к этапам развития дипломатических отношений между Россией и Кореей. Подробно структура и анализ этой периодизации представлены в: [Ким, 2022; Ким Хэ Ран, 2022]. В настоящей статье мы будем опираться на эту периодизацию.

Особенности отношений России и Кореи на разных этапах взаимодействия этих стран (а также положение самих корейцев в России и позже — в СССР) заметно отражались на структуре, лингвистическом наполнении и методологии этих учебников. При этом резкие политические изменения, сопровождавшие

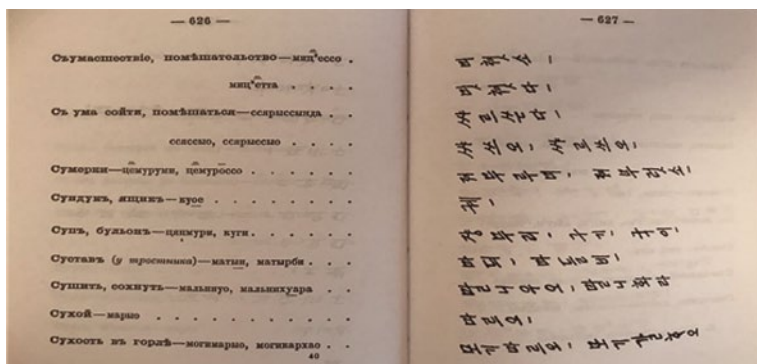
¹ Вероятно, термин заимствован у Пэк Понджа.

драматические повороты в этих отношениях не лучшим образом сказывались на сохранности учебников предыдущих периодов.

Так, в СССР для преподавания корейского языка как иностранного в ВУЗах, использовался разработанный и широко распространённый в КНДР в 1960—1990-х гг. учебник корейского языка, но после установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея северокорейские учебники вытеснили южнокорейские разработки, и сегодня сделанные на основе северокорейских изданий учебные пособия в России найти не так просто, хотя те содержат ценнейших лингвистический материал. Автор полагает, что разработка новых учебников по корейскому языкознанию и преподаванию корейского языка путём сотрудничества северокорейских и южнокорейских лингвистов и педагогов на основе предыдущих учебников будет способствовать росту статуса корейского языка в России не меньше, чем «Корейская волна».

Учебники, изданные до Корейско-русского договора о дружбе и торговле (1860—1884 гг.)

Учебники, изданные до заключения договора о дружбе и торговле в 1884 году между Россией и государством Чосон, трудно назвать специализированными учебниками для систематического языкового обучения. Их характерной чертой была опора на подстрочный (параллельный) перевод — слово к слову или предложение к предложению, который оставался едва ли не единственным методологическим приёмом обучения, заменяя все остальные.

Организация словарных статей в «Опыте русско-корейского словаря», М.П. Пуцилло (1874). Источник: фото автора

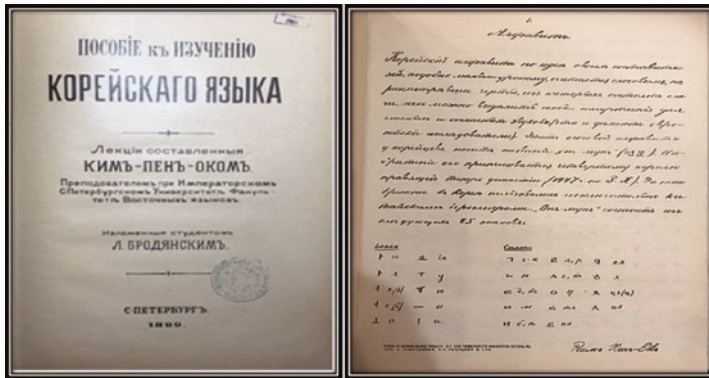
*«Опыт русско-корейского словаря», М.П. Пуцилло (1874);
«Корейская азбука», В.Г. Пьянков (1874). Источник: фото автора*

В тот период основными учебниками корейского были «Опыт русско-корейского словаря» М.П. Пуцилло (1874) и учебник для детей «Корейская азбука», составленный православным священником В.Г. Пьянковым в том же году. «Словарь» Пуцилло содержит более 3000 словарных единиц, в том числе из северных диалектов, что представляет собой материал высокой историко-лингвистической ценности.

Учебники периода расцвета отношений после заключения Корейско-российского договора о защите и торговле (1885—1900 гг.)

Изучение Кореи в России после заключения Договора о дружбе и торговле в 1884 г. некоторое время велось как бы в отрыве от Кореи, несмотря на то что в тот период двусторонние отношения были на пике. Впервые были изданы книги «Корейские тексты» и «Пособие к изучению корейского языка» Ким Бёнока (Ким Пён-Ок), и «Элементарное пособие к изучению корейского языка» Н.Д. Кузьмина. Благодаря усилиям делегации Мин Ёнхвана, участвовавшей в церемонии коронации императора Николая II, на факультете востоковедения СПбГУ впервые в Европе были открыты курсы корейского языка.

Ким Бёнок, который был переводчиком делегации Мин Ёнхвана, преподавал корейский язык в университете и составил два издания: «Корейские тексты» и «Пособие к изучению корейского языка». «Пособие к изучению корейского языка» — это методическое пособие по обучению грамматике с переводом, где

«Пособие к изучению корейского языка», Ким Бёнок (Ким Пён-Ок) (1899). Источник: фото автора

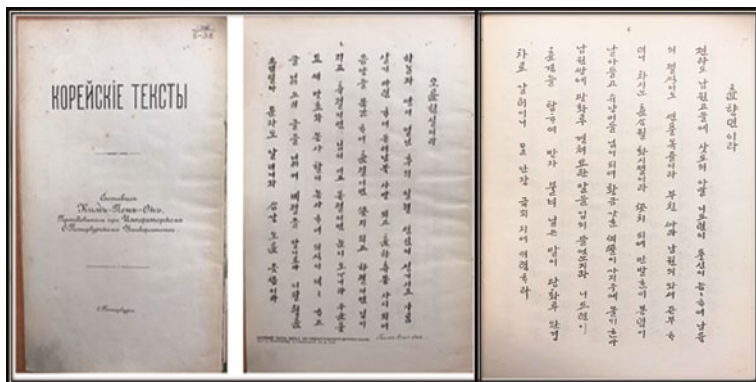
грамматические конструкции объясняются на русском языке и сопровождаются примерами на корейском. Это первый учебник, знакомящий Россию с Кореей, и для точной передачи корейского произношения в русском языке в нём даётся сравнительная таблица корейских и русских звуков. Кроме того, в нём сопоставлены грамматические конструкции корейского и русского языков и представлены около 10 падежей, причастия глаголов, формы прошедшего, настоящего и будущего времени глаголов.

«Корейские тексты» — учебник, написанный на корейском языке с использованием традиционной дальневосточной системы организации текста (сверху вниз и справа налево). Это единственный учебник, в котором особое внимание уделяется обучению чтению через метод прямого обучения. В рамках этого же метода используются выдержки из корейских классических произведений («Самган орюн — три устоя и пять постоянств (三綱五倫)»² и «Сказание о Чхунхян (春香傳)»³) для ознакомления учащихся с корейской культурой и обычаями. Эта особенность также уникальна для «Корейских текстов».

Такой метод вполне подходит для преподавания корейского языка и сегодня. В рамках развития методологии преподава-

² Корейская версия этих конфуцианских добродетелей несколько отличалась от канонической китайской *саньган учан* (三綱五常).

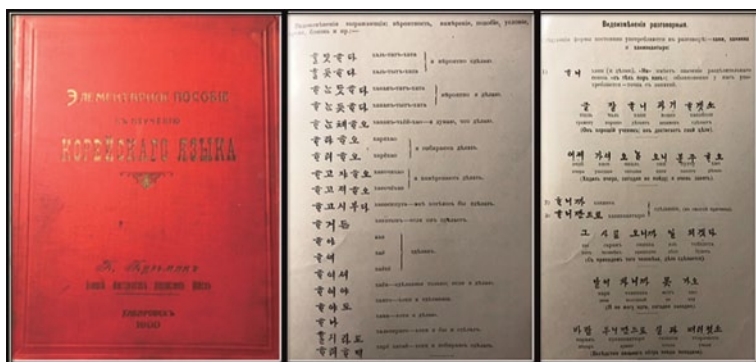
³ Анонимное «Сказание о Чхунхян» — одна из любимейших «народных повестей» корейцев, рассказывающая о любви девушки из «подлого сословия» и сына уездного правителя.

«Корейские тексты», Ким Бёнок (Ким Пён-Ок), (1898).
 Источник: фото автора

ния корейского языка как иностранного необходимо разработать такие материалы для чтения, которые объединили бы обучение чтению и обучение грамматике по образцу «Корейских текстов». А включение в материалы учебника текстов XIX в., подобных «Сказанию о Чхунхян», стало бы хорошей моделью для разработки материалов для чтения, погружающих учащихся в корейскую традиционную культуру.

«Элементарное пособие к изучению корейского языка», составленное русским офицером Н.Д. Кузьминым, важно прежде всего как первый учебник корейского языка, составленный в Хабаровске, на Дальнем Востоке. Этот учебник положил начало изучению корейского языка в регионах, что способствовало развитию корееведения и расширению его географии — от

«Элементарное пособие к изучению корейского языка»,
 Н.Д. Кузьмин (1900). Источник: фото автора

Санкт-Петербурга до Дальнего Востока, что в дальнейшем привело к основанию в 1899 г. во Владивостоке Восточного института. В дальнейшем он служил в этом институте, готовя специалистов-практиков для работы на Дальнем Востоке России.

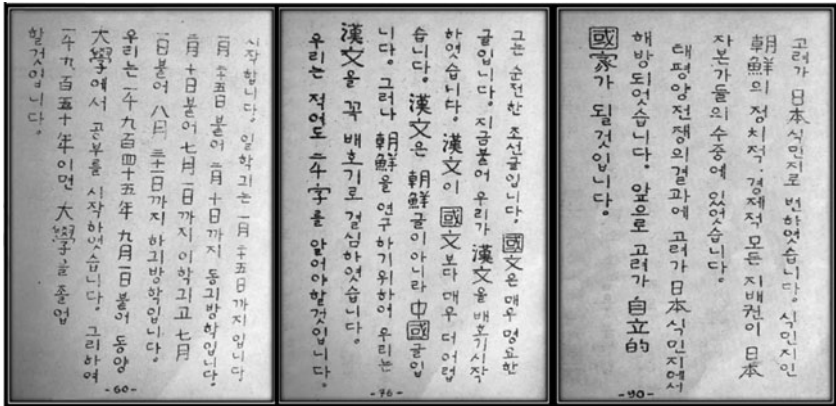
Учебники, изданные в период японской оккупации и после освобождения (1910—1950)

На Дальнем Востоке корейские иммигранты создавали деревни и жили вместе, открывали семинарии или учебные заведения, обучая своих детей корейскому языку. В 1930-е годы в Синханчхоне, под Владивостоком, действовал театр «Чосон», а в Хабаровске издавались журнал на корейском языке «Родина (고향)» и газета «Сонбон (선봉)». Слободка Синханчхон (신한촌), образовавшаяся в окрестностях Владивостока на границе между Россией и соседним Чосоном после японской аннексии Кореи стала центром борьбы корейских патриотов за независимость, и там выходили газеты «Чосон ильбо» и «Хэджо (해조)» на корейском языке.

Учебники корейского языка, выходившие в этот период, опираются на методы аудиалингвистики и перевода грамматики. Здесь нужно отметить «Учебные материалы по Корейскому языку 1» (1946 г.) и «Учебные материалы по Корейскому языку 2» (1947 г.) Хван Донмина; «Родная речь 조선어 독본» Ким Бёнха (Ким Пён-ха), Хан Дыкпона и Хан Сунчхон (учебники для 2-го, 3-го, и 4-го классов в трёх томах) (1949 и 1952 г.).

Профессор Хван Донмин (Иннокентий Иванович) родился в первом поколении корейских иммигрантов на Дальнем Востоке (в с. Пуциловка) и стал первым историком, получившим докторскую степень в советское время за диссертацию по Ли Сунсуну. После освобождения от Японии в 1945 году профессор Хван Донмин открыл корейскую кафедру в московском Институте востоковедения и написал учебники корейского языка⁴. Основное текстовое содержание этих учебников направлено на понимание общей географии, культуры и языка Кореи, начиная с основ корейского алфавита и основных грамматических моделей.

⁴ Среди многочисленных учеников Хван Донмина были такие выдающиеся российские корееведы-лингвисты, как Лев Рафаилович Концевич и Юрий Николаевич Мазур, который впоследствии сам выпустил учебник: Учебник корейского языка для 1-го года обучения. МГУ, 1959. 269 с.; 2-е изд., стереотип. 1966. 269 с.; 3-е изд., стереотип., 1968. 269 с.; Ч. 2. 1959. 219 с.

«Учебные материалы по Корейскому языку I», Хван Донмин (1946 г.)
 Источник: фото автора

«Учебные материалы по Корейскому языку I» — первый изданный в Москве учебник корейского языка, посвящённый освобождению и перспективам независимой Кореи. Это учебник, в котором сочетаются хангыль и иероглифика, а текст структурирован традиционно, по столбцам, как и в учебнике Ким Бёнока, что делает его прежде всего учебником для обучения чтению.

Учебники «Родная речь 조선어 독본» Ким Бёнха, Хан Дыкпона и Хан Сунчхон предназначены для начального школьного образования детей из КНДР в Советском Союзе. В целях развития образовательных отношений между Россией и Северной Кореей на корейский язык переводились выдержки из русской литературы, технические и естественнонаучные тексты. Лексика воспроизводит характерную для того периода

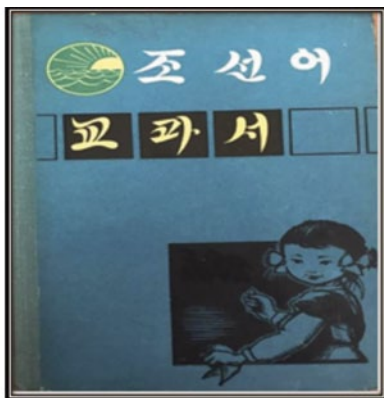
«Родная речь 조선어 독본» Ким Бёнха (Ким Пён-ха), Хан Дыкпон и Хан Сунчхон (1949, 1952). Источник: фото автора

идеологическую символику: много внимания уделяется революционной истории и праздникам, связанным с идеологией (в частности, Первوماю). Как и учебник Хван Донмина, это прежде всего учебник, призванный развивать навыки чтения.

Учебники периода современного рывка вперед (1953—1990 — с конца Корейской войны до установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией)

Учебники корейского языка, отражающие период разделения между Северной и Южной Кореей в 1953—1989 годах и разрыв дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией, включают «Очерк грамматики корейского языка», составленный А.А. Холодовичем в 1954 году, и «Учебник корейского языка для 3—4 классов», подготовленный Ким Намсеком (Ким Нам Сек) и М.А. Хогаем (Хогай) в 1965 году. Эти учебники уже соответствуют современному формату учебного пособия.

Учебник для ВУЗов А.А. Холодовича, составленный в 1954 г., стал первым базовым курсом корейской грамматики, изданным на русском языке. Он до сих пор обладает высокой академической ценностью, а методология, использованная при его разработке, отвечает самым актуальным научным стандартам языкознания. Российские корееведы и сегодня активно пользуются разработками А.А. Холодовича.

«Очерк грамматики корейского языка», А.А. Холодович (1954), «Учебник корейского языка для 3—4 классов», Ким Намсек (Ким Нам Сек) и М.А. Хогай (1965). Источник: фото автора

Разумеется, тематика и содержание примеров, которые иллюстрируют грамматические конструкции, отражают реалии того времени: они серьёзно «нагружены» идеологически и доктринально. Однако представляется, что это учебное пособие вполне можно адаптировать к современным реалиям, актуализировав устаревшие примеры, представленные в оригинальном содержании, и приведя объяснения грамматики к современным стандартам.

«Учебник корейского языка для 3—4 классов» Ким Намсека (Ким Нам Сек) и М.А Хогая создан в контексте возрождения этнического языкового образования корейцев, перемещённых с Дальнего Востока в Среднюю Азию, где все учебные курсы велись на русском языке. Так что после смерти Сталина преподавание корейского языка как родного хотя и возобновилось, но для представителей молодого поколения советских корейцев он уже был почти иностранным.

Двуязычный школьный учебник Ким Намсека и М.А Хогая, разработанный в Ташкенте, оставался самым тиражным учебником новейшего времени. Он был составлен из расчёта на двухгодичный учебный план. Учебный материал дан в соответствии с классом обучаемого, разложен по учебным темам, имеет оценочные тесты с использованием слуховых и визуальных материалов, пятибалльную оценку обучения и прочие оценочные стандарты на основе представленных в книге учебных материалов.

До распада Советского Союза первым и единственным методическим пособием для преподавания корейского языка как родного в школе был «Сборник методических материалов по корейскому языку» тех же авторов. Они представили методические рекомендации по преподаванию корейскому языку по системе десятилетнего советского школьного образования. Это пособие является важным документом. «Сборник» представляет цели обучения и стандарты оценивания для каждого уровня обучения корейскому языку в советский период.

Его лексика сегодня, конечно, устарела. Однако его можно использовать в качестве типового руководства по методике преподавания корейского языка в начальной, средней и старшей школе стандарта с 5-балльной системой оценивания.

Корейский язык официально был принят Министерством образования России в качестве иностранного языка для преподавания в российских школах в России в 2021 году, до этого корейский язык преподавался только в этнических корейских школах. Однако рост популярности корейского языка по все-

му миру может сделать это пособие методологически актуальным и в современном образовании.

Основные итоги и значение исследования

В этой статье мы представили панораму учебных пособий по корейскому языку, изданных в России за более чем вековую историю преподавания корейского языка. Эволюция этих пособий позволяет как проследить преемственность российской школы лингвистического корееведения, так и выделить особенности, характерные для каждого из периодов разработки учебных пособий.

Мы показали, что многие разработки, которые легли в основу этих пособий, остаются академически и методологически актуальными до сих пор, несмотря на влияние социально-исторического контекста, в котором они создавались.

Представляется перспективной адаптация этих учебных пособий к современным реалиям с сохранением исторической и лингвистической уникальности; их дополнение и использование для обучения в России в будущем. За этим исследованием должно последовать изучение типов корейских учебников на фоне особенностей нашего времени (после установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией).

Мы надеемся, что коллеги-корееведы также проявят интерес к поиску ещё неизвестных российских материалов для корееведения и корейского образования.

В свете повышения статуса корейского языка в мире, захваченном «Корейской волной», мы тем более не должны забывать научные достижения российских корееведов, заложивших основы корееведения в России. Мы надеемся, что корееведы и преподаватели корейского языка в Южной и Северной Корее смогут работать вместе с учёными-русистами для разработки общего метода обучения корейскому языку в России — ведь именно там впервые в Европе началось систематическое обучение корейскому языку.

Библиография

Го Кён-Мин, Хангуго гёджэы юхёнпёл бунрюэ дэхан гочхал: тхонг хап гёджэы мёнг чинг гоа ымирыл чжун-син-ы-ро [Исследование классификации учебников корейского языка по типу: основное внимание на названиях и значениях интегрированных

- учебников] // Ури-маль хёнчанг йон гу [Полевое исследование обучения корейскому языку, 8(2), 2014, 275—298. (на кор.)
- Ким Нам Сек, Хо Гай*, Учебник Корейского языка, Ташкент: Издательство Учитель, 1966.
- Ким Пён Ок*, Пособие к изучению корейского языка, СПб., 1899, 52 с.
- Ким Пён Ок*, Корейские тексты, СПб., 1898, 62 с.
- Ким Пён-ха, Хан Дык-пон, Хан Сун-чхон*, Родная речь для 2 класса, М., 1949, 200 с.
- Ким Пён-ха, Хан Дык-пон, Хан Сун-чхон*, Родная речь для 3 класса, М., 1949, 200 с.
- Ким Пён ха, Хан Дык-пон, Хан Сун чхон*, Родная речь для 4 класса, М., 1949, 200 с.
- Ким Х.* Диахроническое исследование русскоязычных учебников корейского языка на основе анализа корейско-русских учебников конца XIX века — 1990-г годов // *Russian Linguistic Bulletin*. 2022. №7 (35).
- Ким Хэ Ран*, Росиягон хангуго гёдждэы тхонгсичок энгу:19 сеги маль эсо 1900 ен иджон хан-ро гё джэ рыл чуон сим ыро Диахроническое исследование учебников корейского языка в России: на примере корейско-русских учебников с конца XIX века до 1900 года, Кён Хи Суверг университет, Высшая школа культуры и творчества. 2022, 160 с. (на кор.)
- Кузьмин Н.Д.*, Элементарное пособие к изучению корейского языка, Хабаровск, 1900, 200 с.
- Ли Ин, Ким Ин Сен*, Детский Колхозник для 2 класса, 1 часть, Хабаровск: Учебное издательство, 1932, 160 с. (на кор.)
- Ли Чжи-ён*, Гын дэ хан гуго гёдже-ы данвон гусонг пенчхон [Изменения в составе учебных пособий современных и современных учебников корейского языка] // куго гёюк энгу [Исследования по обучению корейскому языку] № 11, 2003, с. 369—410. (на кор.)
- Ли Чжи-ён*, Гын хён дэ хагуго гёдждэы са чок гочаль [Исторический анализ современных и современных учебников корейского языка] //, гуго гёюкенгу13 [Исследование образования в области корейского языка 13], Научно-исследовательский институт образования в области корейского языка, Сеульский национальный университет, 2004, с. 369—410. (на кор.)
- Пуцилло М.П.* Опыт Русско-корейского словаря, СПб., 1874.
- Пьянков В.Г.* Корейская Азбука, СПб., 1874, 6 с.
- Пэк Пон-джа*, Гёдждэ уоа гё супопыл тхон хэ вон хан гуго гёюк-ы ёкса уоа гоа дже [История и проблемы обучения корейскому языку с помощью учебников и методов обучения] // ое гуго ро со ы хангуго гёюк [Обучение корейскому языку как иностранному], vol. 2526, 2001, с. 11—31. (на кор.)

Хан Дык-пон, Сорёнэсоы хангуго гёюк [Обучение корейскому языку в Советском Союзе] // 3-я Международная конференция, двязычный журнал 8, 1991, с. 609—613. (на кор.)

Хван Дон-Мин, Учебные материалы по Корейскому языку 1, М., 1946, 100 с.

Хван Дон-Мин, Учебные материалы по Корейскому языку 2, М., 1947, 100 с.

Чо Хан-нок, Хангуго гёдждэ, суопджарё [учебные материалы для урока корейского язык], 2002. 150 с. (на кор.)

Холодович А.А., Грамматика корейского языка часть I Морфология, М., 1937, 160 с.

Холодович А.А., Очерк грамматики корейского языка, М., 1954, 280 с.

Kelly L.G. (1969), 25 Centuries of Language Teaching. Rowley, Mass: Newbury House.

References

Baek Bong-Ja (2001), 「The History and Tasks of Korean Education through Textbooks and Teaching Methods」, 『Korean Education as a Foreign Language, vol. 2526, p. 11—31. [in Kor.]

Han Deuk-bong (1991), “Korean Language Education in the Soviet Union,” 3rd International Conference, Journal of Bilingualism 8, p. 609—613. [in Kor.]

Hwang Dongmin (1946), Educational materials on the Korean language 1, Moscow [in Russ.-Kor.]

Hwang Dongmin (1947), Educational materials on the Korean language 2, Moscow [in Russ.-Kor.]

Hlodovich A.A. (1937), Grammar of the Korean language, part I Morphology, Moscow. [in Russian]

Holodovich A.A. (1954), Essay on the grammar of the Korean language, Moscow [in Russ.-Kor.]

Jo hang-rok (2002), Korean textbooks, teaching materials. [in Kor.]

Kelly L.G. (1969), 25 Centuries of Language Teaching. Rowley, Mass: Newbury House.

Ko Kyung-Min (2014), “A Study on the Classification of Korean Textbooks by Type: Focusing on the Name and Meaning of Integrated Textbooks”, Korean Language Education Field Study, 8(2), 275—298. [in Kor.]

Kim Byung-ha et al. (1949), Korean reading. Second grader, Moscow: State-run School Book Publishing House. [in Kor.]

Kim Byung-ha et al. (1949), Korean reading. For third graders, Moscow: State-run School Book Publishing House. [in Kor.]

Kim Byung-ha et al. (1949), Korean reading. For fourth graders, Moscow: State-run School Book Publishing House. [in Kor.]

Kim H. (2022). Diachronic study of Russian-language textbooks of the Korean language based on the analysis of Korean-Russian textbooks of the late 19th century — 1990s. *Russian Linguistic Bulletin*. №7 (35).

Kim Hye-ran (2022), “A Diachronic Study of Korean Language Textbooks in Russian: Emphasis on Korean-Russian Textbooks from the Late 19th Century to 1990”, Seoul: Kyung-hee University Press [in Kor.]

Kim Namseok & Heo Gai (1966), Korean Textbook, Tashkent. [in Kor.]

Kim Pyong Ok (1899), Textbook for the study of the Korean language, St. Petersburg. [in Russ.-Kor.]

Kim Pyong Ok (1898), Korean texts, St. Petersburg [in Russ.-Kor.]

Kuzmin N.D. (1900), An elementary guide to the study of the Korean language, Habarovsk [in Russ.]

Lee In et al. 2 (1932), Young Kolhoznik, (for the second graders of elementary school), the first single volume, Habarovsk: Wondong National Publishing House. [in Kor.]

Lee Ji-Young (2003), “Changes in Unit Composition of Modern Korean Textbooks”, Korean Language Education Research Vol. 11, p. 369—410. [in Kor.]

Lee Ji-Young (2004), “Historical Study on Modern and Contemporary Korean Textbooks”, Korean Language Education Research 13, Seoul National University Korean Language Education Research Institute, p. 369—410. [in Kor.]

Pucillo M.P. (1874), Experience Russian-Korean Dictionary, St. Petersburg. [in Russ.-Kor.]

Pyankov V. (1874), Korean ABC, St. Petersburg. [in Russ.-Kor.]

Historical and Pedagogical Significance of Russian Textbooks of the Korean Language published before 1990s

Kim Hye-Ran

Kim Hye-Ran, Ph.D of philological sciences, associate professor, University Higher School of Economics, Moscow (krkim@hse.ru).

Abstract. *This article presents a panorama of Korean language textbooks published in Russia for more than a century of the history of Korean language teaching. The evolution of these textbooks allows us to trace the continuity of the Russian school of Korean linguistic studies, as well as to highlight the features characteristic of each of the periods of textbook development.*

We have shown that many of the techniques that formed the basis of these textbooks remain academically and methodologically relevant today, despite the influence of the socio-historical context in which they were created. In addition, we have identified prospects for using these textbooks to develop new Korean language textbooks.

Keywords: *Russian-language Korean language textbooks, periodization, evolution, methodology, perspectives.*

Начало Корейской войны: позиция Республики Индия

Никитин Д.С., Маньшина А.А.

Никитин Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (nikitds33@gmail.com)

Маньшина Анастасия Андреевна, студент факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (nastenka.man.2001@mail.ru).

Аннотация. *Начало вооружённого конфликта между Северной и Южной Кореей в 1950 г. стало серьёзным вызовом не только для стран Дальнего Востока, но и для молодых азиатских государств, встраивавшихся в послевоенную систему международных отношений. В этом отношении представляет интерес позиция Республики Индия, претендовавшей на роль регионального лидера и ставшей в 1950 г. непостоянным членом Совета Безопасности ООН. На позицию правительств Дж. Неру по корейской проблеме влиял ряд факторов: непризнание Индией РК и КНДР в 1948 г.; «китайский фактор», состоявший в необходимости выстраивания отношений с КНР и определения позиции в вопросе о месте Китайской Республики в Совбезе ООН; сотрудничество в рамках Совбеза ООН с СССР и США, игравшими важную роль в конфликте; стремление к сохранению «внеблокового» статуса Индии. Совокупность этих факторов привела к тому, что Индия, осудив действия КНДР, не примкнула к силам ООН. Руководствуясь принципами ООН, Дж. Неру одним из первых выступил с мирной инициативой разрешения конфликта, чтобы не допустить вмешательства в конфликт КНР. Хотя инициатива не была поддержана США и Великобританией, в годы конфликта Индия продолжала активно выступать за его мирное урегулирование, став одной из стран-членов ООН, поддержавших резолюцию о прекращении огня в июле 1953 г.*

Ключевые слова: *Корейская война, Республика Индия, Совет Безопасности ООН, Джавахарлал Неру, Б.Н. Рау, мирное урегулирование*

Процессы деколонизации, активно шедшие после окончания Второй мировой войны, привели к появлению на карте мира новых государств, столкнувшихся с необходимостью определения своего места в системе международных отношений и принципов внешней политики. В значительной степени разработка этих принципов зависела не только от политической позиции лидеров молодых независимых стран, но и от внешних условий — конфликтов, новых блоков и союзов, деятельности международных структур.

В этой связи особый интерес представляет позиция освободившихся от колониальной зависимости государств по международным конфликтам, требовавшим немедленной реакции, поскольку именно в решении подобных проблем происходила «проверка боем» молодых дипломатий, вступающих в послевоенную систему международных отношений.

Для Индии, прошедшей долгий путь национально-освободительной борьбы и бывшей авторитетом для других стран Азии и Африки, эту борьбу продолжающих, одним из первых выступлений на мировой арене стала Корейская война (1950—1953). В этом конфликте проявилась индийская внешнеполитическая позиция, которую политические лидеры страны провозглашали ещё до объявления независимости в 1947 г. — в международных отношениях Индия намеревалась отстаивать «мир и свободу» [Nehru, 1961, p. 24], что в практическом измерении выражалось в политике неприсоединения «с целью не только держаться в стороне от силовых группировок, но и стремиться сделать возможным дружественное сотрудничество» [Юрлов, 2015, с. 344]. Таким образом, в нарастающем противостоянии между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки Индия отказывалась занять какую-либо из сторон, однако такая позиция не предполагала и внешнеполитической пассивности — свои взгляды на «мир и прогресс» премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и его правительство активно отстаивали в двусторонних отношениях и в рамках международных организаций.

В нарастании противостояния между сверхдержавами ситуация вокруг Корейского полуострова, сложившаяся по окончании Второй мировой войны, играла большую роль. В ней с особенной силой проявилась непримиримость позиций США и СССР, и в этом конфликте индийской внешнеполитической доктрине предстояла проверка на прочность.

Позиция Индии по корейскому вопросу начала формироваться уже в 1945 г., когда страна ещё находилась в колониальной зависимости от Великобритании. Так, если Каирская декларация, согласно которой предполагалось, что «в должное время Корея должна стать свободной и независимой» [Каирская декларация], и подтвердившая каирские заявления Потсдамская декларация были приняты в Индии благосклонно, то решения Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании воспринимались в стране критически. Индийская пресса резко критиковала систему международной опеки над Кореей, создание которой предполагалось решениями совещания. «Хинду», одна из ведущих индийских газет, сообщала о том, что дипломатия великих держав в послевоенном мире, как и прежде, определяет судьбу небольших народов, интересы и права которых подчинены престижу и силе ведущих государств, и в силу этого «Корея страдает, потому что две главные силы представляют, будто их стратегические интересы сталкиваются на её территории» [The Hindu, 1945]. В 1947 г. Соединённые Штаты подняли вопрос о включении вопроса о независимости Кореи в повестку заседаний второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН); Индия, Великобритания и Сирия в противовес СССР поддержали это предложение. В ходе дискуссий по этому вопросу индийская делегация отстаивала идею проведения выборов в Корею для создания конституционной ассамблеи и национального правительства, и предложила исключить из американского предложения положение о том, что выборы должны проводиться под контролем оккупационной администрации [Shiva Rao V., Kondapi C., 1951, p. 298]. Вопреки возражениям СССР Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о создании временной комиссии для установления в Корею национального правительства посредством выборов [Choi, 1975]. Индия стала одним из членов комиссии, а её председателем был избран индийский дипломат Кумар Падма Шивашанкар Менон.

Отказ СССР допустить комиссию на северокорейскую территорию и проведение выборов в американской оккупационной зоне 10 мая 1948 г. способствовали тому, что в августе 1948 г. была провозглашена независимая Республика Корея. Её первым президентом стал Ли Сын Ман, хотя не все члены ООН поддержали эти выборы — например, Индия, Австралия, Канада и Сирия выразили сомнения в их правомер-

ности [Oliver, 1978]. Ответом на выборы на Юге в сентябре стало провозглашение Корейской Народно-Демократической Республики на Севере полуострова. Индия поддержала резолюцию четвёртой сессии ГА ООН о признании правительства Республики Корея единственным законным правительством на полуострове и создании новой комиссии по объединению Кореи, однако не установила с ней дипломатических отношений из опасения, что это будет препятствовать объединению [Shiva Rao V., Kondapi C., 1951, p. 298]. В письме к премьер-министру Бирманского Союза У Ну индийский премьер Дж. Неру сообщал, что южнокорейское правительство — «это не то правительство, которое вызывает у нас большую симпатию» [Nehru, 1984, p. 315], однако индийского признания не получила и КНДР.

Комиссия по объединению оказалась неспособна решить поставленные перед ней задачи ввиду противоречий между СССР и США и формирования двух враждебных друг другу правительств на Корейском полуострове. Комиссия продолжила свою деятельность и, согласно резолюции 293 (IV) Генеральной Ассамблеи, принятой 21 октября 1949 г., должна была «вести наблюдение за всеми событиями, могущими повести к вооружённому конфликту в Корее или вызвать таковой и представлять соответствующие доклады» государствам-членам ООН [Совет Безопасности, 1950, с. 2], однако вооружённое столкновение предотвратить не удалось.

В 1950 г. Индия стала непостоянным членом Совета Безопасности ООН (СБ ООН). Молодая республика ответственно отнеслась к почётной миссии и активно участвовала в мероприятиях СБ ООН, которые позволяли ей более тесно контактировать с СССР и США.

На заседании СБ ООН 25 июня, посвящённом вторжению северокорейских войск на территорию Республики Корея, председательствовал индийский представитель Бенегаль Нарсинг Рау. Присутствовавшие члены СБ, включая Индию, выступили против агрессии КНДР, призвали её к отводу войск и немедленному прекращению военных действий, приняв соответствующую резолюцию — 9 голосов «за» при одном воздержавшемся (Югославия) и одном отсутствовавшем члене Совета (СССР) [Совет Безопасности, 1950, № 15, с. 9].

26 июня 1950 г. в МИД Индии поступила секретная телеграмма от британского государственного секретаря по делам

Содружества Патрика Уокера, сообщавшая, что «рано утром 24-го июня северокорейские войска вторглись на территорию Республики Корея в нескольких пунктах... Кэсон был атакован и занят 25-го июня» [NAI. President's Secretariat. General Branch. 1950. File No. 92/50. P. 1]. Днём позже Уокер передал в Индию заявление посольства США в Великобритании, которое гласило, что «специально вооружённые Советским Союзом для этой цели танками и самолетами» [NAI. President's Secretariat. General Branch. 1950. File No. 92/50. P. 4] северокорейские войска вторглись в Южную Корею и захватили столицу, в связи с чем США созвали экстренное заседание СБ ООН. В телеграмме сообщалось, что Соединённые Штаты считают вторжение проявлением «империализма комми», нацеленного на завоевание независимых наций, в связи с чем президент США Трумэн приказал 7-му флоту занять необходимые позиции для обеспечения безопасности о. Формоза (Тайвань) [NAI. President's Secretariat. General Branch. 1950. File No. 92/50. P. 4].

Однако к моменту заседания 25 июня решение Трумэна о размещении флота для обороны Формозы ещё не было известно правительству Индии, и новость об этом в значительной степени скорректировала индийскую позицию по корейской проблеме.

27 июня Дж. Неру телеграфировал К.П.Ш. Менону в ответ на сообщение о приказе Трумэна: «Наш делегат в Лейк-Саксесс [где проходило заседание СБ ООН] отдал свой голос на основании имеющейся у него информации, и, по-видимому, на том этапе у него не было времени передавать этот вопрос нам. Информация, которой мы располагаем, ясно указывает на то, что Северная Корея совершила акт агрессии и сделала это после полной подготовки. Другого объяснения происходящему нет, какие бы незначительные события ни происходили ранее. Мы информируем нашего представителя в Лейк-Саксесс о том, чтобы он впредь не брал на себя никаких обязательств без ссылки на нас» [Nehru, 1984, p. 307]. Для Неру возможное вовлечение в конфликт Китайской Народной Республики, которая считала Тайвань своей территорией, было особенно острым вопросом ввиду того, что Индия имела с КНР общую границу, а также потому, что Индия одной из первых признала коммунистическое правительство Китая. 28 июня Неру в беседе с американским послом Лоу Хендерсоном сообщал, что признание было сделано в надежде на развитие «настолько

дружественных отношений, насколько это возможно» [Nehru, 1984, p. 308], но их развитие не будет возможным в случае, если Индия поддержит решения США относительно Формозы. Неру также заявил, что правительства Индии, Бирмы и Индонезии придерживаются политики неприсоединения ни к одному из двух противостоящих блоков, и Индия внимательно относится к тому, чтобы у других государств не сложилось впечатления, будто оно меняет свой курс без предварительных консультаций [Nehru, 1984, p. 308].

Таким образом, на заседании СБ ООН 27 июня, где принималось решение об оказании помощи Южной Корее, Б.Н. Рау, не получивший вовремя правительственных инструкций, воздержался от голосования. Рау объяснил свой отказ следующим образом: «Из сидящих за этим столом представителей всех стран следующей за Китаем по своей близости к месту конфликта стоит Индия, и поэтому моё правительство должно с особой тщательностью взвесить вероятные последствия того или иного возможного решения. Вероятно, в силу именно этого обстоятельства моё правительство до сих пор не могло послать определённых инструкций, и членам Совета будет ясно, почему я не имею возможности участвовать в голосовании ни по одному из этих двух проектов резолюций» [Совет Безопасности, 1950, № 16, с. 8]. 29 июня министр иностранных дел Индии Гирия Баджапай прислал Б.Н. Рау телеграмму, содержащую заявление о скорректированной позиции правительства. В заявлении указывалось, что правительство Индии смотрит на корейский конфликт как на угрозу для всего мира, и, основываясь на сведениях, предоставленных Комиссией ООН по Корее, считает, что КНДР совершила акт агрессии против Южной Кореи. Поэтому представитель Индии в ООН Б.Н. Рау голосовал в поддержку первой резолюции СБ по корейскому конфликту, которая осуждала применение силы, но не предполагала конкретных действий. Не получив вовремя инструкций от правительства, Б.Н. Рау воздержался от голосования по второй резолюции, однако правительство Индии, тщательно рассмотрев предлагаемые меры, заявило об осуждении попыток решения международных конфликтов вооружённым путём, но поддержало указанные в резолюции меры в целях скорейшего установления мира; при этом оговаривалось, что данное заявление не ведёт к пересмотру внешнеполитического курса страны, нацеленного на развитие мирных и дружествен-

ных отношений между всеми странами. Индия провозглашала продолжение независимой внешней политики, исходящей из индийских идеалов и целей [NAI. President's Secretariat. General Branch. 1950. File No. 92/50. P. 23—24]. В письме к Б.Н. Рау от 1 июля Неру объяснял, что стремление США связать корейский конфликт с ситуацией вокруг Тайваня и Индокитая вызывает у него возражения, и на вопрос Генерального секретаря ООН Трюгве Ли о том, какую практическую помощь готова оказать Индия в военном решении конфликта, сообщал, что военная доктрина страны является всецело оборонительной, и попытка оказания активной помощи могла быть неэффективной и привести к новым осложнениям; кроме того, Неру подчеркивал отсутствие у Индии ресурсов для оказания подобной помощи [Nehru, 1984, p. 313].

Результатом взвешенной позиции Индии по корейскому вопросу стала схема мирного урегулирования, которую Неру изложил в письмах Сталину и Трумэну. Неру, опасавшийся вступления в конфликт КНР, предлагал СССР и США локализовать конфликт путём выхода из «тупика», в котором оказался СБ ООН, таким образом, чтобы США согласились на предоставление места в СБ ООН КНР вместо Китайской Республики, а СССР вернулся на заседания СБ. Вместе, «будь то в рамках или посредством неофициальных контактов за пределами Совета», США, КНР и Советский Союз при посредстве других «миролюбивых наций» смогли бы найти основу для прекращения конфликта и для окончательного решения корейской проблемы [Singh, 1994, p. 46]. КНР и СССР в этом случае могли бы настаивать на заключении перемирия между воюющими сторонами и отводе войск к 38-й параллели. Советское правительство отнеслось к проекту Неру благосклонно [Singh, 1994, p. 46], однако Соединённые Штаты, которые в июле активно увеличивали численность вооружённых сил в Корее, отклонили его предложение. Британское правительство Эттли, которое не было прямым адресатом посланий Неру, также не поддержало его инициативу.

3 августа 1950 г. Б.Н. Рау в обращении к СБ ООН заявил, что признание Индией Китайской Народной Республики в декабре 1949 г. было связано с желанием предоставить китайским представителям место в различных органах и учреждениях ООН, и Индия пыталась разрешить этот вопрос задолго до вооружённого конфликта в Корее и независимо от него [Shiva Rao B., Kondapri C., 1951, p. 302]. Неру также высказы-

вался о том, что изоляция «Нового Китая» порождает «страхи и подозрения» [Singh, 1994, p. 48], однако западные державы проигнорировали предупреждение китайской стороны (переданное через индийского посла в КНР Кавалама Паниккара) о том, что войска КНР вступят в войну, если американские вооружённые силы пересекут 38-ю параллель [Юрлов, 2015, с. 346]. Таким образом, со вступлением в конфликт КНР в октябре 1950 г. начался новый этап Корейской войны.

Хотя план Неру по мирному урегулированию корейского конфликта не увенчался успехом, на всём его протяжении Индия неоднократно предпринимала миротворческие усилия, оказывала войскам ООН поддержку медикаментами, возглавляла Комиссию нейтральных стран по репатриации военных, созданную для обмена пленными воюющими сторонами, и поддержала резолюцию ООН о прекращении огня в июле 1953 г. Дж. Неру полагал, что действия Индии предотвратили или помогли предотвратить распространение конфликта на сопредельные регионы, тогда как, согласно воспоминаниям президента США Д. Эйзенхауэра, такая возможность действительно существовала [Юрлов, 2015, с. 346]. Посредническая роль Индии подтвердила её приверженность принципам неприсоединения во внешней политике и стремление поддерживать мир в Азии, однако в противостоянии мировых держав молодая республика имела слишком мало возможностей для воплощения в жизнь своих замыслов.

Библиография

Каирская декларация. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19431203kair.html (дата обращения: 02.10.2022).

Совет Безопасности [ООН]. Официальные отчеты. 1950. № 15. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/389/17/PDF/N5038917.pdf> (дата обращения: 02.10.2022).

Совет Безопасности [ООН]. Официальные отчеты. 1950. № 16. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/389/21/PDF/N5038921.pdf> (дата обращения: 02.10.2022).

Юрлов Ф. Н. От восхода до заката. Династия Неру-Ганди. Книга первая. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 520 с.

Choi C.K. The Korean question in the United Nations // Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 1975. Vol. 8, № 3. P. 1—27.

NAI (National Archives of India). President's Secretariat. General Branch. 1950. File No. 92/50.

Nehru J. India's Foreign Policy: Selected speeches, September 1946—April 1961. Delhi: Government of India, 1961. 630 p.

Nehru J. Selected works of Jawaharlal Nehru. Second series. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1984. Vol. 14, part 2. 530 p.

Oliver R.T. Syngman Rhee and American Involvement in Korea 1942—1960. Seoul: Panmun Book Company LTD, 1978. 149 p.

Shiva Rao B., Kondapi C. India and the Korean crisis // *India Quarterly*. 1951. Vol. 7, № 4. P. 295—315.

Singh I. Korean Crisis of 1950: Nehru's Peace Initiative // *World Affairs: The Journal of International Issues*. 1994. Vol. 3, № 1. P. 45—48. *The Hindu*. 1945. 30th December.

References

Kairskaya deklaraciya [Cairo Declaration]. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19431203kair.html (accessed: 2 October, 2022). (In Russian).

Choi, C.K. (1975). The Korean question in the United nations, *Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*, V. 8, No. 3: 1—27.

Oliver, R.T. (1978). Syngman Rhee and American Involvement in Korea 1942—1960, Seoul: Panmun Book Company LTD, 149 p.

Sovet Bezopasnosti [OON]. Oficialnye otchety [UN Security Council. Official reports], 1950, No. 15. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/389/17/PDF/N5038917.pdf> (accessed: 2 October, 2022). (In Russian).

Sovet Bezopasnosti [OON]. Oficialnye otchety [UN Security Council. Official reports], 1950, No. 16. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/389/21/PDF/N5038921.pdf> (accessed: 2 October, 2022). (In Russian).

Yurlov, F. N. (2015) *Ot voshoda do zakata. Dinastiya Neru-Gandi. Kniga pervaya* [From sunrise to sunset. The Nehru-Gandhi dynasty. The first book], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 520 p. (In Russian).

NAI (National Archives of India), President Secretariat, General Branch, 1950, File No. 92/50.

Nehru, J. (1961). India's Foreign Policy: Selected speeches, September 1946 — April 1961, Delhi: Government of India, 630 p.

Nehru, J. (1984). Selected works of Jawaharlal Nehru. Second series, New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, V. 14, part 2, 530 p.

Shiva Rao, B., Kondapi, C. (1951). India and the Korean crisis, *India Quarterly*, V. 7, No 4: 295—315.

Singh, I. (1994). Korean Crisis of 1950: Nehru's Peace Initiative, *World Affairs: The Journal of International Issues*, V. 3, No. 1: 45—48. *The Hindu*, 1945, 30th December.

The beginning of the Korean War: the position of the Republic of India

Nikitin D.S., Manshina A.A.

Dmitry S. Nikitin, Candidate of Science (History), Senior lecturer,
National Research Tomsk State University (nikitds33@gmail.com)

Anastasia A. Manshina, Student, National Research Tomsk
State University (nastenka.man.2001@mail.ru)

Abstract. *The outbreak of the armed conflict between North and South Korea in 1950 became a serious challenge not only for the countries of the Far East, but also for the young Asian states that were integrating into the post-war system of international relations. In this regard, the position of the Republic of India, which claimed to be a regional leader and became a non-permanent member of the UN Security Council in 1950, is of interest. The views of the Nehru's government on the Korean problem was influenced by some factors, i. e.: India's non-recognition of the Korean states in 1948.; The "Chinese factor", which consisted in the need to maintain relations with the PRC and determine the position on the issue of the place of the Republic of China in the UN Security Council; cooperation with the USSR and the United States within the UN Security Council, which played an important role in the conflict; the desire to preserve the "non-aligned" status of India. The combination of these factors led to the fact that India, condemning the actions of the DPRK, did not join the UN forces. Guided by the principles of the UN, J. Nehru was one of the first to come up with a peaceful initiative in order to prevent China from interfering in the conflict. Although the initiative was not supported by the United States and Great Britain, during the years of the conflict, India continued to demand for its peaceful settlement, becoming one of the UN member states that supported the ceasefire resolution in July 1953.*

Keywords: *the Korean War, Republic of India, UN Security Council, Jawaharlal Nehru, B. N. Rau, peaceful settlement*

Нейтральная Корея — мысли о немыслимом?

Жебин А.З.

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИКСа РАН (alexzheb1948@gmail.com).

***Аннотация.** Автор выдвигает гипотезу о том, что именно отсутствие общего для России, Китая, Соединённых Штатов и Японии, а также для двух Корей видения места будущей объединённой Кореи в архитектуре безопасности Северо-Восточной Азии является основной внешней причиной сохраняющейся нерешенности ядерной и других корейских проблем. Некоторые политики и эксперты в США, РК и Японии уже внесли единую Корею в список членов трёхстороннего военно-политического альянса США—Япония—РК. Такое видение вряд ли будет приветствоваться в Москве и Пекине. В этих столицах, вероятно, воспримут такой треугольник как средство сдерживания России и Китая и угрозу своей безопасности. Попытки использовать будущую объединённую Корею в качестве де-факто передовой базы морских держав — Соединённых Штатов и Японии — против континентальных держав — России и Китая могут помешать и уже препятствуют как установлению всеобъемлющей и устойчивой системы мира в Северо-Восточной Азии, так и решению ядерной проблемы на Корейском полуострове и воссоединении Кореи. Четыре «большие страны» с традиционно высокими ставками на Корейском полуострове — Россия, Китай, США и Япония, а также обе Кореи должны начать консультации с целью достижения согласия по этой проблеме. Автор приходит к выводу, что нейтрализация объединённой Кореи является единственным реалистичным вариантом достижения воссоединения двух частей страны и обеспечения устойчивого мира на Корейском полуострове.*

***Ключевые слова:** Северо-Восточная Азия, Корейский полуостров, великие державы, система безопасности, нейтральное государство*

Россия и воссоединение Кореи

Позиция Москвы в отношении межкорейского сближения и его возможных результатов определяется национальными

интересами России, которым, безусловно, отвечает ликвидация очага напряженности у наших дальневосточных границ и появление в перспективе единой Кореи, дружественной России, не участвующей в каких-либо замкнутых военно-политических союзах, могущих создать угрозу законным интересам безопасности России и других соседних стран.

«Мы, — заявил Президент В.В. Путин в интервью телерадиостанции KBS накануне официального визита в РК в ноябре 2013 г., — безусловно, поддерживаем стремление корейцев к объединению нации. Это естественный процесс». Однако при этом Россия исходит из того, что он «должен происходить исключительно мирным путём и с учётом интересов как северной части полуострова, так и южной. Нельзя ничего навязывать партнёрам, иначе вместо положительного результата процесс примет разрушительный характер. И напротив, если учитывать интересы партнёров, этот процесс может быть очень созидательным, позитивным и может принести большие положительные результаты как для мировой политики, для обеспечения безопасности в регионе, так и для экономики этого региона мира» [Kremlin.ru, 2013].

Российский лидер подчеркнул, что «мы будем поддерживать только тот процесс, который будет идти мирным путём, будем поддерживать только использование тех средств, которые в современном, цивилизованном мире приводят к положительным результатам, а не доводят до конфликтов, трагедий и разрушений» [Там же].

Россия никогда не ставила перед собой задачу добиться господствующих позиций на Корейском полуострове [Пак, 2004, сс. 192—194]. Вместе с тем она традиционно была заинтересована в том, чтобы этот район не оказался под преобладающим влиянием какой-то другой, тем более недружественной нам державы, или стал местом, откуда могла бы исходить угроза безопасности России [Ткаченко, 2000, р. 165]. Нам надо, наконец, перестать стесняться того факта, что у России есть свои собственные интересы на полуострове. В силу одного лишь географического фактора — мы непосредственно граничим с Кореей — эти интересы не менее значимы и законны, чем у стран, отделенных от Корейского полуострова морями и, тем более, океанами.

С этой точки зрения заявленное стремление КНДР добиваться создания на полуострове нейтрального, неприсо-

единившегося, внеблокового государства выглядит, с точки зрения интересов безопасности России, предпочтительнее позиции некоторых кругов в Вашингтоне и Сеуле, твердящих о необходимости сохранения военно-политического союза с США и присутствия на полуострове американского воинского контингента даже после объединения Кореи.

Поиски новой архитектуры безопасности в СВА

В Северо-Восточной Азии, как известно, нет какого-либо многостороннего института обеспечения безопасности. Высказывалось мнение, что механизм шестисторонних переговоров мог бы послужить в будущем фундаментом создания восточно-азиатской модели организации безопасности и сотрудничества. Однако в свете продолжающейся с 2009 г. паузы в многосторонних усилиях по урегулированию корейских проблем, надежды, высказывавшиеся некоторыми экспертами, на превращение данного форума в некий региональный механизм по безопасности и сотрудничеству, практически исчезли.

Сторонники указанной идеи настаивали на том, что наряду с ядерной проблемой и такими традиционными вопросами повестки дня, как контроль и сокращение обычных вооружений, меры укрепления доверия, такая организация могла бы реагировать на комплекс новых вызовов и угроз — в частности, бороться с терроризмом и обеспечивать экологическую безопасность, координировать совместные усилия по преодолению последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф и т.д.

Однако опыт начала XXI века показал, что новые вызовы и угрозы в Северо-Восточной Азии оказались не столь актуальными, как в других регионах мира. Можно видеть, что эти проблемы не стали главным приоритетом в повестке дня как многосторонних, так и двусторонних встреч лидеров стран СВА.

В центре дипломатического дискурса остаются традиционные угрозы безопасности, усугубляемые историческими и территориальными спорами. В частности, опыт корейского урегулирования на протяжении последних трех десятилетий, в том числе зашедшее в тупик усилия по разрешению ядерной проблемы на Корейском полуострове заставляют вспомнить слова ныне уже почти позабытого классика политической борьбы о том, что, не решив главного, общего вопроса, мы то

и дело будем спотыкаться о мелкие, частные проблемы и не знать, как с ними справиться.

Таким фундаментальным, ключевым вопросом, который, на мой взгляд, необходимо разрешить участникам будущего мирного режима в СВА, является определение общеприемлемого для четырёх «больших стран» — РФ, КНР, США и Японии, а также КНДР и РК места, которое займет будущая объединённая Корея в региональной системе безопасности.

Стремление не замечать существования этой проблемы или отложить её решение можно сравнить с намерением шести бригад строителей возвести один, общий для них дом, не имея согласованного и утвержденного проекта. У каждой бригады, скорее всего, есть собственное видение этого дома, расположения его входа, количества этажей, комнат и т.д. К чему приводит такая несогласованность, мы наблюдаем в наши дни.

Многие политики и эксперты в Вашингтоне, Токио и Сеуле видят место будущей объединённой Кореи в рамках трехстороннего альянса США-Япония-РК. Миссия такой единой Кореи, считает известный американский специалист Виктор Чха — выполнять роль «глобального партнера США в мировых делах» [Cha, 2009].

Однако такой подход вряд ли может устроить Москву и Пекин, которые, скорее всего, будут воспринимать такой союз как механизм сдерживания России и КНР. Появление такой структуры было бы равнозначно возникновению на наших восточных границах азиатского клона НАТО, прикрытого активно создаваемой США в регионе системой ПРО [Zhebin, 2014, p. 142].

Особенно деструктивными представляются попытки США использовать лоббируемые в настоящее время блоковые комбинации различной конфигурации типа Quad и AUKUS фактически для сдерживания мирного возвышения Китая, да и России тоже. Такие меры не могут не вызвать вполне обоснованной озабоченности в Москве в свете выхода блока НАТО к границам России и развязанной им «прокси-войны» на Украине.

Попытки превратить Корейский полуостров в передовой форпост морских держав (США и Японии) против континентальных (России и Китая) уже затянули решение ядерной проблемы на полуострове на три десятилетия и впредь будут мешать, а зачастую и блокировать полноценное многостороннее сотрудничество в корейском урегулировании, в том числе

и в создании благоприятных международных условий для воссоединения Кореи.

Что же касается самих корейцев, то хочется надеяться, что исторический опыт подскажет им, что дружба с одной из великих держав против двух других, тем более соседних, вряд ли принесет прочный мир и спокойствие на землю Кореи и уж конечно не приблизит день воссоединения страны.

Расчёты, страхи и надежды «больших стран»

Вопрос о внешнеполитической ориентации единого корейского государства, его будущих союзах чрезвычайно важен, разумеется, не только для России и Китая, но и для США и Японии и, безусловно, для самих корейцев.

Высокая степень неопределённости относительно характера внешней политики единой Кореи, её возможного участия в военно-политических союзах с другими государствами и ориентации таких союзов вынуждают соседние страны, приветствуя межкорейскую разрядку, занимать более осторожную позицию в отношении перспектив объединения.

Например, Китай, по-видимому, опасается продвижения американских войск к корейско-китайской границе протяженностью 1360 км в контексте нынешних непростых китайско-американских отношений. Соединённые Штаты не хотят отказаться от военного присутствия на полуострове, главным предлогом для которого остаётся неурегулированность межкорейских отношений. Японцы боятся появления сильного конкурента, обуреваемого стремлением взять исторический реванш за унижения колониального прошлого.

Что касается Москвы, то история свидетельствует, что с середины XIX века подлинной задачей внешней политики России было не завоевание господствующих позиций на Корейском полуострове, а предотвращение такой ситуации, когда Корея попала бы под влияние другого, особенно недружественного России государства [Ткаченко, 2000, р. 165].

В последнее время некоторые американские эксперты изучают возможность включения КНДР вместе с РК в возглавляемую США будущую систему безопасности, охватывающую как Северную, так и Южную Корею. Такой вариант считается возможным в случае, если Пхеньян примет американский сценарий денуклеаризации. Предполагается, что в этой ситуа-

ции США выступят гарантом безопасности всего Корейского полуострова — не только Южной, но и Северной Кореи [McKinney, 2018]. Это позволило бы США установить свой контроль над уникальным по стратегическому значению регионом Азии, который расположен на стыке границ России и Китая.

Расчёт строится на том, что, хотя Пхеньян и Пекин в последнее время улучшили двусторонние отношения, КНДР, тем не менее, якобы воспринимает подъём Китая как «потенциально угрожающий её собственной внешнеполитической автономии и политической независимости» [Sokolsky and Detretis, 2018]. Следовательно, приходят к выводу американские стратеги, Северная Корея может быть более восприимчива к идее предлагаемой США расстановки сил в регионе.

Согласно этим расчётам, среди задач будущего «трехстороннего партнерства в области безопасности» будут: во-первых, «предотвращение китайского господства над Корейским полуостровом», чтобы «позволить Северной и Южной Корее определять свое собственное будущее, по отдельности или вместе»; во-вторых, реагирование на «более широкую китайскую стратегическую угрозу Азиатско-Тихоокеанскому региону», и, в-третьих, купирование потенциальных опасений Японии от межкорейской разрядки и сближения, чтобы предотвратить возрождение национализма и милитаризма в этой стране, которые якобы неизбежны в случае объединения Кореи [McKinney, 2018].

Вопрос о создании объединённой Кореи пока не стоит на повестке дня. Однако не в правилах прагматичных американцев долго ждать. Был найден простой и, казалось бы, короткий путь: максимально изолировать и ослабить КНДР, а затем предложить этой стране «гарантии безопасности», добавив в качестве пряника «процветание», которое особенно в период своего президентства сулил Дональд Трамп.

Однако поездки северокаорейских лидеров в Китай накануне и после почти всех переговоров с США и Южной Кореей в 2018-2019 гг. показали, что Пхеньян, хотя и не прочь заключить мир с Вашингтоном, боится класть все яйца в одну корзину. Там, конечно, не могли не заметить, как США в те же годы открыто взяли курс на свержение законно избранного президента ещё в одной стране — Венесуэле. Вашингтон стал напрямую назначать нужную ему фигуру главой другого суверенного государства и передавать ему финансовые ресурсы, принадлежащие законному правительству этой страны. Есть ли

какие-либо сомнения в том, что такие попытки смены неудобного режима, опробованные в Венесуэле, будут использованы Соединёнными Штатами не только в Латинской Америке?

Нейтральная Корея: выгода для всех

Нейтрализация объединённой Кореи с гарантиями со стороны США, Китая, России и Японии может быть наиболее реалистичным и приемлемым вариантом для всех четырёх «больших стран». Они должны дать официальные гарантии нейтрального статуса объединённой Кореи. Этот шаг может быть поддержан и усилен Советом Безопасности ООН, который может принять специальную резолюцию на этот счёт.

«Большие страны» также должны взять на себя обязательства воздерживаться от вступления в военный союз с объединённой Кореей и пообещать друг другу и корейцам, конечно, никогда не посылать и не размещать свои войска на корейской земле.

Со своей стороны, объединённая Корея также должна объявить себя нейтральным государством, воздерживаться от заключения военных союзов с другими странами (существующие соглашения между Китаем и Северной Кореей, Южной Кореей и Соединёнными Штатами со временем перестают действовать), не приглашать никаких иностранных войск на свою территорию.

Поощряется и поддерживается участие Объединённой Кореи в различных невоенных международных и региональных организациях (АТЭС, АСЕМ, Региональный форум АСЕАН и т.д.), двусторонних соглашениях об экономическом, торговом и культурном сотрудничестве.

Обязательства, данные Севером и Югом друг другу в ряде межкорейских документов по достижению объединения мирными средствами, должны приобрести правовой статус. Это позволит им перейти к существенному взаимному сокращению вооружённых сил наряду с одновременным выводом иностранных войск с полуострова. В результате КНДР сможет высвободить значительные средства для модернизации своей экономики и инфраструктуры, а РК получит дополнительные деньги, чтобы помочь Северу выполнить эту задачу.

Конечно, неизбежно возникает вопрос — согласятся ли сами корейцы на такие ограничения суверенитета будущего

объединённого государства? Увы, мы живём в эпоху ограниченного суверенитета. Практически все страны современного мира, большие и малые, являются участниками сотен международных договоров, соглашений и членами различных организаций, которые ограничивают этот суверенитет для их собственного и общего блага. Страдал ли до недавнего времени международный авторитет Австрии и уровень жизни её населения из-за нейтралитета, «навязанного» этой стране в 1955 году Государственным договором? Напротив, именно де-факто отказ от нейтралитета, присоединение к западным санкциям против России привели к заметному ухудшению экономической ситуации и обострению социальной напряжённости в этой стране. То же самое, с известными оговорками, можно сказать и о Швейцарии. И статусу, и имиджу этих стран как нейтральных государств нанесён серьёзный ущерб. Однако сама идея нейтральности, невовлечения в конфликты «великих держав», как показал опыт второй половины XX и начала XXI века, отнюдь не утратил своего значения.

Учитывая сегодняшние глобальные и корейские реалии, утверждения о том, что нейтрализация Кореи и самоограничение других стран в их политике на полуострове якобы «ущемят» суверенитет этой страны или лишат некоторые из великих держав «свободы рук» в Корее, являются не более чем дымовой завесой для продвижения собственных эгоистичных интересов, реализации сценариев, которые не имеют ничего общего ни с истинными интересами корейской нации, ни с интересами прочного мира и равной безопасности для всех стран региона, где в силу исторических и географических причин оказались так тесно переплетены интересы самых могущественных государств современного мира.

Заключение

Идея нейтрализации Кореи не нова. Эксперты ряда стран предлагали различные варианты её реализации. Владимир Ли, профессор Дипломатической академии МИД России, опубликовал в 1999 году монографию «О бессрочном нейтралитете Корейского полуострова в свете мирового опыта XX века» [Ли, 1999]. В течение многих лет в Республике Корея за такой сценарий выступает бывший директор Корейского института национального объединения (KINU) проф. Квак Тхэхван

и некоторые другие учёные. Ян Сончхоль, профессор Университета Кёнхи. (позже — депутат парламента и посол РК в США) в начале 1990-х годов выступал за центральную, равноудалённую роль обеих Корей в восточноазиатской системе безопасности [Yang, 1992]. Время от времени возвращаются к обсуждению идей нейтрализации Кореи некоторые западные обозреватели и южнокорейские учёные [Bernal, 2022].

Можно возразить, что недостатком предложенной модели является то, что она слишком идеалистична, а следовательно — труднореализуема, что это задача, которую можно решить лишь в более отдалённом будущем. Увы, ситуация как с денуклеаризацией, так и с воссоединением Кореи в очередной раз подводит нас к выводу, что отсутствие чёткой, взаимоприемлемой конечной цели, согласованного видения места объединённой Кореи в будущей архитектуре безопасности в Северо-Восточной Азии является той главной, ключевой проблемой, без обращения к которой, как показывает опыт корейского урегулирования, его не достигнуть.

Нейтрализация объединённой Кореи станет настоящей «большой сделкой» между четырьмя «большими странами» и двумя Кореями. Такая Корея может послужить краеугольным камнем устойчивого мирного механизма в Северо-Восточной Азии.

Библиография

Ли В.Ф. О бессрочном нейтралитете Корейского полуострова в свете мирового опыта XX века. М., 1999.

Пак Б.Д. Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. Издат. Фирма «Восточная Литература» РАН, 2000.

Bernal, G. Straight down the middle: Why neutrality could be best option for two Koreas // NKnews. 02.08.2022. URL: <https://www.nknews.org/pro/straight-down-the-middle-why-neutrality-could-be-best-option-for-two-koreas/> (accessed: 06.09.2022).

Cha, V. U.S.—Korea Relations: Obama's Korea Inheritance // Comparative Connections. Oct-Dec. 2009. URL: <http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance> (accessed: 02.09.2022).

Kremlin.ru. Интервью южнокорейской телерадиокомпании KBS, 12 ноября 2013 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19603> (accessed: 01.09.2022).

McKinney, W. Korea at a Crossroads: Time for a US-ROK-DPRK Strategic Realignment // 38NORTH. Sept. 17, 2018. URL: <https://www.38north.org/2018/09/WMCKINNEY091718/> (accessed: 22.09.2022).

Sokolsky R., and Depetris D. Imagining a New US—South Korean Security Architecture // 38NORTH. NOVEMBER 15, 2018. URL: <https://www.38north.org/2018/11/rsokolskyddepetris111518> (accessed: 22.11.2022).

Yang Sang-Chol. Towards an East Asian Collective Peace and prosperity Regime: A Kite Flying Model // Sino-Soviet Affairs. 1992. Vol. 16, No. 3, p. 147—170.

Zhebin, A. Overcoming Obstacles for China-Japan Cooperation over the Korean Peninsula. In *The Koreas between China and Japan*. Ed. by Victor Teo and Lee Guen. Cambridge Scholars Publishing. 2014.

References

Bernal, G. (2022). Straight down the middle: Why neutrality could be best option for two Koreas. *NKnews*. 02.08.2022. URL: <https://www.nknews.org/pro/straight-down-the-middle-why-neutrality-could-be-best-option-for-two-koreas/> (accessed: 06.09.2022).

Cha, V. (2009). U.S.—Korea Relations: Obama’s Korea Inheritance. *Comparative Connections*. Oct–Dec. 2009. URL: <http://cc.pacforum.org/2009/01/obamas-korea-inheritance> (accessed: 02.09.2022).

Kremlin.ru (2013). Interview to Korean Broadcasting System. 12 November 2013. Novo-Ogaryovo, Moscow Region 12 November 2013, *Official site of the President of Russia*. URL: <http://eng.news.kremlin.ru/news/6258> (accessed: 01.09.2022).

Lee, V. (1999). O bessrochnom neutralitete Koreiskogo poluostrova v svete mirovogo opyta XX veka [On Eternal Neutrality of the Korean Peninsula in view of XX Century’s Experience]. Academic Books. Moscow. 1999. (in Russian)

McKinney, W. (2018). Korea at a Crossroads: Time for a US-ROK-DPRK Strategic Realignment. *38NORTH*. Sept. 17, 2018. URL: <https://www.38north.org/2018/09/wmckinney091718> (accessed: 22.09.2022).

Pak, B. (2004). Rossiya i Koreya [Russia and Korea]. 2nd edition, expanded. Moscow, Institute of Oriental Studies. (in Russ.)

Sokolsky R., and Depetris D. (2018). Imagining a New US-South Korean Security Architecture. *38NORTH*. NOVEMBER 15, 2018. URL: <https://www.38north.org/2018/11/rsokolskyddepetris111518> (accessed: 22.11.2022).

Tkachenko, V. (2000). Koreiski poluostrov i interesy Rossii [Korean Peninsula and Russia’s Interests]. Moscow. Orient Literature Publishing House. (in Russ.)

Yang Sang-Chol (1992). Towards an East Asian Collective Peace and prosperity Regime: A Kite Flying Model. *Sino-Soviet Affairs*. Vol. 16, No. 3. pp. 147-170.

Zhebin, A. (2014) Overcoming Obstacles for China-Japan Cooperation over the Korean Peninsula. In *The Koreas between China and Japan*. Ed. by Victor Teo and Lee Guen. Cambridge Scholars Publishing.

Neutral Korea — thinking of unthinkable?

Alexander Z. Zhebin

Alexander Z. Zhebin, Ph.D. (Political Science), Principal Researcher, Center for Korean Studies, ICCA RAS (alexzheb1948@gmail.com).

Abstract. *The author hypothesizes that it is the lack of a common vision for Russia, China, the United States and Japan, shared by both DPRK and RoK, for a future united Korea's place in the security architecture of Northeast Asia is the main external reason for the nuclear and other Korean problems still remain unresolved. Some politicians and experts in the U.S.A., the ROK and Japan have already listed the re-unified Korea as a member of the tripartite military-political alliance of U.S.A.—Japan—ROK. Such a vision is unlikely to be welcomed in Moscow and Beijing. Both countries are likely to perceive such a triangle as a deterrent against Russia and China and a threat to their security. Attempts to use a future unified Korea as a de-facto a forward base of maritime powers — the United States and Japan — against continental powers — Russia and China can hamper and is already hindering both the establishment of a comprehensive and sustainable peace system in Northeast Asia, the solution of the nuclear problem on the Korean Peninsula and the re-unification of Korea. Four “big countries” with traditionally high stakes on the Korean peninsula — Russia, China, U.S.A. and Japan as well as both Koreas should start consultations with a task to reach an understanding on the issue. The author comes to the conclusion that neutralization of Korea is the only realistic option to achieve re-unification of two parts of the country and ensure sustainable peace on the Korean peninsula.*

Keywords: *Northeast Asia, Korean peninsula, great powers, security system, neutral state*

Список авторов

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет (kozlov.le@dvvfu.ru).

Соловьёв Александр Валерьевич, заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике», Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (alexsolovievster@gmail.com)

Забровская Лариса Вячеславовна, д.и.н., вед. н. с., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия. ORCID: 0000-0002-0076-4209 (larisa_zabrovska@mail.ru).

Евгения Розенфельд, к.ф.н., востоковедение, преподаватель Тель-Авивского университета (lachinha@tauex.tau.ac.il)

Юко Такахаси, доктор философии, научный сотрудник, Осацкая платформа корейских исследований, Исследовательский центр по правам человека, Осацкий столичный университет (y.takahashi06@members.leeds.ac.uk).

Кукла Марина Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры корееведения, Дальневосточный федеральный университет (kukla.mp@dvvfu.ru).

Сон Жанна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент НИУ ВШЭ. Москва, Россия (jannason@mail.ru).

Ланьков Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, профессор Университета Кукмин, Сеул, Республика Корея (andreilankov@gmail.com).

Овчинникова Любовь Всеволодовна, к.и.н., доцент, ИСАА МГУ им. Ломоносова (lovchin@yandex.ru).

Ким Хэ Ран, кандидат филологических наук, доцент, НИУ Высшая школа Экономики, Москва (krkim@hse.ru).

Никитин Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (nikitds33@gmail.com)

Маньшина Анастасия Андреевна, студент факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (nastenka.man.2001@mail.ru)

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИКСА РАН (alexzheb1948@gmail.com).

Contributors

Leonid E. Kozlov, Candidate of Sciences (Politics), Associate professor of international relations, Far Eastern Federal University (kozlov.le@dvfu.ru).

Alexander V. Solovyov, Deputy Editor-in-Chief, “Russia in Global Affairs”, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (alexso-lovievster@gmail.com).

Larisa V. Zabrovskaya, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. ORCID: 0000-0002-0076-4209 (larisa_zabrovska@mail.ru).

Eugenia Rozenfeld, PhD in Asian Studies, Teaching fellow, Tel Aviv University (lachinha@tauex.tau.ac.il).

Yuko Takahashi, Ph.D., Research fellow, Osaka Korean Studies Platform, Research Center for Human Rights, Osaka Metropolitan University (Japan) (y.takahashi06@members.leeds.ac.uk).

Marina P. Kukla, PhD in Economics, Associate professor at the Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (kukla.mp@dvfu.ru).

Zhanna Gr. SON, Associate Professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0003-0665-1624 (jannason@mail.ru).

Andrei N. Lankov, PhD in History, professor of Kookmin University, Seoul, Korea (andreilankov@gmail.com).

Ovchinnikova Liubov V., Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (lovchin@yandex.ru).

Kim Hye-Ran, Ph.D of philological sciences, associate professor, University Higher School of Economics, Moscow (krkim@hse.ru).

Dmitry S. Nikitin, Candidate of Science (History), Senior lecturer, National Research Tomsk State University (nikitds33@gmail.com).

Anastasia A. Manshina, Student, National Research Tomsk State University (nastenka.man.2001@mail.ru).

Alexander Z. Zhebin, Ph.D. (Political Science), Principal Researcher, Center for Korean Studies, ICCA RAS (alexzheb1948@gmail.com).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ШКОЛА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ФМЭИМП НИУ ВШЭ

